

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1905.

№ 11.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Очеркъ архипастырской дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія (Брянцева), Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, во время его пятилѣтняго управленія Казанскою епархією, въ связи съ общимъ обзоромъ его святительскаго служенія. *Леонида Багрецова* 607—625

Постановленія относительно имущественныхъ правъ нашихъ монастырей въ XVIII и XIX столѣтіи. (Окончаніе). *Владимира Ивановскаго* 626—638

Новый трудъ проф. А. Гарнака по исторіи распространенія христіанства. *Проф. А. Спасскаго* 639—662

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Наказаніе, какъ осуществленіе справедливости. *Павла Левитова*. 357—373

Судьба теорій саморазвитія. *Смотрителя Новоторжскаго духовнаго училища Священника Іакова Галахова* 374—396

III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Заявленіе Варшавскаго генералъ-губернатора.—Отъ Императорскаго Юрьевского Университета.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Инструкція Харьковскому Епархіальному Миссіонеру.—Инструкція помощнику миссіонера Харьковской епархіи.—Актъ Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества. II. За вѣру, Царя и отечество. *Священника Николая Заторовскаго*.—Къ современнымъ толкамъ о равноправности женщинъ съ мужчинами. *Протоіерея Николая Федоровскаго*.—Библиографическая замѣтка о противогундистскомъ катехизисѣ Преосвященнаго Алексія, Епископа Сумскаго. *К.*—Письма о церковномъ пѣніи. *П. К.*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17

1905.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, боге и менѣ пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные офисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествяна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Пісаті чооб'єв.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI

Довволено цензурою. Харьковъ, 15 Іюня 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

О Ч Е Р К Ъ

архипастырской дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія (Брянцева), Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, во время его пятилѣтняго управленія Казанскою епархією, въ связи съ общимъ обзоромъ его святительскаго служенія.

Изъ событій, выдающихся собственно въ жизни Архієпископа Арсенія, отмѣтимъ слѣдующія.—25 іюля 1898 г. скончался старшій братъ Высокопреосвященнаго, вышеупомянутый священникъ села Покрова Жиркова, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, благочинный о. Петръ Дмитріевичъ Брянцевъ. Почившій окончилъ курсъ въ Смоленской духовной семинаріи (въ 1855 г.) и былъ священникомъ сначала въ с. Настасьинѣ, Бѣльскаго уѣзда (съ 1860 г.), а затѣмъ Преосвященнымъ Антоніемъ (Амфитеатровымъ) переведенъ уже въ село Покровъ. О. Петръ оставилъ по себѣ память, какъ добрый пастырь, ревностно заботившійся о внѣшнемъ благоустроеніи приходскаго храма, о развитіи религіозно-нравственной жизни своихъ пасомыхъ и—какъ добрый семьянинъ¹⁾. Узнавъ о кончинѣ брата, Высокопреосвященный отправилъ осиротѣвшей его семьѣ телеграмму такого содержания: „Въ труженической жизни, вѣрѣ, благочестіи и мирной христіанской кончинѣ въ Бозѣ почившаго іерея Петра намъ урокъ, утѣшеніе и благодареніе Господу. Да упокоитъ его Господь въ селеніяхъ святыхъ“!...

Въ 1901 г. Владыка совершилъ поѣздку въ Нижній Новгородъ. Цѣль этой поѣздки была—участіе въ нареченіи и хиро-

¹⁾ Жизнь и труды о. Петра Дмитріевича Брянцева подробно описаны въ вышеупомянутой, изданной на средства Высокопреосвященнаго, брошюрѣ Николая Петрова. Брянцева (сына почившаго, нынѣ инспектора Рижской духовной семинаріи).

тоніи бывшаго настоятеля церквей въ По и Біаррицѣ (въ южной Фравціи) архим. Нестора (Фомина) во епископа Балахнинскаго, Викарія Нижегородской епархіи ¹⁾). Получивъ приглашеніе отъ Преосвященнаго Назарія, Епископа Нижегородскаго и Арзаманскаго, принять участіе въ нареченіи и хиротоніи о. архим. Нестора, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній выѣхалъ изъ Казани по Волгѣ 12 апрѣля. На другой день Владыка прибылъ въ Нижній Новгородъ и остановился въ покояхъ Преосвященнаго Назарія. 14-го апр. состоялось нареченіе, а 15-го—хиротонія архим. Нестора. Нареченіе—въ Крестовой церкви архіерейскаго дома—совершали, кромѣ Архіепископа Арсенія, еще Преосвященные: Назарій Нижегородскій и Арзамасскій и Платонъ Муромскій, Викарій Владимірской епархіи. Въ совершеніи же хиротоніи принималъ участіе и Преосвященный Алексій, Епископъ Вятскій и Слободскій ²⁾). Предъ врученіемъ жезла новохиротонисанному Высокопреосвященнымъ была сказана рѣчь. Въ этой рѣчи Владыка указалъ прежде всего на свойства „архіерея по сердцу Божію“, благоползнаго Церкви Христовой и назидательнаго пасомымъ, а затѣмъ—на нужды архипастырей Нижегородскихъ. Н.-Новгородъ, говорилъ Архіепископъ,—низовская страна, въ которой Господь судилъ тебѣ, возлюбленный братъ, служить въ архіерейскомъ санѣ,—издревле страна благочестивая. Но и здѣсь архипастырю надобно стоять на стражѣ своего стада: ежегодно въ семь градѣ бываетъ довольно продолжительное время купли и продажи произведеній разныхъ искусствъ и сокровищъ природы. А для сего собираются сюда люди почти со всего міра, съ разными вѣрами и безвѣріемъ, съ разными направленіями добрыми и худыми, съ разными страстями и пороками. Надобно по крайней мѣрѣ предохранять отъ всего худого своихъ пасомыхъ, если уже

¹⁾ Всенгоданвѣйшій докладъ Св. Синода о бытіи архим. Нестору Епископомъ Балахнинскимъ былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ 23 февраля 1901 г. Церк. Вѣд., изд. при Св. Синодѣ. 1901 г. № 9, стр. 49.

²⁾ Нареченіе и хиротонія архим. Нестора во Епископа Балахнинскаго, Викарія Нижегородской епархіи. Прибавл. къ Церк. Вѣд., изд. при Св. Синодѣ, 1901 г. № 7, стр. 616—617, стр. 599 и сл. „Изв. по Каз. еп.“ 1901 г. № 9, стр. 411—417.

нельзя уничтожить или хотя ослабить зло, приносимое сюда изъ разныхъ мѣстъ. Но, кромѣ того, не мало въ сей странѣ людей, почитающихъ себя въ дѣлѣ религіи правыми,—глаголемыхъ старообрядцевъ,—а на самомъ дѣлѣ давно отступившихъ отъ православія, порицающихъ оное и посягающихъ на святость и истинность его. Словомъ, много предстоитъ трудовъ, возлюбленный братъ, твоей архипастырской дѣятельности, какъ и для всѣхъ насъ нынѣ много заботъ и попеченій о благѣ Церкви Христовой и спасеніи пасомыхъ“¹⁾... Въ Казань Высокопреосвященный вернулся 18-го апрѣля.

За время своего святительскаго служенія въ Казани Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ двѣ поѣздки въ Кіевъ на богомолье.—Первая поѣздка Владыки была въ 1898 г. Съ надлежащаго разрѣшенія, Архипастыръ отбылъ изъ Казани по Волгѣ 5-го сентября. Утромъ на другой день Владыка прибылъ въ Нижній-Новгородъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи около 6-ти часовъ, Архіепископъ отправился къ Преосвященному Владиміру, а затѣмъ осмотрѣлъ нѣкоторыя Нижегородскія достопримѣчательности: кафедральный соборъ, мужской Благовѣщенскій монастырь и ярмарочный Александро-Невскій соборъ. Вечеромъ въ тотъ же день Владыка отбылъ по желѣзной дорогѣ въ Москву. 8-го сентября онъ поклонялся Московскимъ святынямъ, находящимся въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ, чудотворной иконѣ Иверской Божіей Матери, а затѣмъ, послѣ отдыха въ предоставленныхъ Митрополитомъ Владиміромъ покояхъ Чудова монастыря²⁾, отбылъ въ Симферополь. О своихъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ отъ Москвы, Владыка говоритъ слѣдующее.—„Уже много разъ я былъ въ Москвѣ, но все проѣздомъ и на короткое время. Но чтобы узнать и полюбить Москву, надобно пожить въ ней побольше, внимательно вникнуть въ явленія ея жизни и присмотрѣться ко многому... Хороша она

¹⁾ „Изв. по Каз. еп.“ 1901 г. № 9, стр. 416.

²⁾ Высокопреосвященнѣйшій Митроп. Владиміръ въ это время находился въ Звенигородскомъ Саввинскомъ монастырѣ на празднованіи 500 л. этой обители. См. Путешествіе на богомолье въ Кіевъ Арсенія Архіепископа Казанскаго. 1898 г., сентябри 6—21. Путевыя замѣтки Высокопреосвященнѣйшаго А. Арсенія. Каз. 1898 г., стр. 8.

своимъ Кремлемъ, храмами и святынями въ нихъ, — своимъ благочестіемъ и религіозными обычаями. Теперь я былъ въ Москвѣ въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы и видѣлъ большое движеніе москвичей по Кремлевскимъ храмамъ... Дважды (прежде) я осматривалъ Москву съ кровли храма Спасителя; необъятна она. Нѣсколько разъ вѣзжалъ я въ нее съ разныхъ сторонъ, но расположенія ея еще не знаю и во внутреннемъ содержаніи я видѣлъ только самое главное. Остается пожелать еще посѣтить Москву и побольше остановиться въ ней" ¹⁾. 10-го сентября Высокопреосвященный прибылъ въ Симферополь и остановился здѣсь на сутки. Встрѣченный временно управлявшимъ Таврическою епархіею Преосвященнымъ Никономъ, Епископомъ Вольскимъ, Викаріемъ Саратовской епархіи, городскимъ духовенствомъ и начальствующими въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, Архіепископъ прослѣдовалъ въ архіерейскій домъ, гдѣ и имѣлъ остановку. Затѣмъ онъ посѣтилъ Кладбищенскій храмъ и отслужилъ здѣсь панихиду по своей матери. Въ тотъ же день, въ кафедральномъ соборѣ, въ сослуженіи городского духовенства, была совершена Архіепископомъ панихида по Высокопреосвященномъ Гуріи (Карповомъ) и Преосвященномъ Михаилѣ (Грибановскимъ). Затѣмъ Владыка посѣтилъ Таврическую духовную семинарію, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ всѣми служащими и учащимися въ семинаріи. О. ректоръ прот. І. П. Знаменскій ²⁾ привѣтствовалъ Высокопреосвященнаго рѣчью. 11-го сентября Владыка отбылъ въ Бахчисарайскій Успенскій Скитъ. Объ этомъ Скитѣ Архипастыръ говоритъ: „онъ дорогъ мнѣ, какъ мѣсто моего постриженія въ монашество (1875 г. апр. 25) и посвященія въ санъ архимандрита (26 апр. т. г.). Въ немъ я часто бывалъ во время своего служенія въ Симферополь, отдыхалъ отъ своихъ трудовъ и путешествовалъ по бахчисарайскимъ горамъ и историческимъ мѣстамъ, недалеко отъ него находящимся" ³⁾. Въ Успенской церкви Владыка присутствовалъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 8—9.

²⁾ Нынѣ (съ 14 іюня 1894 г.) ректоръ Харьковской духовной семинаріи.

³⁾ Путевыя замѣтки Высокопреосвященнѣйшаго А. Арсенія. Каз. 1898 г., стр. 11.

за литургією и затѣмъ отслужилъ молебень Божіей Матери. Изъ Бахчисарайскаго Скита Архипастырѣ отправился въ Севастополь. Здѣсь онъ посѣтилъ Херсонесскій монастырь, выслушалъ молебень въ Нижнемъ храмѣ и самъ отслужилъ лѣтію по Архіепископѣ Таврическомъ Мартиніанѣ. Монастырь этотъ произвелъ на Владыку доброе впечатлѣніе. „Херсонесскій монастырь, говоритъ Архипастырѣ, — мѣсто крещенія св. благовѣрнаго князя Владиміра—сравнительно съ прежнимъ состояніемъ отлично благоустроился: мѣсто его нахождения очищено отъ камня и мусора, распланировано, засажено плодовыми деревьями и виноградными лозами и ограждено каменною стѣною. Площадь около новаго собора отлично утрамбована камнемъ и засыпана пескомъ. Херсонесскій соборъ, будучи самъ по себѣ замѣчательнымъ архитектурнымъ произведеніемъ, во внутренней своей отдѣлкѣ представляетъ прекраснѣйшее сочетаніе красоты. Художественная красота храма располагаетъ въ немъ къ молитвѣ къ любвеобильному Богу, милостивому и милосердному, а не къ Богу страшному, гнѣвающемуся и карающему. Верхній храмъ собора, при мягкой и пріятной художественной отдѣлкѣ, по своей обширности, открытости и по своему куполу удивительно хорошъ и располагаетъ къ молитвѣ“¹⁾... Вечеромъ 11 сент. Высокопреосвященный отбылъ изъ Севастополя—на пароходѣ „Великій кн. Алексѣй“—въ Одессу. Прибывъ сюда (13 сент.), Владыка имѣлъ остановку у Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Іустина (Охотина)²⁾. Въ день прибытія онъ посѣтилъ кафедральный соборъ, гдѣ поклонился чудотворной Касперовской иконѣ Божіей Матери и присутствовалъ за панихидой по архіепископамъ Никанорѣ, Дмитріи и Инокентіи. 14-го сент. Владыка, по приглашенію Архіепископа Іустина, участвовалъ съ нимъ въ совершеніи литургіи въ кафедральномъ соборѣ. Затѣмъ онъ отбылъ въ Кіевъ. Здѣсь Архіепископъ Арсеній остановился въ отведенныхъ ему, по распоряженію Высокопреосвященнаго

1) Тамъ же, стр. 12 и сл.

2) Нынѣ (съ 26-го марта 1905 г.), по преклонности лѣтъ и слабости здоровья, уволенъ, согласно прошенію, отъ управленія епархією и состоитъ управляющимъ Воскресенскимъ, имен. Новый Іерусалимъ, монастыремъ, Московск. губ.

Митрополита Іоанникія, покояхъ о. намѣстника Лавры. Въ тотъ же день (15-го сент.) онъ представился Митрополиту Іоанникію и затѣмъ поклонался святымъ, находящихся въ Михайловскомъ монастырѣ, Софійскомъ и Владимірскомъ соборахъ, обозрѣвалъ Лавру и присутствовалъ за богослуженіями въ домовою владычною церкви. 16-го сент. Высокопреосвященный совершилъ въ трапезной Лаврской церкви¹⁾, предъ чудотворною иконою Успенія Божіей Матери, молебень, поклонился Кіево-Печерскимъ угодникамъ, почивающимъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ, посѣтилъ Троицкій монастырь, гдѣ погребень товарищъ Владыки по академіи Преосвященный Виталій Калужскій, затѣмъ—женскій Флоровскій, Братскій и Пустынно-Николаевскій монастыри. На другой день Владыка совершилъ литургію въ Антоніе-Феодосіевской трапезной лаврской церкви и, вмѣстѣ съ Преосвященными Викаріями Кіевской митрополіи Епископомъ Сильвестромъ и Димитріемъ, трапезовалъ у Митрополита Іоанникія. Отблагодаривъ Митрополита, Архіепископъ посѣтилъ затѣмъ кладбище—Аскольдову могилу—и помолился объ упокоеніи погребенныхъ здѣсь своихъ родныхъ. 18-го сент. Высокопреосвященный, поклонившись еще разъ Лаврскимъ святынямъ и попрощавшись съ Митрополитомъ, отбылъ изъ Кіева чрезъ Москву и Нижній-Новгородъ въ Казань. Въ Казань онъ прибылъ 21-го сентября. Свои Путевыя Замѣтки Владыка закончиваетъ такими словами: „въ продолженіи 15 дней я совершилъ длинное (болѣе 5000 верстѣ), весьма содержательное и духовно-питательное путешествіе, посѣтивъ дорожія мѣста Крима и Кіева и повидѣвъ города Н.-Новгородъ, Москву, Симферополь, Бахчисарай, Севастополь и Одессу. Притомъ, путешествіе мое было, хотя короткое, но не мимолетное по отношенію къ означеннымъ городамъ: въ нихъ я останавливался. Сколько надобно было для цѣли моего путешествія, я вполне выполнилъ свое желаніе. А цѣль моего путешествія было—*богомолье*. Это путешествіе навсегда оста-

¹⁾ Великая Лаврская церковь въ это время ремонтировалась и поэтому главные Лаврскіе святыни: чудотворная икона Божіей Матери, св. мощи митрополита Михаила и честная глава равноапостольскаго князя Владиміра были перенесены въ трапезную церковь

вить у меня доброе и пріятное воспоминаніе; остается только пожелать, чтобы Господь припаялъ мою молитву, возносимую къ Нему во время путешествія, какъ жертву умилоствительную за умершихъ, о которыхъ я молился, и какъ жертву очистительную и спасительную за меня грѣшнаго“¹⁾.

Вторая поѣздка Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія въ Кіевъ состоялась въ 1902 г. Это путешествіе было предпринято Владыкою также съ цѣлію богомолья, при чемъ онъ намѣревался изъ Кіева проѣхать въ Черниговъ на поклоненіе Святителю Θεодосію. Къ этой поѣздкѣ побуждали Архипастыря и пользовавшіе его врачи. Изъ Казани онъ выбылъ 24-го августа по Волгѣ до Царицына. Первоначально Владыка предполагалъ остановиться въ Самарѣ для поклоненія могилѣ Преосвященнаго Серафима и въ Саратовѣ—для свиданія съ Преосвященнымъ Іоанномъ (Кратировымъ), Епископомъ Саратовскимъ и Царицынскимъ²⁾, но кратковременныя остановки парохода около этихъ городовъ не позволили Архипастырю привести свое желаніе въ исполненіе³⁾. Поѣздка по Волгѣ подѣйствовала на Архіепископа благотворно. „Третій день я изъ Казани, говоритъ онъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ отъ 27 августа;—какъ будто я совершенно забылъ свой городъ; всѣ мои заботы о дѣлахъ епархіи и думы о ея нуждахъ остались въ ней; никто ко мнѣ не является, никакой бумаги не получено; полнѣйшій покой душевный и тѣлесный. Вотъ почему доктора совѣтуютъ для отдохновенія и успокоенія путешествовать своимъ націентамъ. Испытывая такое состояніе, нельзя не вѣрить совѣту врачей... Мнѣ, утомленному постоянными и многосложными занятіями, съ разстроенными нервами не только полезеть, но даже и необходимъ такой покой и отдохновеніе“⁴⁾... 28-го августа Высокопреосвященный отправился по Тихорѣцкой жел. дорогѣ на ст. Тихорѣцкую и

¹⁾ Путевыя Замѣтки... стр. 22.

²⁾ Нынь (съ 12 марта 1903 г.) штатный членъ Московской Св. Синода котораго и управляющій московскимъ Симоновымъ монастыремъ.

³⁾ Путевыя замѣтки Арсенія, Архіепископа Казанскаго и Свияжскаго, во время его путешествія на богомолье въ августъ и сентябрь 1902 г. „Изв. по Каз. еп.“ 1902 г. № 20, стр. 913, 915.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 914.

Новороссійскъ, а отсюда, вечеромъ 29-го числа, по Черному морю—на пароходѣ „Св. Николай“—въ Феодосію и Ялту. Въ Феодосіи Архипастырѣ имѣлъ непродолжительную остановку, посѣтилъ Феодосійскій соборъ и прослушалъ молебенъ св. благовѣрному Князю Александру Невскому. Утромъ 31-го августа Владыка прибылъ въ Ялту. Здѣсь онъ предполагалъ пробыть дней 12. Остановку Высокопреосвященный имѣлъ въ домѣ Ялтинскаго протоіерея А. Я. Терновскаго, —своего земляка и товарища по Смоленской семинаріи ¹⁾. Во время своего пребыванія въ Ялтѣ Архіепископъ Арсеvій посѣщалъ богослуженія въ Ялтинскомъ соборѣ, принималъ морскія ванны, а затѣмъ, въ сопровожденіи прот. Терновскаго и др. лицъ, путешествовалъ по окрестностямъ Ялты: былъ въ Ливадіи, Оріандѣ, Массандрѣ, Алупкѣ и др. мѣстностяхъ. 7-го сентября Владыка посѣтилъ Ливадію. Объ этой поѣздѣ Архипастырѣ говоритъ слѣдующее.—„Я отправился въ Ливадію съ цѣлію помолиться въ Царскомъ дворцѣ, въ той комнатѣ, гдѣ скончался Императоръ Александръ III. Завѣдующій Ливадіею генералъ Евреиновъ оказалъ мнѣ полное вниманіе при встрѣчѣ и сопровожденіи въ обоихъ дворцахъ. Съ грустною мыслию я вступилъ въ Малый дворецъ, гдѣ жила въ Ливадіи въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III. Не разомъ мы вошли въ священную комнату кончины великаго Монарха. Завѣдующій Ливадіею генералъ Евреиновъ постепенно подводилъ насъ къ ней, объясняя значеніе проходившихъ нами комнатъ и указывая, гдѣ покойный Государь занимался и любилъ проводить время. Наконецъ отворили двери небольшой комнаты, просто обставленной; въ переднемъ углу ея предъ иконою св. Князя Александра Невскаго горитъ елей въ лампадѣ, по срединѣ комнаты стоитъ довольно ветхое простое, съ высокою спинкою, сафьянное темное кресло, на немъ-то скончался великій Царь-Миротворецъ; съ лѣвой стороны кресла стоитъ ножная скамеечка: на ней Государыня Императрица Марія Феодоровна, Августѣйшая Супруга усопшаго Императора, преклонивъ колѣна, стояла съ склоненною головою къ отходящему ко Господу Императору. Чувства благоговѣнія и

¹⁾ Тамъ же, стр. 919.

скорби объяли меня. Я попросилъ сопровождавшаго меня о. протоіерея Терновскаго произнести здѣсь заупокойную эктенью, послѣ коей мы пропѣли „Со святыми упокой“.. и со слезами на глазахъ вышли изъ священной комнаты¹⁾... Пребываніе Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсевія въ Ялтѣ было не вполне благополучно. Ночью съ 7-го на 8-го сентября Владыка почувствовалъ сильную боль въ правомъ боку. Пришлось прекратить и ванны и прогулки и даже „помышлять о сокращеніи плава путешествія“. 12-го сентября здоровье Владыки однако улучшилось и онъ предпринялъ небольшую прогулку. Въ это время имъ была осмотрѣна строившаяся въ то время Ялтинская каменная церковь. Послѣдняя произвела на него не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. „Съ перваго взгляда, говоритъ Владыка, она кажется архитектурною; но при внимательномъ осмотрѣ нельзя не подивиться странному ея устройству: внутри она загорожена столпами; подѣлано много закоулковъ; входы, особенно въ нижнюю церковь, направлены; внутренняя отдѣлка въ декадентскомъ вкусѣ. Храмы наши должны строиться открытыми для молящихся, дабы видно было въ нихъ священнодѣйствіе и слышно богослуженіе“²⁾... На другой день Высокопреосвященный присутствовалъ за всенощнымъ бдѣніемъ въ Ялтинскомъ соборѣ, а 14-го сентября, послѣ ранней литургіи, отбылъ въ Севастополь. Здѣсь Архиаствырь имѣлъ небольшую остановку, посѣтилъ Петропавловскую церковь и слушалъ всенощное бдѣніе. Затѣмъ онъ прослѣдовалъ въ Симферополь. 15-го сентября, Высокопреосвященный, по приглашенію Епископа Николая (Зіорова) Таврическаго³⁾, совершилъ литургію въ Симферопольскомъ кафедральномъ соборѣ. Молитвою на кладбищѣ у могилы своей родительницы и посѣщеніемъ Таврической семинаріи и пѣкоторыхъ знакомыхъ Архіепископъ закончилъ свое пребываніе въ этомъ городѣ и утромъ 16-го сентября отбылъ чрезъ Севастополь и Одессу въ Кіевъ. Утромъ 18 сентября Высокопреосвященный прибылъ въ Кіевъ и имѣлъ мѣстопробываніе въ покояхъ намѣстника Кіевопече-

1) Тамъ же, стр. 921.

2) Тамъ же, стр. 922.

3) Пыль Архіепископъ (съ 26 марта, 1905 г.), пребываетъ на покой.

рской лавры о. архим. Антонія. Въ Кіевѣ Владыка пребылъ три дня и посвятивъ это время молитвѣ, свиданію съ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Теофостомъ и Преосвященными Кіевскими Викаріями: Сильвестромъ, Платономъ и Агапитомъ, затѣмъ—занятіямъ присланными сюда изъ Казани епархіальными дѣлами и леченію. 21-го сентября Архіепископъ оставилъ Лавру и Кіевъ. „Жаль было, говоритъ Владыка, разставаться съ Кіевомъ; но болѣзненное состояніе побуждало меня поторопиться выѣздомъ изъ Кіева. Хотя все главное изъ намѣченнаго въ планѣ моего посѣщенія Кіева я исполнилъ,—но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я не успѣлъ быть, не посѣтилъ и не пригласилъ къ себѣ желательныхъ мовъ присныхъ Кіевлянъ и, главное, не совершилъ въ лаврѣ Божественной литургіи. Но слава Богу и за то, что успѣлъ сдѣлать“. Черезъ Москву и Н.-Новгородъ Высокопреосвященный направился въ Казань и благополучно прибылъ сюда 24-го сентября. По поводу этой поѣздки Архіепископъ говоритъ слѣдующее.—„Все путешествіе какъ на пароходахъ, такъ и по желѣзнымъ дорогамъ было вполне покойное и уютное, только приключившаяся болѣзнь причинила мнѣ беспокойство и опасеніе, какъ бы не расхвораться и не слечь въ постель въ чужихъ краяхъ. Но благодареніе Господу! при крайпей моей осторожности этого не случилось. Изъ намѣченныхъ мною мѣстъ для богомолья я не могъ посѣтить Бахчисарайскаго Успенскаго Скита, гдѣ я принялъ иночество, и не заѣхалъ въ Черниговъ для поклоненія святителю Θεодосію“¹⁾.

Другимъ выдающимся событіемъ въ жизни Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, за время его святительскаго служенія въ Казани, было его участіе въ юбилейномъ торжествѣ Рижской епархіи.—Въ 1900 г. исполнилось 50-лѣтіе со времени открытія самостоятельной Рижской епархіи²⁾. Юбилейныя празднества назначены были на 10 сентября, 1 и 2

¹⁾ Тамъ же, стр. 926 и сл.

²⁾ Викаріатство въ Ригѣ учреждено было въ 1836 г. Затѣмъ 11-го марта 1850 г. это викаріатство (Исковской епархіи) обращено было въ самостоятельную епархію Рижскую и Митавскую. Приб. къ Церк. Вѣд., изд. при Св. Синодѣ. 1900 г. № 11, стр. 431 и сл. № 41, стр. 1658 и сл.

октября. Высокопреосвященный Арсеній, получивъ отъ Преосвященнаго Агаѳангела, Епископа ¹⁾ Рижскаго и Митавскаго, оффиціальное приглашеніе пожаловать на празднества, изъявилъ свое согласіе. Отъѣздъ Владыки въ Ригу состоялся 25-го сентября. Проѣздомъ чрезъ С.-Петербургъ Высокопреосвященный имѣлъ свиданіе съ Митрополитомъ Автономъ и Экзархомъ Грузіи Флавіаномъ ²⁾. Въ Ригу Архіепископъ прибылъ утромъ 29 сентября. Рижское общество, во главѣ съ Преосвященнымъ Агаѳангеломъ, встрѣтило Высокопреосвященнаго на вокзалѣ. Отсюда Архіепископъ, по предложенію Рижскаго Архипастыря, прослѣдовалъ въ кафедральный соборъ, гдѣ былъ привѣтствованъ всемъ городскимъ духовенствомъ. Пребываніе Высокопреосвященный имѣлъ въ архіерейскомъ домѣ,—въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ жилъ во время своего служенія въ Рижской епархіи ³⁾.

30-го сентября—въ первый день юбилейнаго торжества—заупокойную литургію въ Петропавловской церкви, бывшей до 1886 г. кафедральнымъ соборомъ, совершалъ прибывшій на торжества Преосвященный Іоакимъ, Епископъ Гродненскій. По окончаніи литургіи Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ и Преосвященными Агаѳангеломъ и Іоакимомъ совершена была паннихида—по почившихъ ревнителяхъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Вечеромъ въ тотъ же день Высокопреосвященнымъ, при многочисленномъ стеченіи молящихся, совершенно было въ соборѣ всенощное бдѣніе.

1-го окт., въ главный день юбилейнаго торжества, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершали: Архіепископъ Арсеній и Преосвященные Агаѳангелъ и Іоакимъ, въ сослуженіи съ двумя архимандритами и сонмомъ протоіереевъ и священниковъ. Послѣ литургіи Архипастыри, съ благочинными и депутатами отъ всей епархіи, начали благодарственное молебствіе. Во время этого молебствія, при звонѣ колоколовъ, совершенъ былъ крестный ходъ изъ собора въ Петропавловскую церковь. Въ

¹⁾ Сл. 5 мая 1904 г. Архіепископъ.

²⁾ Намѣ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

³⁾ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіеписк. Каз. и Свѣжск. Мое участіе въ юбилейномъ торжествѣ Рижской епархіи. Каз. 1900 г., стр. 5.

этомъ ходу среди другихъ святынь несли чудотворную Псково-Печерскую икону Божіей Матери. Шествіе замыкалъ Высокопреосвященный Арсеній. По окончаніи молебствія въ Петропавловской церкви крестный ходъ, сопровождаемый Преосвященнымъ Агаѳангеломъ, вернулся въ кафедральный соборъ.

2-го окт. Архіепископъ Арсеній посѣтилъ архіерейскую дачу Эйхенбертъ, затѣмъ—Свято-Троицкую женскую Общину, мужское духовное училище, и нѣкоторыхъ знакомыхъ. Въ часъ дня въ русскомъ общественномъ домѣ „Улей“, въ присутствіи іерарховъ и многочисленныхъ представителей военнаго и гражданскаго управленія, воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и другихъ лицъ, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія Рижской епархіи состоялся торжественный актъ. По окончаніи пѣвія молитвы слѣдовало чтеніе исторической записки о Рижской епархіи ¹⁾. Затѣмъ архіерейскій хоръ исполнилъ концертъ „Воспойте Господеви“... Послѣ этого произнесена была рѣчь „О значеніи православія въ русскомъ государствѣ вообще и въ Прибалтійскомъ краѣ въ частности“ ²⁾ и—исполнена кантата „Творцу хвалебное пѣніе“... Далѣе слѣдовало чтеніе привѣтственныхъ адресовъ, писемъ и телеграммъ. Первымъ привѣтствовалъ Рижскую епархію Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній. Привѣтствіе было высказано имъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Съ великою радостію, съ благодарнымъ чувствомъ къ Господу, и съ искреннимъ, вседушевнымъ благожеланіемъ привѣтствую я Рижскую епархію съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ ея православно-церковной жизни.

„Уже открытіе самостоятельной Рижской епархіи назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ свидѣтельствовало о томъ, что православіе въ Прибалтійскомъ краѣ настолько утвердилось и число православныхъ настолько умножилось, что здѣсь понадобилась отдѣльная епархія съ надлежащею епархіальною властію и епархіальнымъ управленіемъ.

„Долго-долго приходилось ждать отраднаго и утѣшительнаго

¹⁾ Прочитана была ректоромъ Рижской духовной семинаріи, протоіеремъ А. П. Аристовымъ.

²⁾ Произнесена была Рижскимъ кафедральнымъ прот. Вл. И. Плиссомъ.

явленія въ исторіи православной русской церкви—утвержденія въ семь краѣхъ православія и открытія самостоятельной епархіи. А между тѣмъ православіе здѣсь старше старыхъ городовъ сего края—Риги, Юрьева, Ревеля, Якобштадта и др.,—старше господствовавшаго здѣсь нѣкогда католичества, силою, огнемъ и мечемъ вытѣснявшаго и почти уничтожавшаго здѣсь православіе,—далеко старше протестантства, вытѣснившаго отсюда въ свою очередь католичество, и безмѣрно старше господствующаго здѣсь нынѣ лютеранства.—Послѣ или среди давняго и мрачнаго язычества, изъ людей, исповѣдовавшихъ христіанскую вѣру, православные христіане были здѣсь первые обитатели, а православная вѣра была старѣйшая; католичество и протестантство—позднѣйшія здѣсь вѣроисповѣданія; католическіе магнаты и ксендзы и протестантскіе бароны и пасторы—пришельцы сего края. Въ продолженіе многихъ вѣковъ много пропеслось бѣдъ и напастей, гошеній и мученій надъ православными сего края. Довольно вспомнить мученическую кончину св. священно-мученика Исидора и съ нимъ пострадавшихъ 72 православныхъ мучениковъ и мученицъ юрьевскихъ. На историческомъ горизонтѣ очень недавно загрѣло здѣсь солнце для православія и для православныхъ. Открытіе Рижской епархіи еще не свидѣтельствовало о свободѣ и безпренятственности исповѣданія здѣсь св. православной вѣры, но ясно говорило о возстановленіи, распространеніи и утвержденіи здѣсь православія.

Настоящее торжество празднованія пятидесятилѣтія существованія Рижской епархіи не есть увлеченіе нынѣшняго времени къ празднованію юбилеевъ, а дѣйствительно это такой трудный и важный періодъ времени въ жизни православной церкви въ семь краѣхъ, за который слѣдуетъ вознести къ Господу благодарныя молитвы и вспомнать въ заупокойной молитвѣ истинныхъ тружениковъ на православной нивѣ въ этотъ періодъ, уже отошедшихъ ко Господу.—Хотя открытіе и существованіе самостоятельной епархіи свидѣтельствуетъ объ устройствѣ мѣстной церкви; но какой трудный былъ первый пятидесятилѣтній періодъ жизни Рижской епархіи!.. Сильно скорбѣли первые архимонастыри Прибалтійской православной

церкви изъ за стѣсненій въ исповѣданіи православной вѣры, притѣсненій православныхъ и принужденій ихъ обращаться въ лютеранство. И самихъ архипастырей, какъ опасныхъ и вредныхъ лицъ для края, переселяли отсюда съ позоромъ и униженіемъ для православія, хотя съ честію и славою для нихъ. Тяжело вспоминать шестидесятые годы оканчивающагося столѣтія, когда православныхъ, если не огнемъ и мечемъ, то вервѣмъ заставляли отречься отъ православія, стѣсняя ихъ всемѣрно въ семейномъ, земельномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Тяжело было для православія и православныхъ управленіе Прибалтійскимъ краемъ во время генераль-губернаторства князя Суворова. Не говоря о многомъ, довольно сказать, что трудно было пріобрѣсть кусокъ земли подъ построеніе православнаго храма и для церковнаго погоста. Перемѣнились обстоятельства, настало время болѣе или менѣе благопріятное для православія и православныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, когда русское правительство обратило особое вниманіе на положеніе того и другихъ. Гоненія и притѣсненія православныхъ остались только подъ спудомъ. Желающіе принимать православіе могли принимать оное безбоязненно. Правительство стало отпускать большія деньги на построеніе православныхъ храмовъ. Время измѣнилось. Наступило сравнительно торжество православія. Ярко засвѣтило солнце для православныхъ и согрѣло ихъ въ славное и незабвенное царствованіе въ Божѣ почившаго Императора Александра III, возлюбившаго Прибалтійскій край, какъ всю Россію, возродившаго и обновившаго оный; движеніе латышей и эстовъ въ православіе началось сотнями и тысячами (при Архіепископѣ Донатѣ); православные храмы стали воздвигаться десятками; а деньги на храмы, причтовые дома и православные школы, по волѣ Царя-Миротворца, стали отпускаться изъ казны сотнями тысячъ. Это благодатное время для православія продолжается здѣсь и въ настоящее время—въ богохранимое царствованіе возлюбленнаго Монарха нашего Императора Николая II, свято сохраняющаго завѣты своего въ Божѣ почившаго Родителя.

„Обдумывая и оцѣнивая все то, что совершилось въ судьбѣ православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ во все время

ея существованія здѣсь и въ частности въ прошедшее пятидесятилѣтіе, нельзя не вознести благодарныхъ молитвъ къ Господу за то, что среди волнъ житейскихъ, среди разнаго рода коварныхъ дѣйствій враговъ православія, при многоразличныхъ гоненіяхъ на православіе и притѣсненіяхъ православнымъ, Онъ сохранилъ въ прибалтійскомъ краѣ св. православную вѣру Христову,—за то, что вѣдвремя воздвигалъ благопотребныхъ мужей на защиту православія и на благоую и полезную дѣятельность для воздѣланія православной нивы Христовой,—за то, что изъ борьбы и страданій вывелъ православныхъ, если не на тучныя, то на злчныя пажитки, если не на степень господствующаго здѣсь вѣроисповѣданія, то на степень свободы и безопасности,—и за то, наконецъ, что обратилъ вниманіе правительства на бѣдственное положеніе православія и православныхъ и на нужды православной церкви и открылъ сердце Царево, изъ котораго полился обильный источникъ щедротъ и милостей къ благоустроенію здѣсь церкви православной и образованію православнаго народа въ духѣ православной вѣры и благочестія.

„Возблагодаривши Господа за Его великія благодѣянія православной церкви въ прибалтійскомъ краѣ, нельзя не вознести молитвы къ Нему объ упокоеніи въ селеніяхъ праведныхъ тѣхъ лицъ, которыя принесли пользу православной церкви и потрудились въ семъ краѣ на благо православія и уже отошли ко Господу. Да упокоитъ Господь Богъ въ селеніяхъ праведныхъ въ Бозѣ почившихъ Благочестивѣйшихъ Государей нашихъ Императоровъ: Николая I, Александра II и Александра III, въ Бозѣ почившихъ Рижскихъ архипастырей: митрополита Платона, архіепископовъ: Иринарха, Филарета и Доната, и епископовъ: Веніамина, Серафима и Филарета II, со многими почившими протоіереями и іереями, а равнымъ образомъ—Царскихъ помощниковъ и мѣстныхъ дѣятелей, потрудившихся на благо православія и на пользу православныхъ, въ Бозѣ почившихъ—Николая Авксентьевича Монасеина, князя Сергія Владиміровича Шаховскаго, Михаила Николаевича Капустина, Николая Алексѣевича Лавровскаго, Георгія Самарина, Чешихина и мн. др.

„Прѣжить трудный—многовѣковый періодъ жизни православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ; православная вѣра не только сохранилась неповрежденною здѣсь, но даже явила она цѣлый сонмъ святыхъ мучениковъ, Богомъ прославленныхъ за подвиги для православія; прѣжить первый пятидесятилѣтній періодъ жизни православной Рижской епархіи, въ продолженіе котораго православная церковь здѣсь благоустроилась, православіе укрѣпилось и распространилось, а св. кресты на православныхъ храмахъ засіяли по всему Прибалтійскому краю. Теперь остается молить Господа, да подастъ Онъ благопоспѣшеніе и благоденственное и мирное житіе св. православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ и сохранить ее непоколебимою до скончанія вѣка. Да сохранитъ Господь на многія лѣта возлюбленнаго раба своего Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Александровича, по примѣру Своего въ Бозѣ почившаго Родителя продолжающаго царственные заботы свои о развѣтїи и благоустройствѣ православной церкви въ семь краѣ и храмовъ ея. Да поможетъ Господь Богъ во здравїи и благоденствїи съ добрымъ успѣхомъ трудиться на нивѣ Христовой пастырямъ Рижской церкви во главѣ съ своимъ Архипастыремъ и всѣмъ прочимъ здѣшнимъ добрымъ и благонадежнымъ дѣятелямъ, и всѣмъ православнымъ жителямъ Прибалтійскаго края да подастъ Господь здравіе и спасеніе и мирное житіе.

„Дорогая и близкая моему сердцу Рижская епархія, нынѣ празднующая пятидесятилѣтіе своего существованія, приметъ отъ меня сіе искренне-благожелательное привѣтствіе. Отъ всей души съ глубокою молитвою о ея дальнѣйшемъ житїи—благоденствїи и процвѣтанїи—благославляю ее иконою Казанской Божїей Матери“.

3-го окт. Высокопреосвященный посѣтилъ духовную семинарію и въ тотъ же день отбылъ чрезъ С.-Петербургъ и Москву, съ небольшими остановками,—въ Казань. Повѣдка въ Ригу оставила въ Архипастырѣ самое доброе воспоминаніе. „Не могу не замѣтить, говоритъ онъ, что такого рода путешествіе, какое совершилъ я въ настоящій разъ, при полномъ благополучїи въ пути и тѣхъ духовныхъ и душевныхъ утѣшенїяхъ, каковыя

встрѣтилъ и испыталъ въ Ригѣ и во время свиданій въ Петербургѣ и Москвѣ съ Митрополитами и Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, производить вліяніе величайшее: оживляющее, укрѣпляющее и побуждающее къ дальнѣйшей неослабной дѣятельности¹⁾.

Выдающимся событіемъ въ жизни Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, за время его архипастырскаго служенія въ Казани, было, далѣе, пожалованіе ему въ маѣ мѣс., 6 числа, 1901 г. брилліантоваго креста для ношенія на клобукѣ. Высочайшій рескриптъ составленъ былъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Преосвященный Архіепископъ Казанскій Арсеній! Ревностное Архипастырское служеніе ваше въ Рижской епархіи, требовавшее отъ васъ неослабной бдительности объ охраненіи паствы отъ инославныхъ вліяній, сопровождалось благими послѣдствіями. И нынѣ, состоя на древней святительской кафедрѣ Казанской, вы трудитесь посреди разноязычнаго населенія епархіи, утверждая въ ней православіе и заботясь о преуспѣяніи церковно-приходскихъ школъ и расширеніи дѣятельности старѣйшаго изъ миссіонерскихъ братствъ—святителя Гурія. Въ справедливомъ вниманіи къ таковымъ заслугамъ вашимъ, Всемилостивѣйше жалую вамъ препровождаемый при семъ брилліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ. Поручая Себя молитвамъ вашимъ пребываю къ вамъ благословенный“. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано „НИКОЛАЙ“. Рескриптъ былъ данъ въ Царскомъ Селѣ²⁾.

Радость Владыки по поводу Высочайшаго пожалованія ему награды была раздѣлена его пасомыми. Сорадуясь своему Архипастырю, начальствующіе и учащіе въ казанскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ градское духовенство и многіе изъ горожанъ, послѣ литургіи и благодарственнаго молебствія въ кафедральномъ соборѣ, явились въ архіерейскій домъ для принесенія поздравленія Его Высокопреосвященству. Преосвященный Алексій, Епископъ Чистопольскій, привѣтствовалъ Архіепископа рѣчью. „Корпорація подвѣдомыхъ тебѣ духовно-

¹⁾ Мое участіе въ юбилейномъ торжествѣ Рижской епархіи... стр. 15.

²⁾ „Изв. по Каз. еп.“ 1901 г. № 10, стр. 433—434.

учебныхъ заведеній во главѣ съ Академіей, говорилъ онъ, обращаясь къ Высокопреосвященному, и городское казанское духовенство едиными усты и единымъ сердцемъ привѣтствуютъ твою Святыню съ Монаршею милостію. Богу угодно было, чтобы отнынѣ твою главу святительскую украшалъ алмазный крестъ, ибо и дѣятельность твоя архипастырская въ своемъ направленіи и теченіи постоянна, неуклонна и тверда какъ алмазь. Пусть же долгіе годы освѣняетъ насъ твой крестъ святительскій. Твердою и опытною рукою кормчаго веди святой карабль церкви Казанскія къ тихой пристани истиннаго боговѣдѣнія и благочестія и вѣчнаго спасенія. *Многая мѣта* нашему Архипастырю Казанскому¹⁾). Тронутый Монаршимъ вниманіемъ и любовію пасомыхъ, Высокопреосвященный благодарилъ послѣднихъ за принесенныя ему поздравленія.

Въ томъ же, 1901 году Высокопреосвященный былъ избранъ почетнымъ членомъ Кіевской Духовной Академіи во вниманіе къ полезному служенію его въ званіи наставника и начальника средней и высшей духовныхъ школъ, и къ его плодотворной архипастырской дѣятельности²⁾). 5-го окт. 1901 г. Св. Синодъ утвердилъ это ходатайство академіи. Получивъ дипломъ, Высокопреосвященный благодарилъ академію³⁾ и препроводилъ двѣсти рублей для передачи въ Богоявленское Братство,—въ капиталы профессорскій и студенческій⁴⁾).

Разносторонняя, энергичная дѣятельность Архипастыря нашла себѣ достойную оцѣнку и въ слѣдующемъ, 1902 году. Въ ноябрѣ мѣс. этого года Владыка получилъ отъ Московской Духовной Академіи дипломъ⁵⁾ слѣдующаго содержанія: „Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ, согласно избранію Совѣта Московской духовной академіи 18-го сентября 1902 года и представленію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго и Коломенскаго Владиміра, указомъ отъ 19-го октября 1902 года, за № 8152, утвердилъ

1) Тамъ же, стр. 488 и сл. Правосл. Собес. 1901 г. май мѣс., стр. 680 и сл.

2) Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи за 1901—1902 уч. г. Кіевъ 1902 г. Стр. 25.

3) Тамъ же, стр. 110.

4) Тамъ же стр. 110.

5) Дипломъ былъ препровожденъ отъ 12 ноября, за № 910.

Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Казанскаго и Свіязскаго, въ уваженіе его многоплодной педагогической, пастырской и архипастырской дѣятельности и просвѣщеннаго содѣйствія къ изданію богословскихъ и ученыхъ трудовъ, въ званіи почетнаго члена Московской духовной академіи¹⁾. Благодарный за оказанную ему честь, Владыка принесъ въ даръ академіи болѣе шестидесяти книгъ и брошюръ разныхъ названій²⁾.

Оцѣнка архипастырской дѣятельности Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія и любовь къ нему пасомыхъ обнаружилась и во время празднованія исполнившихся 30-ти и 35-лѣтій его служенія въ священномъ санѣ. Объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ настоящаго очерка.

Леонидъ Багрецовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Изв. по Каз. еп.“ 1903 г., № 3 стр. 21.

²⁾ См. каталогъ книгъ бібліотеки Московской духовной академіи. Книги пожертвованныя въ бібліотеку Московской духовной академіи почетнымъ членомъ академіи Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ (Брянцевымъ), Архіепископомъ Казанскимъ и Свіязскимъ. Составленъ К. М. Поповымъ, бібліотекаремъ академіи. Св.-Тр. Сергіева Лавра. 1902 г. Стр. 1—16.

Постановленія относительно имущественныхъ правъ нашихъ монастырей въ XVIII и XIX столѣтіи.

(Окончаніе *).

Въ 1701 году Петръ I издалъ указъ, которымъ повелѣвалось: „домъ святѣйшаго патріарха и дома жъ архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ сидѣть дяку Ефиму Зотову и сидѣть на патріаршѣ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршъ разрядъ и писать Монастырскимъ Приказомъ, а въ Приказѣ Большого дворца монастырскихъ дѣлъ не вѣдать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же Приказъ“¹⁾. Монастырскому Приказу велѣно было принять изъ подъ власти церковныхъ учрежденій въ свое вѣдѣніе всѣ имущества и вотчины патріаршихъ и архіерейскихъ домовъ и монастырей²⁾. Предполагалось установить точную перепись всему имуществу монастырей, а въ связи съ этимъ опредѣлить количества монастырскихъ доходовъ для составленія штатовъ. Но съ переводомъ монастырскихъ имуществъ въ руки свѣтской власти (Мон. Прик.), благодаря полнѣйшему произволу и совершенной безконтрольности въ дѣятельности агентовъ Монастырскаго Приказа, монастырскія имущества въ теченіи какихъ-либо 20 лѣтъ были страшно опустошены и казнѣ не приносили надлежащихъ доходовъ. Въ виду этого Петръ I, въ 1720 году 6 октября, снова возвращаетъ монастырскія имущества въ руки ихъ прежнихъ владѣльцевъ: „монастырскія вотчины, которыя отъ монастырей ввзаты, раздать въ тѣ монастыри и вѣдать ихъ тѣхъ монастырей архимандритамъ и игуменамъ по прежнему. А съ тѣхъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 10, н. г.

1) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, 1829.

2) Ibidem т. IV, № 1834.

вотчинъ окладъ монастырскаго приказа и вновь всякіе положенные доходы, собирая имъ платить бездомочно, и о той раздачѣ разсмотрѣніе и указъ учинить въ Камеръ—Коллегію ¹⁾. Но возвращая монастырямъ право владѣнія принадлежавшими имъ вотчинами, Петръ I не уничтожалъ ихъ подвѣдомственности монастырскому приказу; монастырямъ предоставлено было только непосредственное управленіе вотчинами, за Приказомъ же осталось право высшаго надзора за ходомъ этого управленія. Но со времени учрежденія Синода, власть Монастырскаго Приказа, дотолѣ самостоятельнаго и только подчиненнаго Сенату на ряду съ прочими Коллегіями, подверглась новому ограниченію. Въ виду того, что вотчины „отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязалась, какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ Коллегій не меньше“ ²⁾, Сенатскимъ указомъ 3 марта 1721 года было предписано: „монастырскія вотчины сборами и управленіемъ вѣдать въ Синодѣ“ ³⁾. Впрочемъ приведеннымъ постановленіемъ Монастырскій Приказъ уничтоженъ не былъ, за нимъ сохранено было право управлять вотчинами монастырей, но только въ непосредственной зависимости отъ Синода. Для завѣдыванія хозяйственными дѣлами и для сбора доходовъ съ монастырскихъ имѣній въ 1724 г. Петръ I предложилъ учредить при Св. Синодѣ особенную Камеръ—Коллегію, вслѣдствіе этого Монастырскій Приказъ при Петрѣ I еще разъ терпитъ измѣненіе и переименовывается по распоряженію Сената въ Камеръ—Контору Синодальнаго Правительства ⁴⁾. Въ царствованіе Екатерины I всѣ дѣла экономическія поступали въ распоряженіе учрежденной ею по указу отъ 12 іюля и 26 сент. 1726 г., такъ называемой Коллегіи Экономіи Синодальнаго Правленія ⁵⁾, каковое учрежденіе было почти точной копіей монастырскаго Приказа Петровскаго времени, ибо и основано то было въ исполненіе намѣреній Петра I объ ограниченіи обязанностей

¹⁾ 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 8659.

²⁾ 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 8734.

³⁾ Ibidem, 8749.

⁴⁾ Ibidem, т. VII, № 4567, 4682.

⁵⁾ 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, №№ 4959, 4918.

Синода одними только духовными дѣлами. Самостоятельность Синода была ограничена и въ томъ отношеніи, что доходы съ монастырскихъ имѣній, хотя и представлялись въ Синодъ, но послѣдній, въ дѣлѣ расходовапія присылаемыхъ ему суммъ, подлежалъ по указу 6 февраля 1727 г. строгому контролю камеръ-Коллегіи, безъ согласія которой и не имѣлъ права производить ассигнаціи ¹⁾. При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1738 г. апрѣля 15, повелѣно было „Коллегіи Экономіи быть подъ вѣдѣніемъ Сената, а Синоду отъ сего времени той Коллегіи не вѣдать, понеже въ оной Коллегіи состоятъ сборы и другія Экономическія дѣла, которыя подлежатъ вѣдѣнію Сената, и „понеже собраніе и выбраніе доимокъ дѣло свѣтское, а Св. Синодъ и безъ того важнѣйшими духовными дѣлами весьма отягощенъ“ ²⁾. Управлять монастырскими вотчинами посланы были „отставные отъ службы“. Но въ виду того, что указанное устройство въ управленіи монастырскими имуществами, какъ и при Петрѣ I, не приводило къ желаннымъ, выгоднымъ для государства дѣламъ, въ 1740 г. повелѣно было сдѣлать ревизію всѣмъ монастырямъ, „понеже, какъ сказано въ инструкціи ревизорамъ, надъ всѣми доходами и расходами монастырскія власти и управители полную мочь имѣли и, что хотѣли, дѣлали, и для того многіе непорядочные и неподлежащіе до монастырей расходы, только по однимъ страстямъ и прихотямъ чинимы были“ ³⁾. Но за скоро послѣдовавшею смертью императрицы ревизія монастырей была произведена только въ Новгородской епархіи. Въ 1741 году іюня 26, въ правленіе принцессы Анны, на докладъ Синода, Высочайшей резолюціей было постановлено: „за опредѣленными вотчинами до дальнѣйшаго впродолженіи разсмотрѣнія и опредѣленія быть по прежнему въ вѣдомствѣ у властей и доходы платить въ Коллегію-Экономіи, какъ съ 1720 г. до послѣдняго Мусина-Пушкина представленія было“ ⁴⁾. Каковымъ указомъ непосредственное завѣдываніе монастырскими вотчинами со стороны Коллегіи

¹⁾ Ibidem, № 5005.

²⁾ 1-е II. С. З. Р. И. т. X, № 7558, 7679 и IX, 6354.

³⁾ Ibidem, т. X, № 7526, т. XI, 8029.

⁴⁾ 1-е II. С. З. Р. И. т. XI, 8406.

Экономіи, введенное на нѣкоторое время при Аннѣ Іоанновнѣ, отмѣнялось. При Елизаветѣ Петровнѣ, указомъ 1744 г. іюля 15, Коллегія Экономіи потеряла свое прежнее значеніе и съ именемъ Кавцеляріи Синодальнаго Экономическаго Правленія сдѣлалась учрежденіемъ, подчиненнымъ Св. Синоду и всѣ доходы съ монастырскихъ вотчинъ и прочія, что были въ вѣдомствѣ той Коллегіи, были отдавы съ этихъ поръ въ вѣдомство и управленіе Св. Синода ¹⁾). Однако въ 1757 г. Елизавета Петровна нашла нужнымъ ограничить совершенную свободу отъ участія въ управленіи монастырскими вотчинами свѣтскаго элемента и по новому устройству низшее управленіе монастырскими вотчинами было предоставлено гражданскимъ чиновникамъ: „отставнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ“ ²⁾). А императоръ Петръ III въ данномъ отношеніи пошелъ еще далѣе. Въ указѣ отъ 16 февраля 1762 года, восхваливъ сначала Елизавету Петровну „за переводъ монастырскихъ имуществъ въ вѣдѣніе свѣтскаго правительства, что одно уже, помимо всего прочаго должно обезсмертить ея память“, Императоръ постановилъ: „для управленія монастырскими вотчинами учредить въ Москвѣ подъ вѣдомствомъ Сената Коллегію Экономіи, а въ С.-Петербургѣ Контору этой Коллегіи. Коллегіи Экономіи назначить для управленія вотчинами духовнаго вѣдомства по одному штабъ-офицеру; прежнимъ же не токмо изъ монашествующихъ, но и изъ монастырскихъ служекъ управителями не быть и до того ихъ не допускать, а существующихъ отдѣлить“ ³⁾). Въ объясненіе къ этому распоряженію императоръ говорилъ, что онъ дѣлаетъ это для исправленія монашества, потому что „отрекшимся сего временнаго житія“ должно оставить всякія житейскія и мірскія попеченія и проводить жизнь, сообразную съ своимъ званіемъ. Однако Императрица Екатерина II, реформы Петра III, по управленію монастырскимъ имуществомъ, „нашла“ установленіемъ неполезнымъ и несвоевременнымъ, почему именнымъ указомъ 1762 г. августа 12 она повелѣвала: „для благопри-

¹⁾ Ibidem, т. XII, 8998.

²⁾ I.e II. С. З. Р. И. т. XIV, № 10765.

³⁾ Ibidem, т. XV, № 11481.

стойнаго духовнаго чина содержанія, всѣ недвижимыя и движимыя имущества монастырей отдать снова имъ въ управленіе, а Коллегію Экономіи отставить, и посланнымъ для управленія церковными вотчинами офицерамъ не быть“ ¹⁾, хотя эти распоряженія, по ея же заявленію, носили временный характеръ „доколѣ къ лучшему успѣху новое и полезнѣйшее о семъ будетъ узаковено опредѣленіе“ ²⁾. Въ 1763 г. 12 мая для высшаго завѣдыванія монастырскими вотчинами учреждена была Коллегія Экономіи духовныхъ имѣній, которая находилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Императрицы и Сената ³⁾. Въ 1764 г. 26 февраля всѣ монастырскія вотчины были переданы въ непосредственное вѣдѣніе Коллегіи Экономіи, а вмѣстѣ съ этимъ монастырскія власти были совершенно освобождены отъ управленія принадлежавшими имъ имуществами ⁴⁾. Но учрежденная Екатериною II Коллегія Экономіи существовала только до 1786 г., когда именнымъ указомъ отъ 2 іюля даннымъ Сенату повелѣно было „той Коллегіи не быть“, а всѣ дѣла ея сдать въ государственный архивъ ⁵⁾. Этимъ распоряженіемъ было развѣ навсегда уничтожено то учрежденіе, которое служило спеціально цѣлямъ управленія церковными имуществами, которыя, вмѣстѣ съ переходомъ въ государственное владѣніе, поступили въ завѣдываніе казенныхъ палатъ и Директоровъ домоводства ⁶⁾.

Въ распоряженіи монастырскихъ властей послѣ отобранія у нихъ вотчинъ остались лишь только имущества, которыя имъ опредѣлены были по штатамъ. Завѣдываніе и управленіе этимъ имуществомъ находились подъ непосредственнымъ надзоромъ монастырскихъ властей съ совѣтомъ старшей братіи, для наблюденія же надъ различными отраслями хозяйства монастырскія власти назначали себѣ тѣхъ или другихъ помощниковъ съ званіемъ казначеевъ, экономовъ и т. п. Высшій же контроль надъ состояніемъ монастырскаго хозяйства и принадлежащихъ монастырю имуществъ находился въ рукахъ епископа, который чрезъ монастырскихъ благочинныхъ и на-

¹⁾ 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, 11643.

²⁾ Ibidem, № 11780.

³⁾ 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11844.

⁴⁾ Ibidem, № 12060.

⁵⁾ Ibidem, т. XXII, № 16399.

⁶⁾ Ibidem, № 16358, 16359.

блюдалъ за общимъ экономическимъ состояніемъ монастырей. Въ случаѣ замѣченныхъ въ монастыряхъ безпорядковъ и злоупотребленій, по управленію экономической стороною, епархіальнымъ архіереемъ для ревизіи монастыря назначались особыя лица, помимо благочиннаго. Циркулярнымъ указомъ Св. Синода благочинные монастырей обязаны были наблюдать за тѣмъ, чтобы 1) приходъ и расходъ былъ записываемъ въ заведенныя для того въ монастыряхъ книги безъ промедленія, 2) чтобы монастырскія деньги хранимы были въ ризницѣ или безопасной кладовой за печатью настоятеля или намѣстника и за ключемъ казначея, чтобы 3) хозяйственныя заготовленія дѣлаемы были заблаговременно и осмотрительно казначеемъ, или экономомъ и 4) чтобы не дѣлать расходовъ ненужныхъ и незаконныхъ. Определеніемъ Св. Синода 16 ноября 1836 г. было постановлено, чтобы „приходо-расходныя книги въ монастыряхъ велъ казначей, причемъ ихъ ежемѣсячно повѣрялъ настоятель со старшей братіей и одинъ или два раза въ годъ благочинный; въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца должна производиться выписка изъ кружекъ денегъ; еженедѣльно, а въ богатыхъ монастыряхъ и чаще, казначей долженъ принимать деньги отъ лицъ, продающихъ въ монастырѣ разные предметы, выдавать имъ росписку въ полученіи, вносить въ приходъ и т. д. ¹⁾. Всѣ поправки и покупки въ монастырѣ должны быть совершаемы по волѣ настоятеля, но съ совѣтомъ старшей братіи, причемъ расходы свыше 500 руб. (а въ лаврахъ и ставропигіальныхъ монастыряхъ 2000 р.) монастырскія власти должны представлять на усмотрѣніе Епархіальнаго начальства ²⁾; постройки же и починки, не превышающія расхода въ 5000 р. (до 1865 г.—1500 руб.) позволялось производить безъ учрежденія особыхъ строительныхъ комиссій ³⁾. О получаемыхъ монастырями доходахъ требуется составлять точныя вѣдомости, которыя должны храниться въ Консисторіи. Суммы, остающіяся отъ положенныхъ расходовъ, причисляются къ ка-

¹⁾ Церк. вѣст. 1892 г. № 28 и Цирк. указ. Св. Синод. А. Завьялова 1892 г., стр. 226—230 и указ. Св. Синод. 1866 г. 17 декабря.

²⁾ 2-е II. С. З. Р. И. т. XL, № 42698.

³⁾ Ibidem, № 42700.

питаламъ монастырей и епархіальное начальство заботится о томъ, чтобы оныя своевременно препровождаемы были въ кредитныя учрежденія ¹⁾, на основаніи указовъ, представляющихъ монастырямъ право вносить въ сберегательныя кассы, съ цѣлью увеличенія капитала, какъ деньги, имѣющія временное назначеніе (на постройку или покупку чего-либо), такъ и деньги представляющія собою основной фондъ монастырскаго богатства ²⁾.

Монастыри до Петровскаго времени владѣли очень многими имущественными привилегіями. Въ связи съ ограниченіемъ имущественныхъ правъ монастырей идетъ рука объ руку отмѣна и существовавшихъ жалованныхъ грамотъ. Петръ I, заисключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, не подтверждалъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и не выдавалъ новыхъ. Онъ постоянно стремился къ тому, чтобы лишить монастыри принадлежавшихъ имъ раньше исключительныхъ правъ и преимуществъ. На этомъ основаніи въ 1699 году онъ отмѣнилъ всѣ прежнія привилегіи монастырей на изъятіе отъ печатныхъ пошлинъ ³⁾, уничтожилъ принадлежавшее Пѣсношскому монастырю право на сборъ таможенныхъ пошлинъ въ селѣ Рогачевѣ. Въ 1700 г. онъ предписалъ „тарханы, съ кого пошлинъ не имано, всѣ оставить и брать пошлины всякаго чину со всѣхъ по торговому уставу и по новоуказаннымъ статьямъ равныя“ ⁴⁾.

Политики Петра I въ указанномъ отношеніи придерживались и его преемники, поскольку каждый изъ нихъ стремился къ осуществленію началъ по имущественной реформѣ, ясно выраженныхъ въ дѣятельности Петра I. Правда исторія намъ можетъ указать много фактовъ, говорящихъ на первый взглядъ совершенно противное этому; но надо замѣтить, что эти факты были всегда исключеніями и общаго начала, установленнаго Петромъ I, не колебали, почему и сопровождались почти всегда

¹⁾ Рук. ук. Св. Сян. Маврицкаго, стр. 76, № 82, 2-е П. С. З. Р. И. т. XVI 14409.

²⁾ 8-е П. С. З. Р. И. т. XIII, 5118; Цир. ук. Св. Сян. Завьялова 1888 г. № 7, 1898 г. № 11; Церк. Вѣд. и Церк. Вѣст. за 1888 г., стр. 157 и 462. Церк. Вѣд. 1890 г., стр. 419.

³⁾ 1-е П. С. З. Р. И. т. III, № 1711.

⁴⁾ Ibidem, т. IV, № 1799.

такими словами: „не въ примѣръ прочимъ“. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Елизаветы Петровны Кіево-Михайловскому собору дано было право „шинковать“ (держатъ шинки) всякими питіями внутри и внѣ Кіева ¹⁾, Московской Троицкой Лаврѣ было предоставлено право „для обительскаго содержанія“ привозить изъ Малороссіи до 3000 ведеръ вина безъ платежа пошлины, а въ Великороссіи покупать его по подрядной цѣнѣ безъ взноса въ казну прибыльныхъ денегъ. Но все это, какъ сказано было въ именномъ указѣ, „инымъ монастырямъ не въ образецъ“ ²⁾.

По нынѣ дѣйствующему законодательству монастыри пользуются слѣдующими привилегіями. Они освобождаются отъ 1) поземельныхъ сборовъ на мѣстныя земскія повинности, 2) отъ оцѣночнаго сбора за недвижимыя имущества, находящіяся въ городѣ, но не приносящія никакаго дохода, 3) отъ государственнаго квартирнаго налога, 4) отъ воинскаго постоя, 5) отъ государственнаго промысловаго налога за содержаніе заведеній для печатанія и продажи книгъ (духовно-правственнаго содержанія и учебниковъ), для приготовленія и продажи предметовъ, потребныхъ для богослуженія; но за всѣмъ этимъ на монастыряхъ лежитъ обязанность по сохраненію въ надлежащей исправности и чистотѣ мостовыхъ и освѣщенію улицы фонарями ³⁾. Кромѣ того, монастыри свободны отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ съ капиталовъ, завѣщаемыхъ въ ихъ пользу ⁴⁾.

По вопросу о правѣ государства на секуляризацію церковныхъ имуществъ существуетъ два взгляда. Одни (напр. Завьяловъ) совершенно оправдываютъ дѣятельность гражданскаго правительства по отобранію церковныхъ земель въ государственную казну, другіе (напр. Барсовъ), наоборотъ, считаютъ этотъ фактъ секуляризація съ юридической точки зрѣнія нарушеніемъ имущественныхъ правъ церкви. Первые въ своихъ доказательствахъ держатся болѣе канонической точки зрѣнія,

1) 1-е П. С. З. Р. И. т. XIII, № 9846.

2) 1-е П. С. З. Р. И. т. XII, № 8960.

3) Св. Зак. т. IX ст. 895 прим. 1—5 А. Канторовичъ, стр. 204.

4) 2-е П. С. З. Р. И. т. XXXVIII, № 39842.

и говорятъ, что „владѣніе населенными имѣніями несвойственно церковнымъ учрежденіямъ и отвлекаетъ ихъ отъ прямого ихъ служенія“ ¹⁾). Кроме того имущественная правоспособность монастырей выражавшаяся въ рабовладѣніи и землевладѣніи, оказывая вредное вліяніе на монашествующихъ лицъ, въ то же время затрогивала въ значительной мѣрѣ интересы самаго государства. Но противъ этого возражаютъ защитники противоположныхъ взглядовъ, указывая на то, что право владѣнія имуществомъ есть, искони дѣйствовавшее въ Православной церкви, каноническое право (кн. дѣян. гл. 4, 34, прав. апост. 38 и 41. 7 Всел. соб. пр. 13), а „вѣрное государственное право, какъ говоритъ Филаретъ Черниговскій ²⁾, не отнимаетъ ни у кого правъ собственности. Нарушивъ права церковной собственности, говорятъ они, государство кроме того вступило въ противорѣчіе само съ собою, оставивъ въ полной силѣ законъ, по которому имущества, жертвуемая частными лицами въ пользу извѣстныхъ общественныхъ учрежденій съ опредѣленнымъ назначеніемъ, считаются неприкосновенными и воля жертвователя ненарушимой ³⁾).

Намъ кажется, что Государство имѣло основанія къ отобранію церковныхъ имуществъ, на основаніи чисто каноническаго свойства, формальныхъ же правъ къ отобранію церковныхъ имуществъ оно, конечно, не имѣло. Неоспоримо то, что церковь и монастыри являлись собственниками большихъ земельныхъ имуществъ, право на владѣніе каковыми было упрочено самимъ государствомъ, почему вопросъ объ имущественныхъ правахъ монастырей могъ быть рѣшенъ только при взаимномъ участіи церкви и государства, которыя совместно должны были опредѣлить границы своихъ правъ. Но исторія этого вопроса показала, что церковь съ самаго начала была расположена строго отстаивать право церковныхъ учрежденій на владѣніе недвижимой собственностью, въ чемъ, конечно, она была права. Со стороны церкви для устраненія поводовъ

¹⁾ Христ. чт. за 1901 г. янв. стр. 116.

²⁾ Обзор. русск. Духов. Литер., в. 2, стр. 90.

³⁾ Русск. Стар. 1876 г. кн. IV, „Митр. Ростов. Арсеній Мацѣевичъ и дѣло объ отобраніи церк. имѣній въ 1762“. Н. И. Барсовъ.

къ виѣшательству государственной власти въ имущественныя дѣла ея нужно было бы только внести извѣстный строй, порядокъ, организацію въ управленіе имуществами и удовлетворить государство въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ нарушались его права. Но церковная власть не имѣла силы и возможности тогда исправить подобнаго рода явленіе; въ рукахъ ея не было средствъ, могущихъ дать правильную постановку экономическому строю. Въ силу этого на помощь церкви является государство, которое по своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ стремилось не къ тому, чтобы „присвоить себѣ церковныя имѣнія, но чтобы предписать законы о лучшемъ ихъ употребленіи на славу Божию и пользу отечества“ ¹⁾, на что само Божественное писаніе лицамъ, стоящимъ во главѣ государства, якобы предоставляетъ право ²⁾. Обращая вниманіе на то „сколь великій соблазнъ“ приводитъ то обстоятельство, „когда имущество церковное расточается на временныя житейскія попеченія, а вѣчныя и богоугодныя дѣла остаются въ забвеніи или и вовсе въ уничтоженіи“ ³⁾, сторонники секуляризаціи церковныхъ имуществъ, на всемъ протяженіи исторіи этого вопроса, въ качествѣ главнаго мотива къ отобранію церковныхъ имуществъ, выставляютъ неумѣлое распоряженіе со стороны церкви владѣемыми ею богатствами, каковое распоряженіе ведетъ къ тому, что богатства „туне гибнутъ“. Въ виду такихъ обстоятельствъ Петръ I рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что передалъ государству только право управленія монастырскими вотчинами, учредивъ для этого Монастырскій Приказъ, самыя же вотчины составляли еще въ то время собственность церкви и монастырей. Но такъ какъ введенное со времени Петра I новое устройство въ дѣлѣ управленія церковными вотчинами не вносило въ прежнюю систему экономическаго управленія никакихъ улучшеній, то духовенство естественно, конечно, имѣло полное основаніе и право жаловаться и роптать на подобную дѣятельность Петра I. Итакъ, государство въ началѣ 18 ст. явилось на помощь церкви въ дѣлѣ лучшей организаціи управ-

1) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11643.

2) Ibidem, № 11716.

3) Ibidem, 11716, Духовн. реглам. 1828 г. 1—2 стр. 16 п. 2.

ленія недвижимыми имуществами, но само показало себя несостоятельнымъ въ дѣлѣ упорядоченія прежняго управленія, сообразно съ цѣлями церковныхъ учрежденій и правами самого государства. Намъ нужно сказать теперь еще о томъ, имѣло ли право государство на участіе въ управленіи тѣми имуществами, которыя составляютъ собственность Церкви? Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно. И само законодательство словами представителей своихъ выражаетъ это свое право слѣдующимъ образомъ: „данная намъ отъ Бога власть самодержавная, къ которой мы избраны и Его Высшею рукою помазаны на престолѣ, не токмо во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ одоужаетъ насъ имѣть недреманное око, но и обязываетъ насъ учреждать всѣ порядки и законы, подкрѣпляющіе православіе, такъ чтобы всѣ дѣла нами въ духовномъ чинѣ установленныя соотвѣтствовали дѣлу Божію“¹⁾. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что, отбирая управленіе церковными имуществами въ свои руки, государство тѣмъ самымъ освобождало монастыри отъ многихъ заботъ чисто мірскаго свойства, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало подъему нравственной жизни иноковъ, то съ канонической точки зрѣнія стремленіе государства къ отобранію управленія монастырскими имуществами въ свои руки не должно вызывать серьезныхъ возраженій. Но при Екатеринѣ II, въ дѣло по вопросу о церковныхъ имуществѣхъ, внесена была новая черта, ибо при Екатеринѣ II, рѣчь идетъ уже не только объ управленіи церковною собственностью, а и объ отобраніи этой собственности въ государственную казну. Является такимъ образомъ вопросъ: имѣетъ ли право государство обращать собственность церкви въ свою собственность? Въ виду того, что имущественная правоспособность монастырей затронувала существенно интересы самого государства, вопросъ о монастырскихъ недвижимыхъ имуществѣхъ требовалъ настоятельно разрѣшенія. Но рѣшать его совмѣстно съ церковью государство въ 18 вѣкѣ не пыталось, такъ какъ факты исторіи убѣдили его въ бесполезности такихъ попытокъ. Въ силу этого государство дѣйствуетъ одиноко въ рѣшеніи вопроса объ

¹⁾ 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11716.

имущественныхъ правахъ церкви и монастырей. Оно не спрашиваетъ у церкви разрѣшенія на отнятіе у нея ея собственности, а только, переходя на каноническую точку зрѣнія, какъ бы отъ лица самой церкви считаетъ этотъ фактъ секуляризаціи вполне правильнымъ. Но подобной дѣятельности государства, по отношенію къ имуществамъ церковнымъ, съ формальной точки зрѣнія нельзя оправдать. Дѣло въ томъ, что церковь все же являлась собственникомъ, за которымъ право на владѣніе земельными имуществами было признано юридически, путемъ выдачи имъ со стороны государства подтвердительныхъ грамотъ. На этомъ основаніи всякій формальный актъ, касающійся собственности церкви и монастырей, не могъ быть рѣшенъ иначе, какъ при активномъ участіи со стороны самого собственника. Но государство, видя, со стороны церкви и монастырей нѣкоторую какъ бы несостоятельность въ распоряженіи имуществами, наносящую вредъ интересамъ и самой церкви и государству, дѣйствуетъ такимъ образомъ, что беретъ на себя право постоянной опеки надъ церковью и монастырями въ экономическомъ отношеніи, но на условіяхъ, при которыхъ собственность монастырей и церкви переходила навсегда уже въ собственность самого государства. Опека на такихъ условіяхъ нарушала права собственности, хотя и имѣла каноническія оправданія. По 6 правилу Двукратнаго собора „аще кто обрящется усвоающій себѣ нѣкое стяжаніе (изъ тѣхъ, кои постриглись), не предоставивъ онаго монастырю (за которымъ признается только право собственности), то „игуменъ или епископъ имѣеть право взять опое стяжаніе и продавъ его раздать нищимъ и нуждающимся“. То есть, если монахъ, припавъ на себя обѣты нестяжанія, заставляющие его отдѣлиться отъ всего мірскаго и отъ всякой собственности, этого не дѣлаетъ, между тѣмъ какъ это идетъ въ разрѣзъ съ его жизненнымъ призваніемъ, то онъ, хотя и владѣетъ формальнымъ правомъ на свою собственность, но какъ членъ, принявшій на себя обязанность выполнять извѣстныя нравственныя цѣли и задачи, достиженіе которыхъ не мирится съ личною собственностью, теряетъ уже свое формальное право на собственность и начальникъ той общины,

гдѣ онъ состоитъ членомъ, имѣеть право лишать его этой собственности. Такимъ образомъ подчинять формальное право нравственному, каноническому принципу, въ дѣлѣ организаціи жизни нравственныхъ институтовъ, является позволительнымъ. Ставясь на эту точку зрѣнія дѣйствовало и государство. Церковь и институтъ монашествующихъ постольку имѣютъ право владѣть имущественною собственностью, поскольку эта послѣдняя служитъ достиженію ихъ цѣлей, если же она препятствуетъ этому, то государство въ лицѣ своихъ представителей имѣеть право воспользоваться имущественною собственностью тѣхъ институтовъ, цѣли которыхъ и задачи не совпадаютъ съ правомъ на владѣніе имущественною собственностью. „Въ наше время, говоритъ Завьяловъ, болѣе чѣмъ странно отстаивать разрушенное въ 1764 году вотчинное право церковныхъ учреждений. Вѣдь это было крѣпостное право, которымъ церковныя учрежденія владѣли на основаніяхъ не догматическихъ, а только историческихъ, почему государство имѣло полное право и основаніе на секуляризацію церковныхъ имуществъ, коль скоро оно нашло это несоотвѣтствующимъ для церкви и не выгоднымъ для себя ¹⁾).

Владиміръ Ивановскій.

¹⁾ Христ. Чит. 1901 г. № 1, стр. 116.

Новый трудъ проф. А. Гарнака по исторіи распро- страненія христіанства.

A. Harnack. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Leipzig. 1902. А. Гарнакъ. Миссіонерская проповѣдь и распространеніе христіанства въ первые три вѣка.

Неутомимый изслѣдователь исторіи христіанства, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ первыхъ трехъ вѣковъ, профессоръ Берлинскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи Адольфъ Гарнакъ недавно подарилъ наукѣ обширное сочиненіе (561 стр. компактнаго текста), заглавіе котораго мы сейчасъ написали. Новый трудъ Берлинскаго профессора заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны русской богословской науки, а также и всѣхъ лицъ, интересующихся религіозными вопросами. Имя Гарнака у насъ довольно извѣстно, но лишь съ отрицательной стороны. Даже его знаменитый „Lehrbuch der Dogmengeschichte“ (Учебникъ по исторіи догматовъ,—два объемистыхъ тома), вышедшій теперь уже третьимъ изданіемъ (1894 г.) и содержащій въ себѣ много поучительнаго и для православнаго богослова, не встрѣтилъ у насъ ни одного одобрительнаго слова. О „сущности христіанства“, надѣлавшей столько шума на западѣ и у насъ, и говорить нечего.

Между тѣмъ въ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ А. Гарнака, въ сужденіяхъ его о Лицѣ Иисуса Христа, о благовѣстіи евангельскомъ и о христіанскихъ общинахъ, составившихся изъ послѣдователей Его, есть много положительныхъ элементовъ. Прежде всего Гарнакъ—не раціоналистъ. Уроженецъ

нашей прибалтійской области, онъ общее богословское образованіе получилъ въ Юрьевскомъ университетѣ и, когда уже считался выдающимся ученымъ, занимая кафедру въ Лейпцигскомъ университетѣ, сдѣлался ученикомъ извѣстнаго Ричля, знаменитаго нѣмецкаго богослова проплага вѣка, основателя ричлианской школы въ богословіи, включающей въ себя въ настоящее время рядъ выдающихся ученыхъ, а по смерти Ричля († 1889 г.), занялъ положеніе главы этой школы. Возникновеніе этого новаго направленія въ современномъ намъ нѣмецкомъ богословіи стоитъ въ связи съ философскими теченіями XIX вѣка. Когда система Гегеля, стремившаяся изъ одного чистаго разума объяснить все разнообразіе бытія и жизни, увлекши собой на короткое время всѣ выдающіеся умы, пала, она оставила по себѣ одно только крайнее отвращеніе и недовѣріе ко всякимъ новымъ метафизическимъ попыткамъ. Возникла реакція въ цѣляхъ строгаго указанія границъ человѣческаго знанія, нашедшая свое выраженіе въ общемъ крикѣ: назадъ къ Канту! Началось усиленное изученіе Канта, которое постепенно привело къ образованію такъ—называемой новокантіанской школы въ философіи, не мало порабатавшей надъ вопросомъ о сущности религіи и отношеніи религіознаго познанія къ опытному. Принявъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, всѣ гносеологическіе выводы „Критики чистаго разума“, т. е. отвергая всякую возможность объективнаго или метафизическаго познанія, новокантіанцы должны были по примѣру Канта значительно ограничить область религіознаго познанія. По сужденію Ланге,—автора извѣстной „Исторіи матеріализма“¹⁾,—гдѣ впервые систематизировано ученіе повокантіанства,—научная и религіозная области не имѣютъ ничего общаго между собою; то, что служитъ предметомъ религіознаго познанія, не можетъ быть предметомъ научнаго познанія, т. е. ему нельзя усвоить значеніе теоретически доказуемой дѣйствительности. Теоретическая дѣйствительность имѣетъ дѣло лишь съ явленіями, содержаніе которыхъ возникаетъ въ насъ необходимо въ силу чувственнаго принужденія. Религіозный же міръ со-

¹⁾ Lange. Geschichte der Materialismus und Kritik seine Bedeutung in der Gegenwart, Berlin, 213, 1873—1875.

здается въ человѣкѣ изъ присущаго его духу неотвратимаго повужденія возвыситься надъ окружающею дѣйствительностью, чтобы, построивъ идеаль, образъ истинно гармоническаго состоявiя, человѣкъ могъ найти себѣ утѣшенiе отъ разнаго рода постигающихъ его несчастiй. Слѣдовательно, религiозное знанiе имѣеть исключительно практическую цѣнность и теряетъ всякое реальное содержанiе, коль скоро становится предметомъ теоретически—научнаго знанiя. Религiя есть собственно плодъ сердца и внутреннихъ личныхъ стремленiй человѣка; она относится къ тому кругу явленiй духовной жизни, какъ и искусство, т. е. должна имѣть только этическое, эстетическое и практическое значенiе. Отсюда легко рѣшается и тотъ вопросъ, что должно служить содержанiемъ религiи. Изъ нея нужно устранить все метафизическiя ученiя о Богѣ, душѣ, человѣкѣ и пр., потому что все эти истины, какъ теоретическiя, теряютъ свой смыслъ, коль скоро критическiй умъ приступаетъ къ разсмотрѣнiю ихъ. Въ религiи долженъ быть оставленъ лишь практическiй идеаль жизни.

Самъ Лянге, занимавшiйся исключительно философiей, не имѣлъ повода примѣнять свои воззрѣнiя на религiю спеціально къ христiанству. Это сдѣлалъ упомянутый выше Августъ Ричль, самый выдающiйся и даровитый догматистъ протестантскаго богословiя за ближайшее къ намъ время. Нѣкогда принадлежавшiй къ числу послѣдователей Баура, Ричль очень скоро, еще при жизни своего учителя, порвалъ всякiя связи съ ново-тюбингенскою школою и всталъ на самостоятельный путь въ разработкѣ догматическихъ вопросовъ, создавъ свою собственную школу. Какъ догматистъ, Ричль свою главную задачу полагалъ въ перестройкѣ христiанской догматики на новыхъ основанiяхъ, съ цѣлю привести ихъ въ полное согласiе съ новѣйшими данными науки, которыя онъ усматривалъ въ ново-кантiанствѣ. Его собственные взгляды на религiю мало оригинальны, такъ какъ онъ почти цѣликомъ заимствуетъ ихъ изъ области ново-кантiанства, но его самобытность состоитъ въ томъ, что онъ впервые и систематически примѣнилъ ихъ къ христiанской догматикѣ. Подобно новокантiанцамъ, Ричль проводитъ рѣзкую грань между сферою религiозною и

сферой научной или, какъ онъ выразится, сферой метафизической. Религія не можетъ имѣть никакого отношенія къ метафизикѣ; она не есть знаніе, а образъ жпзни, чрезъ который человѣкъ поставляется въ извѣстныя отношенія къ Богу. Богословіе, потому, не можетъ и не должно задаваться рѣшеніемъ вопросовъ о сущности объектовъ религіознаго знанія, о томъ, что такое представляютъ собой эти объекты въ отношенія къ міру и человѣку, потому что всѣ эти вопросы метафизическаго свойства. Примѣная эти принципы къ христіанской догматикѣ, Ричль находитъ, что Богъ можетъ быть мыслимъ и опредѣляемъ, только какъ любовь, потому что только съ этой стороны извѣстны Его отношенія къ міру и человѣку. Всѣ остальные опредѣленія Бога, какъ всемогущаго, вездѣсущаго, единаго въ трехъ иносасяхъ, должны быть или оставлены совсѣмъ, или истолкованы соотвѣтственно основному свойству божественной личности. То же самое слѣдуетъ сказать относительно личности Богочеловѣка. О немъ и Его природѣ мы можемъ разсуждать лишь постольку, поскольку Онъ служитъ проявленіемъ любви божественной. Всѣ же сужденія прежней и современной теологіи о природѣ и лицѣ Иисуса Христа то же должны быть отвергнуты или понимаемы, какъ идеально-нравственныя опредѣленія Его. Допустимо также признаніе Божества въ Иисусѣ Христѣ, но оно должно выражать собой приговоръ не о природѣ Его, а только о религіозномъ значеніи Его для насъ. Таковъ вкратцѣ взглядъ Ричля на догматику. Не трудно замѣтить, что теологія Ричля, значительно суживая границы религіознаго познанія, существенныя элементы религіи оставляетъ неприкосновенными. Религія понимается, какъ внутреннее отношеніе человѣка къ Богу, а этимъ самымъ постулируется уже вѣра въ личнаго Бога. Историческая дѣйствительность христіанства въ его основныхъ фактахъ признается, и Лицо Христа въ Его историческомъ явленіи и ученіи о царствѣ Божіемъ получаетъ общечеловѣческое, вѣчное и непреходящее значеніе. Указывая для религіи преимущественно область чувства, Ричль сводитъ религію къ тѣмъ основнымъ началамъ, въ которыхъ и выражается ея реальная сущность,—къ цѣлтизму, внутреннимъ переживаніямъ,

въ чемъ дѣйствительно и заключается всякая истинная, а не формальная, религіозность ¹⁾).

Гарнакъ—не слѣпой ученикъ Ричля; онъ внесъ кой-какія частныя измѣненія въ его доктрину, но въ сужденіи о христіанствѣ онъ всецѣло стоитъ на той же почвѣ, какъ и Ричль. „Евангеліе,—пишетъ онъ въ своемъ „Учебникѣ по исторіи догматовъ“,—есть радостная вѣсть о господствѣ всемогущаго и святого Бога, Отца и Судии надъ міромъ и каждой отдѣльной душой. Въ этомъ господствѣ, освобождающемъ людей отъ власти діавола и дѣлающемъ ихъ господами въ небесномъ царствѣ, въ противоположность мірскому царству, утверждается жизнь людей, предающихъ себя Богу, какъ будто они вмѣстѣ съ этимъ теряютъ міръ и земную жизнь. Такое господство Бога налагаетъ на людей старый и все-же новый законъ,—законъ божественнаго совершенства и потому безраздѣльной любви ²⁾ къ Богу и ближнимъ. Въ этой любви, поскольку она овладѣваетъ внутреннимъ существомъ человѣка, состоитъ *лучшая праведность*, соотвѣтствующая совершенству Божию. Путь къ достиженію ея—измѣненіе чувства (покаяніе), т. е. самоотверженіе, смиреніе предъ Богомъ и сердечное довѣріе къ Нему. Въ смиреніи и довѣрїи къ Богу заключается сознаніе собственнаго недостоинства. Евангеліе призываетъ въ царство Божіе грѣшниковъ, чувствующихъ такое расположеніе, и обѣщаетъ имъ насыщеніе праведностью, т. е. *прощеніе грѣховъ* тѣмъ, кто доселѣ были отдѣлены отъ Бога.—Въ этихъ трехъ моментахъ евангельской проповѣди (господство Бога, лучшая праведность, т. е. любовь, и прощеніе грѣховъ) она неразрывно связана съ Иисусомъ Христомъ. Уже самымъ возвышеніемъ такого евангелія Иисусъ Христосъ привлекаетъ всѣхъ людей къ Себѣ. Въ Немъ—евангеліе *слово и плоть*; оно сдѣлалось Его пищей и потому внутренней Его жизнью, и въ *эту Свою жизнь* Онъ вовлекаетъ всѣхъ другихъ. Онъ *Сынъ*, знающій

¹⁾ Подробности о ричліанской школѣ и объ отношеніи къ ней А. Гарнака см. въ изслѣдованіи В. Керенскаго, напечатанномъ въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1901—1902 г.г. и въ отдѣльномъ изданіи.

²⁾ Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ извлеченіяхъ, курсивъ принадлежитъ Гарнаку.

Отца. ¹⁾ Въ немъ они должны почувствовать, какъ милостивъ Отецъ; въ Немъ они должны воспринять силу и могущество Божіе надъ міромъ и убѣдиться въ этомъ утѣшеніи; Ему, смиренному и кроткому, они должны послѣдовать и, поелику Онъ, святой и чистый, призываетъ къ Себѣ грѣшниковъ, они должны получить увѣренность, что Богъ прощаетъ чрезъ Него грѣхи. Эту связь Своего евангелія со Своею личностью Иисусъ Христосъ никоимъ образомъ не выражалъ только въ однихъ словахъ. Никакое слово не имѣло бы дѣйствія, если бы не присоединялась къ нему *Его жизнь*, все превозмогающее впечатлѣніе Его личности Своею жизнью, поведеніемъ и рѣчами, почерпаемыми изъ богатства жизни, какую Онъ велъ со Своимъ Отцомъ, Онъ сдѣлался для другихъ откровеніемъ *Бога*, о Которомъ они слышали уже ранѣе, но Котораго еще не знали. *Своею Отца* Онъ возвѣщалъ имъ, какъ *изъ Отца*, и они Его понимали. Но, сверхъ того, Онъ называлъ Себя предъ ними Мессіей, давъ этимъ Своему пребывающему значенію для нихъ и Своего народа понятное выраженіе, и въ концѣ Своей жизни, въ торжественные часы, какъ и ранѣе при особыхъ случаяхъ, указалъ, что *преданность Ему*, побуждающая все оставить и послѣдовать *Ему*, нико-

¹⁾ Ср. стр. 62—63: „При возвѣщеніи и основаніи царства Божія Иисусъ требовалъ отъ людей отдаться Ему, такъ какъ Онъ долженъ быть признанъ, какъ призванный Богомъ избавитель и общаинный Мессія. Въ этомъ значеніи Онъ объявлялъ Себя народу посредствомъ именъ, какія Онъ давалъ Себѣ, потому что такія имена, какъ „помазанный, царь, господинъ, Сынъ Давида, Сынъ человѣчскій“ обозначаютъ собой ничто иное, какъ мессіанское достоинство и въ большей части были извѣстны народу, находясь у него въ постоянномъ употребленіи. Но въ этихъ наименованіяхъ, и главнымъ образомъ въ усвоенномъ Имъ Сею именемъ „Сына Божія“, Иисусъ указываетъ не только на Свое званіе и права Мессіи, но на Свое исключительное по своей непосредственности отношеніе къ Богу Отцу, какъ на основаніе переданнаго Ему призванія. Тайну этого отношенія Онъ высказалъ не далѣе, какъ только словами, что только Сынъ знаетъ Отца (Гарнакъ отрицаетъ подлинность сл. Іоанна въ цѣльномъ его видѣ, но признаетъ въ немъ древне историческую традицію) и что чрезъ посланіе Сына это богопознаніе и богосиновство дается всѣмъ людямъ. Въ возвѣщеніи о Богѣ, какъ отцѣ, а также о томъ, что въ любви, исполняющей волю Божію, всѣ члены царства съ Сыномъ и чрезъ Него должны стать одно (Нагнаск, Аптегк. „по моему мнѣнію прощальная рѣчь въ основныхъ мысляхъ подлинна“), содержится благовѣстіе объ осуществляемомъ царствѣ Божіемъ съ его богатѣйшимъ, неисчерпаемымъ содержаніемъ.

имъ образомъ не представляетъ собой случайнаго элемента въ томъ новомъ положеніи, въ какомъ они поставлялись къ Богу, какъ своему Отцу. Онъ говоритъ имъ, что эта преданность требуется *службой*, какую принесъ Онъ имъ и „многимъ“, такъ какъ Свою жизнь отдаетъ смерти, какъ жертву за грѣхи міра. Научая ихъ преломленію хлѣба и питію отъ чаши вспоминать о Немъ и Его смерти, Онъ говоритъ, что эта смерть совершается для прощенія грѣховъ. Опъ, возвысившій въ Своей проповѣди о царствіи Божіемъ строжайшее самоиспытаніе и смиреніе на степень закона, и осуществившій его на Своемъ примѣрѣ, *Свою утончанную смертью жизнь* обозначилъ, какъ *непреходящую* заслугу, благодаря которой люди очищаются отъ грѣховъ и становятся угодными Богу. Онъ усвоилъ Себѣ исключительное и пребывающее значеніе, какъ *искупитель* и *судья*. И это значеніе Онъ обезпечилъ не раскрытіемъ тайнъ о Своемъ Лицѣ, а *впечатлѣніемъ Своей жизни и значеніемъ Своей смерти*. Какъ и всякое страданіе, она получила для Него смысла побѣды, перехода къ Его господству и оказала самое могущественное впечатлѣніе на Его послѣдователей, родивъ у нихъ убѣжденіе, что Онъ живетъ и есть Господь и Судья надъ мертвыми и живыми“. ¹⁾

Какъ видимъ, согласно теологіи Ричля, Гарпакъ выбрасываетъ изъ евангелія все догматическое содержаніе его. Самое исключительное и пребывающее значеніе Иисуса Христа, какъ искупителя и судіи, онъ основываетъ не на раскрытіи „тайны Его личности“, а на „впечатлѣніи Его жизни и значеніи Его смерти“ ²⁾ Тѣмъ не менѣе предложенная имъ характе-

¹⁾ А. Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte, 3-te Aufl. 1 B. ss. 57—59. Leipzig, 1894.

²⁾ Гарпакъ отрицаетъ воскресеніе Христа. Но нѣсколько дальше (стр. 73, 74) онъ пишетъ: „но уже въ теченіе двухъ поколѣній послѣ Него, о Немъ сказано было все что только могутъ связать люди; даже болѣе: переживали и познавали Его, какъ вѣчно живущаго, какъ Господа міра и какъ дѣйствительный принципъ собственной жизни. „Христосъ—моя жизнь и смерть есть мое приобрѣтеніе“, Онъ есть „путь, истина и жизнь“. Восресеніе и вѣчная жизнь теперь несомнѣнны; страданія этого міра исчезли, какъ туманъ при свѣтѣ солнца, и жизнь это о міра предстала, какъ день одинъ. Группа этихъ фактовъ, открывающая иступленіе евангелія въ мірѣ, есть величайшее и своеобразнѣйшее, что встрѣчается намъ въ этой исторіи: это—печать христіанской религіи и отличаетъ

ривства нравственно-практическихъ идеаловъ евангелія, выставленное имъ на первый планъ исключительное значеніе въ христіанской религіи личности и жизни Іисуса Христа ¹⁾ и самыя сужденія о содержаніи Его проповѣди ²⁾ едва-ли могутъ вызвать какія-либо возраженія со стороны православнаго читателя. Общій взглядъ Гарнака на христіанскую религію также возвышенъ. Заканчивая свою рѣчь о евангеліи Іисуса Христа и значеніи Его личности, Гарнакъ пишетъ: „религія ее отъ всѣхъ другихъ универсальныхъ религій. Гдѣ въ исторіи человечества можно встрѣтить что-либо подобное, чтобы тѣ, которые вѣра и пила со своимъ учителемъ и Господомъ, не только признали Его откровителемъ Бога, но и царемъ жизни, искупителемъ и судьей міра, живую силу ихъ собственнаго бытія, и что вскорѣ выѣстъ съ ними хоры іудеевъ и язычниковъ, грековъ и варваровъ, мудрыхъ и простецовъ изъ полноты этого одного мужа стали принимать благодать на благодать. Говорятъ, исламъ предлагаетъ примѣръ подобной религіи, зародившейся въ ясный день; однако и община Іисуса Христа родилась въ ясный день. Что для насъ остается темнымъ въ этомъ рожденіи, это не является только слѣдствіемъ недостаточности извѣстій, но свое основаніе имѣетъ въ своеобразности факта, покоющагося на исключительности личности Іисуса“.

1) Ср. с. 63; Инт. 4. „историкъ не можетъ считаться съ чудомъ, какъ съ прочно даннымъ историческимъ событіемъ, потому что этимъ уничтожается самый способъ разсмотрѣнія, на какомъ покоится всякое историческое изслѣдованіе. Каждое отдѣльное чудо остается исторически сомнительнымъ, а суммированіе сомнительнаго никогда не ведетъ къ очевидности. Если историкъ, несмотря на это, убѣжденъ, что Іисусъ Христосъ творилъ нѣчто чрезвычайное, въ строгомъ смыслѣ чудесное, то онъ заключаетъ отъ необыкновеннаго впечатлѣнія Его личности къ сверхъестественной силѣ ея. Такое заключеніе всецѣло принадлежитъ религіозной области, такъ какъ едва-ли можно встрѣтить гдѣ либо твердую вѣру, которая не дѣлала бы подобныхъ заключеній. Впрочемъ, при строго исторической критикѣ вопросъ касается только чудесъ исцѣленія Іисуса. Безъ сомнѣнія, ихъ нельзя совсѣмъ устранить изъ историческихъ извѣстій безъ того, чтобы въ самой основѣ не поколебать этихъ извѣстій. Но какъ бы они ни обсуждались сами по себѣ, относительно того, кому они приписаны, теперь по истеченіи 1800 лѣтъ, можно создать нѣкоторое особенное сужденіе, хотя и его нельзя установить безъ всякаго вниманія къ чудесамъ. Что Онъ могъ стать тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть, что Онъ создалъ новое, не разрушая стараго, что Онъ приобрѣлъ Себѣ людей, воздѣлая имъ о Своихъ Отцѣ, что Онъ одушевлялъ ихъ безъ искусственнаго возбужденія, что Онъ основалъ царство безъ политики, освободилъ міръ безъ аскетизма, былъ дѣятелемъ безъ теологій въ тотъ вѣкъ искусственнаго религіознаго возбужденія, политики, аскетизма, теологій,—это великое чудо Его лица и что Онъ, говорившій нагорную проповѣдь, въ отношеніи Своей жизни и смерти возвѣстилъ о Себѣ, какъ искупитель и судьѣ міра, это соблазнъ и безуміе, насмѣхающееся надъ всякимъ разумомъ“.

2) Мы ограничиваемся только этой выдержкой. У Гарнака еще цѣлый отдѣлъ посвященъ обсужденію отдѣльныхъ пунктовъ ученія Іисуса Христа (стр. 60—73).

евангелія покоится на этой вѣрѣ въ Иисуса Христа, т. е. при взглядѣ на Него, эту историческую личность, для вѣрующихъ становится очевиднымъ, что Богъ есть судія, Отецъ и искупитель. Религія евангелія есть религія, которая поддерживаетъ высочайшія нравственныя требованія,—въ ихъ простѣйшей и самой трудной формѣ,—разрѣшаетъ противорѣчіе, въ какомъ каждый человѣкъ чувствуетъ себя въ отношеніи къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ освобожденіе изъ этой нужды, вовлекая жизнь людей въ неисчерпаемую и святую жизнь Иисуса Христа, побѣдившаго міръ и призвавшаго къ Себѣ грѣшниковъ¹⁾.

Въ своемъ „Учебникѣ“, излагающемъ преимущественно и почти исключительно *догматическую* сторону христіанства въ историческомъ ея развитіи, въ которой Гарнакъ, сообразно съ своей общей точкой зрѣнія на религію, видитъ постепенное искаженіе первоначальнаго ученія Евангелія, „превращеніе его въ еллінизмъ“, онъ, конечно, не имѣлъ ни поводовъ, ни побужденій входить въ болѣе подробныя разсужденія о внутренней религіозно-нравственной сущности христіанства, какъ религіи, и историческомъ ея выраженіи. Совсѣмъ иное мы наблюдаемъ и въ „исторіи распространенія христіанства“. Здѣсь уже самая тема, въ томъ новомъ направленіи, какое она получила, необходимо выпуждала автора опредѣленно высказаться о той или другой сторонѣ христіанства и дать ему оцѣнку или сравнительно съ другими религіями, или безотносительно съ точки зрѣнія религіозно-нравственныхъ идеаловъ.

Что въ особенности обращаетъ на себя вниманіе уже при первомъ знакомствѣ съ новымъ трудомъ А. Гарнака, это оригинальная постановка дѣла. Вопросъ, занимающій его, не новъ. Въ каждомъ болѣе или менѣе законченномъ курсѣ церковной исторіи всегда отводится извѣстный отдѣлъ, занимающійся обсужденіемъ причинъ, вызвавшихъ быстрое распространеніе христіанства. Многіе пункты этого отдѣла сдѣлались почти стереотипными и буквально воспроизводятся въ учебникахъ. Въ послѣднее время литература по этому вопросу существенно увеличилась. Болѣе внимательное изученіе древ-

¹⁾ Стр. 59.

нихъ источниковъ касательно религіознаго развитія язычества, современнаго христіанству, открытіе надписей и памятниковъ, относящихся къ этой области, дали возможность наукѣ заглянуть въ интимную сторону язычника, въ глубь его религіозно-нравственныхъ стремленій и чаяній и нарисовать живую картину его религіозно-нравственнаго состоянія. Предъ взглядомъ историка религіознаго сознанія человѣчества открылись совершенно новыя явленія, неизвѣстныя ранѣе. Оказалось, что религіозное содержаніе язычества въ эпоху благовѣстія Евангелія далеко не было такъ пусто и безцвѣтно, какъ это представляли себѣ прежде. Начиная съ перваго вѣка нашей эры, во второмъ и особенно въ третьемъ столѣтіи религіозная мысль язычества пережила цѣлый кризисъ: потерявъ вѣру въ своихъ прежнихъ боговъ, перенеся цѣлый рядъ внѣшнихъ переворотовъ и внутреннихъ испытаній, люди стали глубже всматриваться въ свою собственную душу, внимательнѣе прислушиваться къ своимъ внутреннимъ потребностямъ и искать удовлетворенія имъ не въ своей обычной обстановкѣ, не дававшей уже ничего цѣннаго, а въ области религіи. Народились новыя идеи, стремленія и чаянія, о которыхъ ничего не знала классическая древность. Всѣ духовныя силы, какія еще оставались въ распоряженіи язычества,—философія и въ особенности восточныя религіи,—идутъ на службу этимъ новымъ, возникшимъ въ язычествѣ теченіямъ, и каждая по своему стремится дать имъ отвѣтъ. Философія источникъ познанія указываетъ не въ логическомъ мышленіи, а въ вѣрѣ въ Божественный авторитетъ, въ мистическомъ откровеніи. Религія учитъ своихъ поклонниковъ о высшемъ происхожденіи и назначеніи человѣческой души, о необходимости освобожденія отъ плоти и матеріи, въ омовеніяхъ и разнаго рода мистеріяхъ предлагаетъ средства, освобождающія человѣка отъ грѣха, дающія ему высшую помощь въ борьбѣ съ искушеніями и дѣлающія его чистымъ и угоднымъ Богу. Возникаетъ цѣлый комплексъ понятій объ искупленіи, искупителѣ, воскресеніи, вѣчной жизни и т. д., близко соприкасающійся съ идеями христіанскими, но не отрѣшающійся отъ языческой почвы, который высшее свое осу-

ществованіе долженъ былъ найти въ христіанствѣ ¹⁾). При взглядѣ на эти явленія, историкъ еще разъ можетъ повторить слова Апостола, что христіанская проповѣдь раздалась въ мірѣ въ тотъ моментъ, когда настала „полнота временъ“.

Безъ сомнѣнія, эти изслѣдованія о религіозномъ состояніи язычества во 2 и 3 вѣкахъ, раскрывающія предъ нами значительную степень подготовленности его къ воспринятію христіанства, въ существенной мѣрѣ объясняютъ намъ быстрый успѣхъ христіанской проповѣди среди языческаго міра. Но они еще не рѣшаютъ всего вопроса: этимъ ли только побочнымъ и внѣшнимъ по отношенію къ себѣ условіямъ христіанская религія обязана быстротою своего распространенія, или въ самомъ христіанствѣ, въ существѣ его религіознаго ученія и въ нравственныхъ требованіяхъ лежали миссіонерующіе элементы, сами по себѣ способствовавшіе его проповѣди и распространенію?

Этотъ вопросъ впервые поставленъ А. Гарнакомъ въ выше-названномъ сочиненіи и рѣшенъ блестящимъ образомъ. Такъ называемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ распространенія христіанства, о которыхъ мы сейчасъ говорили, Гарнакъ отводитъ лишь небольшое мѣсто, „введеніе“ къ сочиненію, кратко отмѣчая лишь главные пункты, какъ общеизвѣстные, сумѣвъ, однако, и здѣсь сказать много оригинальнаго. Его главный интересъ привлекаетъ къ себѣ религіозно-нравственная сущность христіанства и осуществленіе ея въ жизни древнихъ христіанъ; въ религіозномъ ученіи христіанства, въ нравственной строгости его требованій, въ идеальномъ строѣ жизни первыхъ христіанъ, въ несравнимой оригинальности и своеобразности христіанской религіи въ ея цѣломъ онъ указываетъ привлекательную и миссіонерствующую силу ея, обеспечившую ей полный успѣхъ. Это — точка зрѣнія новая и тѣмъ болѣе замѣчательная, что все дѣло миссіи онъ приписываетъ не случайнымъ и внѣшнимъ причинамъ, какими довольствовались прежде, а самому христіанству, его отличительнымъ

¹⁾ Нѣсколько болѣе подробный очеркъ этихъ новыхъ религіозныхъ теченій въ язычествѣ см. въ нашей брошюрѣ: „Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство“, Сергіевъ посадъ, 1905, стр. 41—48.

особностямъ и религіозно-нравственной энергіи его послѣдователей. „Тайна привлекающей силы христіанской проповѣди, — говоритъ А. Гарнакъ въ общемъ предисловіи къ своему изслѣдованію, — и важное условіе ея успѣха лежали въ *одномъ* и во *многомъ*, чѣмъ она обладала сначала. Она была, съ одной стороны, такъ проста, что ее можно было выразить въ немногихъ краткихъ положеніяхъ, можно было ощущать въ *одномъ* великомъ внутреннемъ потрясеніи; съ другой стороны, она была столь разнообразна и богата, что оплодотворяла всякую мысль и оживляла всякое чувство. Почти съ самаго пачала она могла соперничать со всякимъ проявленіемъ добраго и благороднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ со всякимъ умозрѣніемъ и любимъ тайнымъ культомъ. Она одновременно была нова и стара, потусторонняя и посюсторонняя; она была чиста и прозрачна и опять же глубокосодержательна и полная таинственности; она была законодательна и выше всякаго закона; она была ученіемъ и все же не однимъ ученіемъ; она была философій и все же отлична отъ философіи. Кто хочетъ, поэтому, представить миссіонерскую проповѣдь и миссіонерскую дѣятельность, чтобы объяснить изумительные успѣхи христіанства, тотъ долженъ попытаться равномерно овладѣть всѣми этими моментами“ ¹⁾).

Извѣстныя всѣмъ, кто такъ или иначе имѣетъ случай ознакомиться съ сочиненіями А. Гарнака, качества ихъ — необыкновенная эрудиція, превосходное детальное знаніе источниковъ, точный и въ то же время изящный и выразительный слогъ, умѣнье сказать новое слово тамъ, гдѣ говорили много, — эти качества повторяются и въ его „Миссіонерской проповѣди о распространеніи христіанства“. Но насъ интересуетъ другая сторона разсматриваемаго произведенія. Это *проникающее черезъ всю книгу глубокое уваженіе его къ христіанству, удивленіе предъ идеальными свойствами его, какъ они выражались въ теоріи и главнымъ образомъ въ жизни его древнихъ послѣдователей*. Во всей обширной литературѣ его церковной исторіи мы затруднились бы указать другую книгу, въ которой оригинальность и несравнимость христіанства, какъ религіи, выстав-

¹⁾ S. 61.

лялась бы съ такою яркою выпуклостью и такъ основательно и убѣдительно доказывалось бы, какъ это наблюдается здѣсь. Своей задачей, формулированной въ сейчасъ приведенныхъ словахъ, Гарнакъ овладѣлъ вполне. Какъ ни много изучали древнѣйшее христіанство, ему все же удалось открыть въ немъ новыя стороны, пока совсѣмъ еще не обращавшія на себя вниманія науки, старое и извѣстное дополнить и представить въ новомъ свѣтѣ и въ общемъ дать оригинальное, чрезвычайно интересное изслѣдованіе по исторіи древняго христіанства. Надо читать самую книгу, чтобы убѣдиться въ указанныхъ сейчасъ качествахъ. Они встрѣчаются въ каждой главѣ, въ каждомъ отдѣлѣ. Мы ограничимся лишь немногими, болѣе характерными извлеченіями.

Кажется, нѣтъ ничего избытка и общераспространеннѣе той мысли, что древніе христіане отличались широкой взаимной благотворительностью, простиравшейся даже на ихъ враговъ—язычниковъ. Объ этомъ трактуется въ каждомъ учебникѣ. Существуетъ даже цѣлое изслѣдованіе Ульгорна, посвященное изученію благотворительной дѣятельности древнихъ христіанъ¹⁾. Однако А. Гарнакъ не только сумѣлъ здѣсь указать цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, но все дѣло христіанскаго благотворенія раскрылъ съ новой высшей точки зрѣнія. Отдѣлъ его изслѣдованія, озаглавленный: „Евангеліе любви и благотворенія“, принадлежитъ къ числу наиболѣе увлекательныхъ частей его книги. Общій характеръ его можно уже видѣть изъ слѣдующихъ, предпосланныхъ, ему разсужденій: „Алкалъ Я, и вы дали Миѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; въ темницѣ былъ, и вы посѣтили Меня. Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ Моихъ меньшихъ братьевъ, то сдѣлали Миѣ (Мѡ. XXV, 35, 36, 40)“. Эти слова Христа въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній такъ ярко блистали въ Его общинѣ и такъ мощно дѣйствовали, что христіанскую миссіонерскую проповѣдь можно обозначить, какъ проповѣдь любви и благотворенія. Среди сохранившихся словъ и притчей Христа тѣ, которыя призываютъ къ любви и благотворенію, особенно многочисленны, а также сюда принадлежатъ и нѣкоторыя случаи изъ Его жизни. Но

¹⁾ Ullhorn, Die christliche Liebestätigkeit in der alten Kirche. 1882.

были-ли эти слова многочисленными и рѣдкими, несомнѣнно одно, что призывъ къ братству и *служащей* любви былъ зерномъ Его повѣди всякій разъ, какъ только Онъ касался отношеній человека къ человеку, и что Онъ Самъ на Себѣ Самомъ и въ Своихъ дѣлахъ осуществилъ это братство и служащую любовь,—это наиболѣе очевидное въ томъ впечатлѣннн, каксе Онъ оставилъ. „Одинъ у васъ учитель; вы все братья“. „Кто изъ васъ хочетъ быть большимъ, да будетъ всеѣмъ слугою, потому что Сынъ человѣческій пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать Свою жизнь въ избавленіе многихъ“. Такъ должно понимать заповѣдь о любви къ ближнимъ. Насколько она безгранична, показываетъ изреченіе: „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего небснаго; ибо Онъ повелѣваетъ Своему солнцу восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Мѣ. V, 44, 45).“ „Будьте милосердны“—вотъ основной тонъ благовѣстія Христова, и такъ какъ это милосердіе должно простираться отъ величайшаго до малѣйшаго, отъ внутренняго до внѣшняго, то подлѣ царящаго надъ всеѣмъ изреченія: „прости намъ долги паша, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ (Мѣ. VI, 12)“ стоитъ другое, гдѣ не забыта даже чаша холодной воды (Мѣ. X, 42). Братство есть любовь на почвѣ равенства; служащая любовь есть „прощать и давать“; никакихъ границъ для нея не можетъ быть указано. *Но служащая любовь есть также и осуществленіе любви къ Богу.* Въ то время, какъ Самъ Христосъ осуществилъ эту любовь и сдѣлалъ ее силою и жизнью, Его ученики учили самому величайшему и святѣйшему, чему можно научиться въ религіи, именно: вѣрѣ въ любовь Божию. Для „Отца милосердія и Бога всяческой утѣхи“ было создано все бытіе, небо и земля,—никакихъ границъ для этого не существуетъ въ апостольскихъ и древне-христіанскихъ свидѣтельствахъ,—и только теперь впервые провозглашена была предъ человѣчествомъ вѣсть, которую ничто болѣе превзойти не могло: *Богъ есть любовь.* Первое великое и цѣлостное объединеніе новой религіи,—то, какое дастъ намъ четвертое евангеліе, все-

дѣло и исключительно основанное на любви: „будемъ любить Его, потому что Онъ сначала полюбилъ насъ.“ „Такъ Богъ возлюбилъ міръ;“ „новую заповѣдь даю вамъ: любите другъ друга,“—а самое великое, мощное и глубокое, что написалъ ап. Павелъ,—это гимнъ любви, начинающійся словами: „если я говорю языками (ангельскими и человѣческими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій (1 Кор. XIII, 1).“ Новый языкъ, лежавшій на устахъ христіанъ, былъ языкомъ любви... Но это не былъ только языкъ: онъ былъ силой и дѣломъ; они дѣйствительно рассматривали себя, какъ братья и сестры и поступали сообразно съ этимъ. Мы имѣемъ два многозначащихъ свидѣтельства объ этомъ изъ устъ язычниковъ. Лукіанъ говоритъ о христіанахъ: „ихъ первый законодатель убѣдилъ ихъ, что они всѣ другъ другу братья; они выказываютъ невѣроятную дѣятельность, когда случится чтонибудь затрогивающее ихъ общественные интересы; ничто имъ тогда не дорого.“ „Смотрите, какъ они любятъ другъ друга и какъ готовы каждый изъ нихъ умереть за другого,“—говорили язычники по словамъ Тертуліана. Значитъ, дѣйствительно исполнялись слова: потому узнаютъ, что вы Мои ученики, что вы любовь имѣете другъ къ другу“.—Такимъ образомъ, евангеліе сдѣлалось социальнымъ благовѣстіемъ. Проповѣдь, захватывавшая внутреннее существо человѣка, отрѣшавшая его отъ міра и соединявшая его со своимъ Богомъ ¹⁾, была вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдью солидарности и братства. Справедливо сказано, что Евангеліе въ глубинѣ своего содержанія столь же индивидуалистично, сколько и социалистично. Его ассоціативная тенденція не случайное явленіе въ его исторіи, а существенный элементъ его самородности. Оно одухотворяетъ непреодолимое влеченіе, какое имѣетъ человѣкъ къ человѣку и возводитъ общественныя связи отъ простаго собранія въ область нравственно-необходимаго. Оно возвышаетъ достоинство человѣка и побуждаетъ преобразовать это существующее общество,—соціализмъ, опирающійся на предположеніи противоположность интересовъ превратить въ со-

¹⁾ Эта мысль развита въ предшествующей главѣ: „религіозныя основы христіанской проповѣди“.

ціализмъ, который основывается на сознаніи духовнаго единства и общей цѣли. Это ясно предносилось уму великаго апостола язычниковъ; въ своихъ маленькихъ общинахъ, въ которыхъ каждый носилъ тяготу другого, онъ созерцалъ въ духѣ новое человечество и въ посланіи къ Ефесянамъ далъ ему радостно торжествующее выраженіе. Въ несущественную видимость разрѣшались въ этихъ общинахъ противоположности между іудеемъ и язычникомъ, варваромъ и грекомъ, знатымъ и низкимъ, богатымъ и бѣднымъ. Новое человечество уже существовало. Апостоль созерцаетъ его, какъ тѣло Христово, въ которомъ каждый членъ служитъ другому и каждый необходимъ на своемъ мѣстѣ. Въ часы высокаго одушевленія онъ провидѣлъ въ этихъ общинахъ, несмотря на ихъ скудость и слабость, развитіе, имѣющее обнять тысячелѣтія ¹⁾).

Мы намѣренно привели эту длинную выдержку, такъ какъ она наиболѣе наглядно показываетъ, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ А. Гарнакъ обсуждаетъ религіозно-нравственную сторону христіанской религіи. Конечно, было бы слишкомъ поспѣшно на основаніи приведенныхъ словъ дѣлать какіе-либо выводы касательно личныхъ религіозныхъ убѣжденій А. Гарнака. Историкъ можетъ и долженъ изучать вопросъ объективно, не примѣшивая къ дѣлу своихъ личныхъ симпатій и антипатій. Если напр. изслѣдующій магометанскую религію, или буддизмъ высказывается одобрительно о той или другой сторонѣ ихъ ученія, отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что онъ самъ магометанинъ, или буддистъ. Но для насъ важны не личные религіозныя воззрѣнія Гарнака, а важны его сужденія о христіанствѣ, какъ принадлежащія выдающемуся ученому нашего времени, прекрасно изучившему христіанство,—и основанныя на историческихъ фактахъ, не подлежащихъ сомнѣнію. Если историкъ и дѣйствительно обсуждаетъ вопросъ помимо всякихъ личныхъ тенденцій, то это придаетъ его выводамъ, какъ опирающимся на совершенно объективнымъ даннымъ, еще большую научную цѣнность. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что изучаемый предметъ своимъ величіемъ производитъ нѣкоторое непреодолимое дѣйствіе на мысль автора, и онъ начинаетъ говорить о немъ съ нескрываемой симпатіей.

¹⁾ См. 105—108.

Въ пятой главѣ А. Гарнакъ разсматриваетъ христіанство, какъ „религію авторитета и разума, таинствъ и трансцендентальнаго познанія“. Здѣсь, между прочимъ, идетъ рѣчь объ отношеніи христіанства къ наукѣ и познанію (религія разума). Въ такихъ словахъ А. Гарнакъ характеризуетъ впечатлѣніе, произведенное христіанствомъ на первыхъ вѣрующихъ: „Мы изъ тьмы возвратились къ свѣту!—Эго былъ радостный крикъ христіанства въ тѣ первые вѣка. Какъ тяжелая ночь, казался имъ политеизмъ; теперь же она прошла: ясное солнце стояло на небѣ! Куда бы они ни оглядывались, они все воспринимали въ духовномъ монотеизмѣ, въ живой божественной ясности и очевидности. Читайте первое посланіе Климента, или введеніе къ Климентовой проповѣди, письмо ап. Варнавы, послушайте апологетовъ, Климента Александрійскаго и Оригева,—и вы убѣдитесь въ этомъ. Простирали-ли они свой взоръ на природу, они услаждались наблюдаемому въ ней законообразному единству движенія: небо и земля были для нихъ свидѣтелями единства и всемогущества Божія. Всмотривались-ли они въ природу и свойства человѣка, они созерцали въ немъ черты Творца. Въ разумѣ и свободѣ человѣка они восхваляли неисчислимыя блага Его. Они сравнивали Божественное Откровеніе съ этимъ разумомъ и свободой,—и вотъ все стоитъ въ гармоничномъ согласіи! Ничто не возложено на человѣка, чего бы ранѣе не было въ немъ самомъ, ни открыто ничего такого, чего уже ранѣе не заключалось бы въ его внутреннемъ существѣ. Они взирали на Христа, и какъ бы чешуя спадала съ главъ ихъ: въ Немъ дѣйствовалъ Логось, тотъ Логось, которымъ созданъ міръ, съ которымъ таинственными узами неразрывно связана духовная часть человѣка, который проявлялъ себя въ исторіи во всемъ добромъ и благородномъ и наконецъ открылся въ своей полной силѣ, чтобы уничтожить всѣ препятствія и затрудненія, въ какія поставленъ былъ человѣкъ, созданный столь сильнымъ и въ то же время слабымъ существомъ. Вдумывались они въ ходъ исторіи,—въ начало, средину и конецъ ея,—и вотъ все соединяется въ одинъ непрерывный подъемъ, въ одно величественное заключеніе. Созданная свобода подпала возмущенію, по постепенно она была побѣждена силою Логоса—Христа; въ началѣ исторіи

стояло дѣтское человѣчество, полное благихъ, божественныхъ задатковъ, но еще не испытанное, доступное искушенію; на концѣ исторіи стоитъ совершенствующееся человѣчество, достойное получить безсмертіе. Разумъ, свобода и безсмертное существо смѣнили собой заблужденіе, нужду и погибель. Таково было христіанство многихъ,—свѣтлый, радостный фактъ, ученіе чистаго разума. Не бременемъ для разума было оно, а освобожденіемъ. Не чуждое что-либо оно предлагало разуму, но выясняло его же собственное, только затемненное, содержаніе. *Христіанство есть Божественное Откровеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чистый разумъ, истинная философія*¹⁾.

Съ совершенно оригинальными, неизвѣстными доселѣ явленіями изъ области религіознаго сознанія древнихъ христіанъ знакомить насъ отдѣлъ изслѣдованія Гарвака, озаглавленный: „благовѣстіе о новомъ народѣ и третьемъ родѣ (историческое и политическое сознаніе древнихъ христіанъ)“. Можно только удивляться, какъ такой важный для самосознанія христіанъ фактъ и притомъ засвидѣтельствованный многочисленными показаніями древнихъ писателей не только христіанскихъ, но и языческихъ, до сихъ поръ почти не обратилъ на себя вниманія церковныхъ историковъ. Въ виду интересности отдѣла мы изложимъ вкратцѣ главныя его мысли. Уже съ самаго начала Евангеліе возвѣщалось, какъ совершенное іудейство, какъ новая религія и вмѣстѣ съ тѣмъ старая и приведенная къ своему первоначальному виду перворелигія. Будучи убѣждены, что Іисусъ Христосъ есть обѣщанный Мессія, долженствующій возвратиться, чтобы завершить Свое дѣло, первые вѣрующіе скоро пришли къ сознанію, что быть ученикомъ Его значитъ быть Его народомъ. Уже въ 1 Петр. II, 9 значится: „вы родъ избранный, царство священное, народъ святой, люди (λαός) взятые въ удѣлъ“. Сознавши себя народомъ, христіане, естественно, должны были противопоставить себя въ качествѣ особаго народа не только іудеямъ, но и язычникамъ, и такимъ образомъ обозначить себя, какъ „третій народъ“. Наименованіе христіанъ „третьимъ народомъ“ часто встрѣчается какъ въ христіанскихъ, такъ и языческихъ источникахъ. Основаніемъ для этого дѣленія всего человѣчества на три части прежде

¹⁾ Ср. 186, 187.

всего служить характеръ богослуженія. Уже Самъ Христосъ говорилъ: „когда не на этой горѣ (горѣ самарянъ, являющихся здѣсь представителями язычества), но въ Иерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, потому что спасеніе отъ іудеевъ, но настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ (4, 21)“. Здѣсь въ первый разъ указываются три точки зрѣнія, на какія дѣйствительно могутъ быть раздѣлены народы въ отношеніи къ богочитанію: „незнаніе“ Божества и ложное внѣшнее богочитаніе (язычество, самаряне), правильное богопознаніе, но ложное внѣшнее богочитаніе (іудейство), правильное богопознаніе и правильное внутреннее богочитаніе (христіанство). „Мы народъ третій, потому что чтимъ Бога (не какъ эллины и іудеи) служеніемъ новымъ“,— часто встрѣчается въ памятникахъ древней христіанской письменности. Но сознавая себя новымъ народомъ, христіане вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали себя „истиннымъ Израилемъ“ и народомъ „древнимъ“, обладающимъ первоначальнымъ, теперь вновь восстановленнымъ, истиннымъ богочитаніемъ.

Дѣлая общую оцѣнку этого явленія, А. Гарнакъ пишетъ: „это убѣжденіе быть народомъ тотчасъ же дало исповѣдникамъ новой религіи политически-историческое сознаніе, и притомъ всеобъемлющее, совершеннѣйшее и полное глубокаго смысла, какое только можно представить себѣ. Можно-ли вообразить себѣ что-либо болѣе высокое и богатое содержаніемъ, чѣмъ этотъ комплексъ моментовъ, заключающихся въ самооцѣнкѣ „истинный Израиль“, „новый народъ“, „первоначальный народъ“, „народъ будущаго, т. е. вѣчности“? Эта самооцѣнка обезпечивала имъ прочное положеніе противъ всѣхъ упрековъ и изворотовъ полемики и помогала имъ преуспѣвать на всѣхъ линіяхъ побѣдоносной борьбы. Упрекали-ли ихъ: „вы отпавшіе іудеи“,—они отвѣчали: „мы общество Мессіи, истинные израильтяне“, называли-ли ихъ: „вы ничто иное, какъ іудеи“, возраженіе было готово: „мы новое твореніе, новый народъ“. Обвиняли-ли ихъ въ новшествахъ, въ томъ, что они существуютъ со вчерашняго дня, оправданіе было легко: „мы только видимому новый народъ; скрытно мы существовали изъ начала и предшествовали всѣмъ народамъ; мы первонародъ Божій“.

Говорили имъ: „вы недостойны оставаться въ живыхъ,“—отвѣтъ звучалъ: мы готовы умереть, чтобы жить: мы граждане будущаго міра и увѣрены въ воскресеніи“ ¹⁾).

Сознаніе быть народомъ и притомъ первобытнымъ и вмѣстѣ новымъ не оставалось только абстрактнымъ и бесплоднымъ. Христіане примѣнили его къ практикѣ и доказывали о себѣ, что „нашъ народъ древнѣе, чѣмъ міръ, что міръ созданъ ради насъ, что ради насъ онъ продолжаетъ свое существованіе,—мы задерживаемъ судъ надъ міромъ“ и т. д. Но среди тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, въ какихъ находились тогда христіане, претерпѣвая почти постоянныя гоненія со стороны государства, любопытно, что, несмотря на эти гоненія, они утверждали, что благосостояніе самого государства, его благо и сила обуславливаются покровительствомъ христіанству, что только христіане удерживаютъ его отъ окончательной гибели. Особенно подробно раскрылъ эту мысль Мелитонъ въ своей апологій къ императору Марку Аврелію. Съ недоумѣніемъ останавливается историкъ предъ этимъ заявленіемъ апологета: какъ онъ могъ тогда еще ничтожному по числу народу христіанъ усвоить, ради только религій, т. е. трансцендентальнаго блага, силу охранять государство! Впрочемъ, поводовъ къ подобнымъ восклицаніямъ христіанство даетъ А. Гарнаку еще нѣсколько ²⁾).

Любопытно сужденіе А. Гарнака о Ветхомъ Заветѣ: „какое другое религіозное общество могло указать подобную книгу! Какъ мощно было и оставалось впечатлѣніе у образованныхъ и необразованныхъ грековъ послѣ того, какъ они ознакомились съ ней. Правда, кое—что и, пожалуй, многое въ ней могло казаться страннымъ и соблазнительнымъ, однако то, что въ ней поучало и одушевляло, вполне вознаграждало за это. Уже одинъ только высокій возрастъ, простиравшійся на тысячелѣтія, свидѣтельствовалъ за непреходящее достоинство ея, но то, что читали въ ней, представлялось отчасти какъ міръ тайнъ, отчасти какъ компендіумъ глубочайшей мудрости. Благодаря неисчерпаемому богатству своего содержанія, разнообразію, многосторонности и подробности, она обрисовывалась какъ нѣкоторый литературный космосъ, второе твореніе, двойникъ его.

¹⁾ Ss. 177—178.

²⁾ Ss. 198—194.

Въ этомъ состояло самое сильнѣйшее впечатлѣніе, производимое ей; что эта книга и міровое цѣлое совпадаютъ и подлежатъ одинаковому сужденію, въ томъ согласны были все греки, такъ или иначе соприкасавшіеся съ Вѣтхимъ Заветомъ. Какъ бы ни были разнообразны мысли гностиковъ и маркіонитовъ объ этой книгѣ, но и они признавали несомнѣннымъ, что она представляетъ собою явленіе, параллельное творенію міра, и что объ величины сводятся къ одному и тому же виновнику, а люди церковные въ этомъ богѣ признавали Самого высочайшаго Бога. О какой другой книгѣ во всей исторіи высказывались когда-либо подобныя сужденія со стороны мыслящихъ людей? ¹⁾...

Приведемъ еще одно мѣсто, наиболѣе ярко обрисовывающее отношеніе А. Гарнака къ христіанской религіи. Заканчивая часть своего изслѣдованія, посвященнаго изученію религіозно-нравственныхъ основъ христіанства и значенія ихъ для миссіи, Гарнакъ такъ резюмируетъ свои окончательные выводы: „Съ какимъ богатствомъ, съ какою полнотою отношеній выступила христіанская религія уже въ самомъ раннѣйшемъ своемъ началѣ! И каждый пунктъ ея, казалось, хотѣлъ быть главнымъ, составлять собой цѣлое. Она есть проповѣдь о Богѣ Отцѣ Вседержителѣ, о Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ и о воскресеніи. Она—евангеліе объ исцѣлителѣ и исцѣленіи. Она—благовѣстіе о любви и благотвореніи. Она есть религія духа и силы, нравственной строгости и святости. Она есть религія авторитета и безусловной вѣры и въ то же время религія разума и яснаго познанія и, наконецъ, религія таинствъ. Она есть благовѣстіе о появленіи совершенно новаго народа, скрытаго, существовавшаго отъ начала вещей. Она—религія святой книги. Она въ полнотѣ содержала въ себѣ все, что только можно разумѣть надъ именемъ религіи. Здѣсь она проявляетъ себя какъ синкретизмъ, но, очевидно, какъ синкретизмъ особаго рода: это есть синкретизмъ универсальной религіи. Она овладѣла всѣми силами и всѣми отношеніями и поставила ихъ на службу себѣ. Какъ бѣдны, какъ немощны, какъ ограниченны кажутся все другія религіи на ряду съ нею!... Грѣхъ и грязь она всегда отталкивала отъ себя и со-

¹⁾ S. 204.

видала свое собственное зданіе изъ всего, что еще было способно къ жизни; внѣ ея оно разрушалось, въ ней сохранялось. Но какъ ни многое включала въ себя эта религія, все-же все ея содержаніе всегда можно свести къ одному простому выраженію, къ *одному* имени, имени Іисуса Христа“ ¹⁾!

Приведенныя извлеченія, число которыхъ можно увеличить, достаточно ясно знакомятъ съ основнымъ характеромъ и направленіемъ разсматриваемаго труда А. Гарнака. Поставивъ своей задачей объяснить быстрый успѣхъ христіанской проповѣди изъ внутреннихъ особенностей самой христіанской религіи, онъ блестяще осуществилъ эту задачу въ рядѣ отдѣльныхъ заключительныхъ очерковъ, посвященныхъ обзорѣннѣю различныхъ сторонъ христіанскаго ученія и жизни его первыхъ исповѣдниковъ. И для этого не требовалось никакихъ искусственныхъ натяжекъ. Высота и несравнимость религіозно-нравственнаго ученія христіанства, идеальныя черты жизни его первыхъ послѣдователей, сознаніе ими своего мірового назначенія, готовность пожертвовать жизнью за свои убѣжденія—все это, многократно засвидѣтельствованное древними литературными памятниками, давало собою обширный матеріалъ, которымъ А. Гарнакъ искусно воспользовался для того, чтобы нарисовать живѣе, одухотвореннѣе, картины первоначальнаго прошлаго христіанства. Не говоря о научной цѣнности, которая несомнѣнна, новое изслѣдованіе Берлинскаго церковнаго историка въ такой яркости выставляющее оригинальность и величіе христіанской религіи въ ея принципахъ и историческомъ выраженіи, является *лучшей апологіей христіанства*, тѣмъ болѣе убѣдительною, что она опирается не на какихъ-либо теоретическихъ соображеніяхъ, но на массу историческихъ фактовъ, спорить противъ которыхъ невозможно.

Русская церковно-историческая литература небогата переводными сочиненіями. Наиболѣе посчастливилось у насъ Фаррару. Изъ нѣмецкихъ церковныхъ историковъ переведенъ, кажется, только одинъ Газе. Не трудно указать причины этого недостатка переводныхъ сочиненій съ нѣмецкаго языка. На-

¹⁾ Ss. 225, 226.

ибольше выдающіеся труды по исторіи христіанства теперь выходятъ изъ либеральнаго лагеря, и главнымъ образомъ изъ школы А. Гарнака, которые, по понятнымъ соображеніямъ, не могутъ быть переведены на русскій языкъ. Разсмотрѣнное сейчасъ изслѣдованіе этого ученаго представляетъ собой счастливое исключеніе изъ этого правила ¹⁾, объясняемое характе-

1) Къ чести протестантской церковно-исторической науки либеральнаго направленія нужно сказать, что представители ея ведутъ дѣло замѣчательно добросовѣстно и охотно капитулируютъ предъ фактами, разъ очевидность ихъ доказана. Въ этомъ отношеніи въ настоящее время можно констатировать важный переворотъ въ области изученія начальной исторіи христіанства, совершившійся къ концу прошлаго столѣтія. Значеніе этого переворота всего лучше охарактеризовано самимъ Гарнакомъ въ первомъ томѣ второй части его обширнаго труда „Исторія древнехристіанской литературы до Евсевія“, вышедшей въ 1897 г. „Было время,—пишетъ онъ,—для большой публики оно еще не окончилось, когда въ древнѣйшей христіанской литературѣ, включая и Новый Заветъ, ничего не видѣли кромѣ сплетенія басенъ и искаженій. Это время прошло. Для науки оно было эпизодомъ, въ которомъ она многому научилась и послѣ котораго она многое должна забыть. Древнѣйшая церковная литература, разсматриваемая литературно-исторически, въ главныхъ своихъ пунктахъ и въ большинствѣ частныхъ правдива и заслуживаетъ довѣрія. Во семь Новомъ Заветѣ можно указать только единственное сочиненіе, которое можно назвать псевдонимомъ въ точномъ смыслѣ слова, это второе посланіе Петра,—и если оставить въ сторонѣ поддѣлки гностиковъ, число псевдонимныхъ церковныхъ сочиненій до Иринея не велико и легко можетъ быть перечислено. Бауръ и его школа думали нѣкогда дасть болѣе разумный и достовѣрный образъ древнѣйшаго христіанства тѣмъ путемъ, что для большей части древне-христіанской литературы они отвергали самосвидѣтельство сочиненій и показанія традиціи, и время ихъ происхожденія растягивали на многія столѣтія. Предположенія Бауровской школы,—теперь это можно смѣло сказать,—всеми оставлены. Въ критикѣ источниковъ древнѣйшаго христіанства мы находимся въ обратномъ (реакціонерномъ) движеніи къ традиціи, и я не стѣжусь употребить это слово, потому что вещи пужло называть своими именами.. Приводятъ время, и оно уже наступаетъ, когда гораздо менѣе нужно будетъ заботиться о разрѣшеніи литературно-историческихъ проблемъ въ области перво-христіанства, такъ какъ все, что вообще можно сдѣлать здѣсь, достигнуто полнымъ признаніемъ,—именно существенное право традиціи, не считая немногихъ неважныхъ исключеній. Все убѣдятся, что отчасти предъ разрушеніемъ Іерусалима, отчасти по времена Трояна (первые годы второго столѣтія) уже существовали на лицо всѣ основоположительныя начала христіанскихъ традицій, ученій, возвышеній и даже порядковъ... Кто читаетъ первое посланіе Климента къ коринтянамъ и письма Игнатія, тотъ не можетъ не замѣтить, какаѣ полнота традицій, ученій, возвышеній, организація и проч. уже существовала ко времени Трояна и прочю установилась въ отдѣльныхъ общинахъ“ (А. Harnack, Geschichte d. altchristlichen Literatur bis Eusebius, 2 Th. 1 Bd. Leipzig, 1897. Vorrede, s. 8—11). Въ частности, всѣ три первыхъ евангелія въ этомъ изслѣдованіи признаны подлинными произведеніями тѣхъ лицъ, имена которыхъ они носятъ

ромъ темы. Благодаря любезности редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ оно будетъ предложено въ рядѣ отдѣльныхъ статей читателямъ его, которымъ, надѣмся, оно доставитъ не только научное, но и религіозно-нравственное удовлетвореніе. Но и оно появится не въ цѣломъ видѣ. Во-первыхъ, изъ него исключена большая половина его (230—540 стр.), трактующая о численности христіанскаго населенія къ началу IV вѣка. По массѣ собраннаго здѣсь свѣдѣній и по обширности привлеченнаго къ дѣлу историческаго матеріала оно представляетъ собой несомнѣнное научное приобрѣтеніе, но по спеціальности своего содержанія оно можетъ интересовать собой только записныхъ ученыхъ. Во-вторыхъ, и въ первой половинѣ пришлось опустить двѣ главы: несмотря на ясныя свѣдѣтельства евангелій, Гарнакъ утверждаетъ, что Самъ Иисусъ Христосъ ограничивалъ Свою проповѣдь лишь предѣлами іудейства и не предназначалъ ее для не—іудеевъ; отсюда у него возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ ученики Христа пришли къ мысли обратиться съ евангельскимъ благовѣстіемъ къ язычникамъ? Переводъ этихъ двухъ главъ потребовалъ бы слишкомъ много спеціальныхъ критическихъ замѣчаній, которыя могутъ имѣть интересъ только для немногихъ. Мы сочли за лучшее совсѣмъ опустить этотъ отдѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ не стоитъ во связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ.

Проф. А. Спасскій.

въ надписаніи, хотя не во всѣхъ частностяхъ, при чемъ время ихъ происхожденія опредѣляется 75—80 гг. перваго столѣтія. Что касается до евангелія отъ Іоанна, то вопросъ о немъ не пришелъ еще къ окончательному рѣшенію. Гарнакъ отвергалъ принадлежность его ап. Іоанну, хотя и находить въ немъ слѣды живыхъ впечатлѣній отъ личности и ученія Христа, другіе, какъ напр. Ричль, не видятъ основаній отрицать его подлинность, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, они должны были не позже перваго десятилѣтія втораго вѣка, такъ какъ Игнатій аятіохійскій († 110) широко пользуется ими. Столь же существенная поправка внесена и въ дошедшую съ именемъ ап. Павла литературу. Кромѣ такъ называемыхъ *επιστολῶν* т. е. посланій къ Галатамъ, 2 хъ къ Коринѳянамъ и къ Римлянамъ, въ подлинности которыхъ не сомнѣвался и Вауръ, авторскія права ап. Павла окончательно возстановлены въ отношеніи къ посланіямъ къ Солунянамъ, Колоссянамъ, Филиппійцамъ и Филимону, а отчасти и въ отношеніи къ посланію къ Ефессянамъ, втораго къ Тимошею и посланія къ Титу (Тамъ же).

Наказаніе, какъ осуществленіе справедливости.

Идея возмездья въ настоящее время часто признается устарѣлой, противонаравственной и жестокой. Когда, напримѣръ, поднимается вопросъ о наказаніи преступниковъ, то постоянно приходится слышать, что вложеніе на виновнаго той или другой кары совершенно безцѣльно, разъ ею не можетъ быть достигнуто его исправленіе. Наказаніе, говорятъ, только тогда нравственно позволительно, когда оно полезно для самого преступника. Причинять человѣку страданія ради какого-то отвлеченнаго принципа справедливости, значитъ живую человѣческую личность приносить въ жертву фикціи и руководствоваться идеею, свойственною развѣ лишь восточнымъ деспотамъ. Какъ часто приходится слышать въ судахъ отъ адвокатовъ и встрѣчать въ печати такія разсужденія: наказаніе за убійство не вернетъ жизни умершему, а между тѣмъ оно сдѣлаетъ несчастнымъ преступника. Зачѣмъ же исправлять зло причиненіемъ новаго зла, зачѣмъ губить человѣка, если это никому не нужно и совершенно бесполезно? Подобныхъ взглядовъ держится, напримѣръ, у насъ въ Россіи извѣстный философъ-публицистъ Владиміръ Соловьевъ. Абсолютная теорія преступленія и наказанія, говоритъ онъ, которую мы назовемъ *варварскою*, представляетъ одну изъ самыхъ удивительныхъ диковинокъ въ богатой кунсткамерѣ человѣческихъ заблужденій. Поразительно въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь нелѣпое положеніе (что злая воля даннаго отдѣльнаго лица или эмпирическаго субъекта есть полная причина cadaго отдѣльнаго преступленія) опирается на сугубо нелѣпомъ предположеніи (о безусловной свободѣ выбора) и затѣмъ отсюда дѣлается еще

болѣе недѣльный выводъ о наказаніи, какъ равномерномъ воздаяніи (Собр. соч. Соловьева, т. VII стр. 526. С.-П.-Б. 1903 годъ).

Отстаивать моральное значеніе за идеей возмездья какими-либо логическими доводами весьма трудно. Въ области этики, въ рѣшеніи вопросовъ о томъ, что хорошо и что дурно, въ концѣ концовъ приходится апеллировать къ нравственному сознанию человѣчества. А это сознание, вопреки мнѣнію современныхъ криминалистовъ и публицистовъ либеральнаго направленія, всегда утверждало, что причиненіе страданій виновному имѣетъ смыслъ не только тогда, когда отъ этого произойдетъ польза для него самого или для общества. Если бы даже мы навѣрное знали, что уголовныя кары нисколько не станутъ способствовать предупрежденію преступленій и исправленію преступниковъ, мы тѣмъ не менѣе обязаны были бы ихъ желать и требовать. Держаться иной точки зрѣнія, значитъ становится на почву утилитаризма и объявлять верховнымъ принципомъ морали общественную пользу. А между тѣмъ, какъ замѣчаетъ С. Франкъ, „существуетъ цѣлый рядъ импульсовъ, не направленныхъ ни на собственное благо, ни на благо ближнихъ, и тѣмъ не менѣе, обладающихъ безспорною моральною цѣнностью... Фактически мы объективно заинтересованы въ осуществленіи или неосуществленіи извѣстныхъ событій и состояній и притомъ внѣ всякаго отношенія къ ихъ послѣдствіямъ, затрогивающимъ какого-либо субъекта. Намъ нужно, чтобы въ мірѣ царила гармонія, чтобы въ немъ воплотились извѣстныя идеи, чтобы осуществилось что-либо цѣнное, и мы чувствуемъ потребность содѣйствовать этому, отнюдь не задаваясь вопросомъ, полезно или пріятно это какой-либо личности, какому либо миѣ или тебѣ“. (Проблемы идеализма, Москва, 1903 г. стр. 163-164). Точно также совершенно объективно мы заинтересованы въ томъ, чтобы въ мірѣ осуществлялась справедливость, чтобы добро и зло сопровождалось: первое блаженствомъ, а второе страданіемъ. Мы испытываемъ чувство досады, когда видимъ, что злодѣй остается безнаказаннымъ, и наоборотъ, получаемъ удовлетвореніе, когда гнусное преступленіе влечетъ за собою наказа-

ніе. Особенно это замѣтно при чтеніи романовъ или въ театрѣ, когда мы лично вовсе не заинтересованы въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ и, тѣмъ не менѣе, испытываемъ сильное желаніе, чтобы въ концѣ концовъ порокъ былъ наказанъ, а добродѣтель награждена. Съ точки зрѣнія, не признающей морально необходимой связи между зломъ и страданіемъ, нельзя желать такой же гармоніи между добродѣтелью и счастьемъ. Намъ предстоитъ выбрать одно изъ двухъ: или вообще признать желательнымъ соотвѣтствіе между нравственнымъ состояніемъ человѣка и степенью его счастья и въ такомъ случаѣ мы должны желать, чтобы зло сопровождалось страданіемъ, или такое соотвѣтствіе не считать должнымъ, и въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ права желать, чтобы добродѣтельнѣйшій изъ людей пользовался большимъ блаженствомъ, чѣмъ закоренѣлый злодѣй. Въ мышленіи надобно быть послѣдовательнымъ и, принимая посылки, нельзя отказываться отъ выводовъ. А выводы изъ мысли о нежелательности соотвѣтствія между добродѣтелью и счастьемъ и равномъ правѣ на послѣднее святого и негодая должны получиться самые печальные и возмутительные для нашего нравственнаго чувства. Въ такомъ случаѣ окажутся бессмысленными многія благороднѣйшія наши стремленія и дѣйствія. Видя, что извѣстный злодѣй или ничего недѣлающій тунеядецъ живетъ въ роскоши и довольствѣ, мы не имѣемъ права даже мысленно пожелать, чтобы онъ лишился тѣхъ благъ, которыми пользуется совершенно незаслуженно и которыя могли бы быть отданы другимъ болѣе достойнымъ.

Если мы обратимся къ жизни, то увидимъ, что какъ представители правосудія при постановленіи приговоровъ, такъ и общество въ сужденіяхъ о тѣхъ или другихъ опредѣленіяхъ судебной власти руководствуются принципомъ справедливости въ гораздо большей степени, чѣмъ соображеніями о пользѣ наказанія для самого преступника или даже для общества. Такъ, на примѣръ, сила мотива къ тому или другому преступленію служитъ обычно основаніемъ къ уменьшенію наказанія, хотя бы въ цѣляхъ огражденія общественной безопасности слѣдовало въ этомъ случаѣ увеличивать его, чтобы интенсив-

ности побужденія къ тому или другому поступку противопоставить столь же сильный контрмотивъ къ нему. Очевидно, что въ данномъ случаѣ руководятся исключительно соображеніемъ справедливости, именно тѣмъ, что сила мотива уменьшаетъ степень свободы, а слѣдовательно, и отвѣтственности. При изслѣдованіи мотивовъ преступленія обычно стараются выяснить степень сознательности и свободы дѣйствія. Это было бы совершенно излишне, еслибы въ основѣ карательной системы лежалъ не принципъ справедливости, а какой либо другой. При желаніи уголовными карами достигать лишь цѣлей исправленія в общественной пользы вѣтъ никакой нужды задаваться вопросомъ о свободѣ или несвободѣ личности въ моментъ самоопредѣленія ея къ тому или другому дѣйствію. Ввести въ цѣль мотивовъ, съ необходимостью опредѣляющихъ наше поведение, страхъ наказанія, было бы полезно и въ томъ случаѣ, еслибы не существовало никакой свободы, какъ признается полезнымъ бить палкою собаку или кошку въ цѣляхъ ихъ дрессировки.

Считать безнравственнымъ наказаніе преступниковъ можно только съ точки зрѣнія, не признающей свободы воли, и слѣдовательно, отвѣтственности. Если человѣкъ не есть причина своихъ собственныхъ дѣйствій, если все хорошее и дурное въ немъ не его, а навязано ему отнѣ, является слѣдствіемъ стороннихъ, принудительно дѣйствующихъ на него факторовъ, то, конечно, было бы безнравственно и несправедливо желать его наказанія за моральную испорченность. Вѣдь съ точки зрѣнія детерминизма добродѣтели не существуетъ, и въ нравственномъ отношеніи негодяй нисколько не хуже героя. Последний только лучшее произведеніе природы, но и первый есть порожденіе тойже природы. Между ними такая же разница, какъ между брилліантомъ и комкомъ грязи, по, конечно, мы не сочли бы справедливымъ топтать этотъ комокъ за то, что онъ не брилліантъ, если бы онъ на минуту сдѣлался сознательнымъ и способнымъ чувствовать страданія. Если мы окружаемъ нѣжнымъ уходомъ прекрасныя дорогіе цвѣты и бросаемъ въ помойную яму гнилыя картошки или съ отвращеніемъ отвертываемся отъ паразитовъ, то мы признаемъ это справедливымъ только потому, что это *вещи*, не сознающія

того или другого къ нимъ отношенія, не способныя испытывать оскорбленія и страданія.

Для того, чтобы идея возмездья имѣла нравственный смыслъ, вовсе не нужно, чтобы свобода человѣка была безусловною. Для оправданія вмѣненія достаточно и того, что ему во всякій моментъ присуще сознание возможности поступить такъ и иначе, выбрать добро и зло. Убѣжденіе въ этомъ Соловьевъ неосновательно называетъ нелѣпымъ, забывая, что оно составляетъ неустранимый фактъ сознанія, самую дорогую нравственную истину и основу всей этики. По словамъ преосвященнаго Антонія (Храповицкаго), и сознаніе свободы составляетъ необходимое условіе нравственной жизни и входитъ непосредственно во всѣ нравственныя интуиціи. Она есть та красная нить, которая связываетъ въ одно цѣлое всю нравственную область и отличаетъ ее отъ всякой другого рода дѣятельности, именно, какъ нравственную. По этому можно смѣло сказать за Ушинскимъ, что идея свободы такъ-же необходима для нравственной жизни, какъ воздухъ для дыханія, (Псих. данныя въ пользу своб. воли. С. П. Б. 1888 г. стр. 114). Соловьевъ совершенно игнорируетъ также то, что защитниками свободы были могучіе умы, и что если противъ нея существуютъ сильныя логическіе доводы, то за нее говоритъ непосредственное свидѣтельство всего человѣческаго существа. И если человѣкъ будетъ имѣть противъ свободы доказательства ясныя, какъ солнце, то и тогда онъ отвергнетъ не свободу, а это доказательство, ибо свобода неотдѣлима отъ нравственнаго добра, а реальность послѣдняго, какъ говоритъ Секретанъ, яснѣе солнца, то есть, чувственныхъ воспріятій (Ibid стр. 116).

Современное правосудіе, карая злую волю преступника, стоитъ, по Соловьеву, на той же самой наивной точкѣ зрѣнія, на которой стояли средневѣковые дикари, когда судили и казнили животныхъ, и на которой стоитъ ребенокъ, когда бьетъ скамейку, о которую онъ ушибся. Въ извѣстномъ смыслѣ и до извѣстной степени и дикарь, и младенецъ, конечно, правы: вѣдь корова, забодавшая человѣка, была причиною этого несчастія, она сама его бодала, конечно; это ея дѣло; точно также деревянная скамейка есть причина ушиба: твердость,

жесткость и неуступчивость суть собственные свойства дерева, изъ котораго она сдѣлана, и не стой она здѣсь, ушиба не произошло бы. Заблужденіе дикаря и младенца состоитъ только въ томъ, что частную причину или, что тоже, часть причины они принимаютъ за цѣлую и хотятъ воздѣйствовать на нее въ этомъ смыслѣ. Но не раздѣляютъ ли этого заблужденія защитники абсолютной уголовной теоріи? Какова бы ни была вообще разница между личной человѣческой волей, съ одной стороны, и стремленіемъ животнаго или физическими силами-съ другой, но въ томъ отношеніи, о которомъ идетъ рѣчь, между ними никакой существенной разницы быть не можетъ: человѣческая воля такъ-же, какъ и тѣ силы, есть причина обусловленныхъ явленій и также, какъ онѣ, она не есть *единственная* вполне достаточная и безусловная причина происходящихъ посредствомъ нея событій (Собр. соч. т. VII стр. 527).

Мы видѣли, что здѣсь Соловьевъ стоитъ на чисто детерминистической точкѣ зрѣнія и игнорируетъ свободу воли, какъ способность отъ себя производить рядъ измѣненій, вносить нѣчто новое въ міръ какъ силу самопочина. По его мнѣнію, преступникъ такъ-же виновенъ въ преступленіи, какъ скамейка въ томъ, что она ушибла ребенка. Но вѣдь скамейка есть *безсознательная* и *невольная* причина ушиба, тогда какъ человекъ *свободно* совершаетъ извѣстное дѣйствіе. Злодѣй признается заслуживающимъ наказанія не потому только, что это онъ, а не другой кто-либо, убилъ или причинилъ поврежденіе, а потому еще, что онъ сдѣлалъ это въ то время, когда могъ и не сдѣлать. Основаніемъ вѣняемости является, слѣдовательно, не простая принадлежность извѣстнаго дѣйствія субъекту, а именно его личный свободный характеръ. Ребенокъ, душевно больной или дѣйствующій подъ вліяніемъ внѣшняго принужденія также сами являются причиной извѣстнаго дѣйствія и, однако, никто не считаетъ справедливымъ карать ихъ. Корова, забодавшая человека, не могла не забодать его при наличности данныхъ условій, тогда какъ злой человекъ могъ не совершить извѣстнаго факта, еслибы не захотѣлъ этого. Вся совокупность мотивовъ лишь до извѣстной степени опредѣляла

его волю, и еслибы къ ней не присоединилось личнаго хотѣнія, дѣйствіе не совершилось бы или совершилось бы иначе. Отвергнувъ свободу воли въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ самъ Соловьевъ долженъ былъ сознаться, что „преступникъ есть человѣкъ, сознательно уклоняющійся на дѣлѣ отъ минимальныхъ требованій добраго поведенія, установленныхъ въ законѣ ради безопасности человѣческаго общежитія. Данная психофизическая организація, соціальныя условія и житейскія обстоятельства могутъ только предрасполагать къ преступленію, но *настоящая причина*, какъ доказывается фактомъ совѣсти и раскаянія, есть *собственная рѣшимость человека*“ (т. VII стр. 580).

По мнѣнію Соловьева, съ точки зрѣнія, признающей свободу воли, нѣтъ субъекта отвѣтственности. „Кто собственно виноватъ и кого судить“ спрашиваетъ онъ. „Самую волю, но за что же, когда ея содержаніе невѣдомо и безпредѣльно, и на одинъ дурной сюрпризъ, изъ нея выскочившій, можетъ быть, въ ней найдется безконечное число самыхъ превосходныхъ? Или же самый этотъ неожиданный поступокъ? Но вѣдь онъ, по этой теоріи никакой необходимой связи съ произведшей его волей не имѣетъ, она свободна какъ была; этотъ поступокъ выражалъ не ее самое и не что нибудь постоянное въ ней, а только ту минуту, которая его произвела, онъ былъ, и его больше нѣтъ, и судить уже некого“ (Ibid. стр. 528).

Во всѣхъ, подобныхъ приведенному, разсужденіяхъ проглядываетъ ложное понятіе о свободной волѣ, какъ такой, которая ничѣмъ неопредѣляется, ни отъ чего не зависитъ, не подлежитъ никакимъ законамъ, но дѣйствуетъ подобно вихрю, какъ придется, по одной случайности. Если бы это было такъ, тогда, конечно, отдѣльное дѣйствіе человѣка не стояло бы въ связи съ его личностью и природою, не служило бы выраженіемъ внутренней сущности его духа. По словамъ Лопатина, для того, чтобы сознавать себя отвѣтственными, мы вовсе не должны „принисывать себѣ въ каждую данную минуту способность неограниченнаго, безразличнаго *произвола* въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ добра и зла, то, что на философскомъ языкѣ называется *liberum arbitrium indifferentiae*.

Такое признаніе не только психологически нелѣпо, но и

лишено всякаго нравственнаго смысла. Если каждый человекъ въ каждое мгновеніе одинаково способенъ оказаться самымъ отвратительнымъ преступникомъ и высочайшимъ образцемъ добродѣтели, и если не то, ни другое не служитъ никакимъ ручательствомъ за его дальнѣйшее поведеніе, дѣйствія людей совершенно теряютъ моральную цѣну. Они уже не являются показателями человѣческаго достоинства и человѣческаго паденія, въ нихъ все абсолютно случайно и все исчезаетъ вмѣстѣ съ ихъ совершеніемъ" (Теорет. основ. созн. нрав. жизни, Вопр. филоc. и психолог. кн. 5, стр. 38). На самомъ дѣлѣ человѣческая воля опредѣляется мотивами и въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ сильнѣйшему изъ нихъ, но только эти мотивы не имѣютъ безусловно принудительнаго характера, склоняя, но не вынуждая человека поступить такъ или иначе. Ему всегда присуще сознаніе, что какъ бы ни было сильно побужденіе къ извѣстному дѣйствию, онъ можетъ возвыситься надъ нимъ и поступить вопреки ему сообразно съ собственнымъ хотѣніемъ. Отъ него также въ значительной степени зависитъ ослабить или усилить самый мотивъ актомъ внутренняго усилія. По справедливому опредѣленію Чичерина, подъ свободой воли разумѣется небезпричинное хотѣніе, а выборъ между различными мотивами. „Мотивъ, говоритъ онъ, не есть физическая причина, дѣйствующая механическимъ образомъ, а представленіе будущаго, которому могутъ быть противопоставлены другія представленія. Каждое изъ нихъ возбуждаетъ извѣстныя желанія и влеченія; но человекъ, какъ разумное существо, имѣетъ возможность воздерживать свои влеченія, взвѣшивать ихъ послѣдствія и рѣшить на основаніи свободнаго выбора. Въ этомъ, а не въ безпричинномъ хотѣніи, можно полагать свободу воли". (Вопр. фил. и пс. кп. 39 стр. 592)

Виновнымъ въ преступленіи является, конечно, не самый поступокъ (нечего было Соловьеву ставить и вопроса объ этомъ), но не потому, чтобы онъ не имѣлъ никакой связи съ произведшей его волей, а потому, что понятіе виновности и отвѣтственности приложимы только къ личности, а само по себѣ извѣстное дѣйствіе можетъ быть только хорошимъ или дурнымъ. Отвѣтственной и виновной является человѣческая

личность, могущая поступить такъ и иначе, но свободно рѣшившаяся на извѣстное злое дѣло. Между эгимъ поступкомъ и нравственною личностью субъекта существуетъ тѣснѣйшая внутренняя связь. Человѣкъ поступаетъ дурно потому, что его воля восхотѣла этого. А такъ какъ въ своихъ рѣшеніяхъ личность по большей части слѣдуетъ внушеніямъ природы, то испорченность послѣдней, проявившаяся въ данномъ случаѣ, даетъ право предполагать, что человѣкъ и на будущее время станетъ поступать также. Но хотя бы извѣстное дѣйствіе, будучи изолировано отъ общаго направленія жизни человѣка, и не соотвѣтствовало его природѣ, онъ всетаки заслуживалъ бы наказанія. Основаніемъ вмѣспія въ данномъ случаѣ явилось бы то, что извѣстное дѣйствіе могло бы и не произойти, если бы человѣкъ не хотѣлъ этого, и, однако, произошло. Страданіе должно явиться удѣломъ личности за тотъ моментъ злого направленія воли, когда былъ совершенъ какой-нибудь дурной поступокъ. Его противорѣчіе доброй природной организаціи и уклоненіе отъ постояннаго нравственнаго направленія всей жизни уменьшало бы степень ответственности личности лишь въ ея цѣломъ, но еще болѣе увеличивало бы ее по отношенію къ данному преступному моменту, такъ какъ, обладая моральною природою, онъ легко могъ удержаться отъ зла, и если совершилъ его, то проявилъ, слѣдовательно, сильнѣйшее напряженіе воли въ сторону, противоположную добру.

Вопреки мнѣнію Соловьева, мы полагаемъ, что не при допущеніи, а при отрицаніи свободы совершенно уничтожается субъектъ ответственности. Только въ томъ случаѣ, когда извѣстное дѣйствіе человѣка не навязано ему отъиѣ, существуетъ необходимое условіе вмѣненія: тожество дѣйствительнаго виновника совершившагося дѣйствія съ лицомъ, въ этомъ совершеніи обвиняемымъ. Въ противномъ случаѣ этого тожества нѣтъ, такъ какъ тогда настоящая причина дѣйствія не обвиняемое лицо, а тѣ независимыя отъ него причины, которыя явились скрытою причиною извѣтнаго поступка.

Соловьевъ не могъ игнорировать того факта, что люди всегда чувствуютъ себя отвѣтственными за свои поступки. Но, говоритъ онъ, „это сознаніе имѣетъ чисто нравственный харак-

теръ и переносить его въ уголовную юстицію—значить невольнымъ образомъ смѣшивать двѣ области, вмѣсто того, чтобы установить между ними нормальную органическую связь. Совѣсть упрекаетъ человѣка за его нравственную негодность вообще и за всякое проявленіе этой негодности въ частности, но если *это* есть основаніе уголовной отвѣтственности, то человѣка слѣдовало бы казнить всякій разъ, какъ онъ испытываетъ на дѣлѣ свою нравственную негодность, но тогда все человѣчество было бы уже давно переказнено“ (т. VII. стр. 528).

Намъ кажется совершенно непонятнымъ, почему идея возмездья, имѣя смыслъ въ чисто нравственной области, не можетъ быть переносима въ правовую сферу уголовной юстиціи. Вѣдь необходимо признать, что основою правовыхъ нормъ въ концѣ концовъ являются тѣ же нравственные принципы, и что право есть не что иное, какъ *minimum* нравственности. Такъ почему же за то, за что въ нравственной сферѣ самъ человѣкъ считаетъ себя виновнымъ, общество не имѣетъ права признавать виновнымъ другого? Въ нарушеніи права, запрещающаго лишь наиболѣе вредныя и грубыя проявленія злой воли, виновность и отвѣтственность личности выступаютъ еще болѣе ярко, чѣмъ въ нарушеніи чисто нравственныхъ требованій. Основаніемъ того, что человѣкъ считаетъ себя виновнымъ въ области этической, является сознаніе свободы, каковое еще въ большей степени можетъ санкціонировать вмѣненіе въ области права. Одно изъ двухъ; или человѣкъ могъ поступить иначе, чѣмъ какъ онъ поступилъ, и тогда онъ виновенъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ сферѣ какъ юридической, такъ и моральной, или же его поступокъ является необходимымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ, независимыхъ отъ него причинъ, и тогда сознаніе имъ виновности будетъ бессмысленнымъ и совершенно непонятнымъ фактомъ сознанія. Свобода, а слѣдовательно, и отвѣтственность человѣка въ той области внѣшнихъ дѣйствій, которую вѣдаетъ право, гораздо болѣе для насъ ясна и очевидна, чѣмъ въ сферѣ моральной, имѣющей дѣло съ внутренними настроеніями души. Поэтому, если она имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ нравственнаго порядка, то тѣмъ въ боль-

шей степені можетъ находить себѣ примѣненіе въ области юридическихъ отношеній.

Люди признаютъ себя и другихъ ствѣтственными не за всякую испорченность, а только за ту, когорую они считаютъ продуктомъ свободы. Унаслѣдованные отъ природы психическіе недостатки возбуждаютъ въ насъ лишь чувства сожалѣнія, можетъ быть, отвращенія, но не нравственнаго негодованія. Когда же и послѣднее имѣетъ мѣсто, то это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что мы не имѣемъ возможности разграничить сферы свободы и необходимости и предположительно считаемъ человѣка свободно создавшимъ тѣ дурныя свойства, которыя, быть можетъ, являются недостатками природы. Это имѣетъ мѣсто по отношенію какъ къ намъ самимъ, такъ и къ нашимъ ближнимъ. Въ такомъ гипотетическомъ обвиненіи себя и другихъ за испорченность душевной природы инстинктивно сказывается убѣжденіе въ огромномъ значеніи личнаго самоопредѣленія въ дѣлѣ устройства душевной жизни. Человѣкъ сознаетъ, что какую бы силу ни имѣли наслѣдственность и вся совокупность внѣшнихъ факторовъ, всетаки они сами по себѣ не могли бы сдѣлать его дурнымъ, еслибы къ нимъ не присоединилось, хоть въ малой степени, согласія личности, если бы наша свободная воля во всякій моментъ жизни и всѣми силами противодѣйствовала этимъ дурнымъ стороннимъ наслѣженіямъ. Чѣмъ очевиднѣе участие свободы человѣка въ извѣстномъ дѣйствіи, тѣмъ съ большею рѣшительностью мы признаемъ его отвѣтственнымъ. Физическіе недостатки и умственное убожество, какое бы отвращеніе они въ насъ ни возбуждали, не даютъ намъ основанія признавать человѣка виновнымъ и заслуживающимъ кары. Если намъ извѣстно, что преступникъ имѣлъ дурныхъ родителей и предковъ и не получилъ должнаго воспитанія,—это также служитъ основаніемъ къ признанію его меньшей вмѣняемости. Наоборотъ, если мы знаемъ, что извѣстное лицо обладало всѣми данными, чтобы не дѣлать зла, и всетаки его сдѣлало, мы считаемъ его особенно виновнымъ. Внутреннюю нравственную испорченность, которая сравнительно въ меньшей степени зависитъ отъ личнаго самоопредѣленія, общество хотя и порицаетъ, но не ка-

расть, тогда какъ въ области внѣшнихъ дѣйствій, которыя гораздо болѣе зависимы отъ самого человѣка, оно считаетъ справедливымъ примѣнять наказанія. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ фактовъ видно, что основаніемъ отвѣтственности, съ точки зрѣнія общечеловѣческаго сознанія, является не простая испорченность, а именно участие свободной воли въ ея созданіи.

Но всетаки, скажутъ намъ, ограниченность человѣческой свободы является сильнымъ доводомъ противъ нравственнаго характера идеи возмездья. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить степени виновности извѣстнаго лица въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а потому и не имѣемъ права судить объ его поведеніи. Дѣло въ томъ, что характеръ и вся совокупность дѣйствій человѣка обуславливаются не только его свободною волею, но и его природою, то есть, всѣмъ тѣмъ, что получено имъ извнѣ и составляетъ продуктъ наслѣдственности, воспитанія, среды и тому подобныхъ внѣшнихъ факторовъ. Вслѣдствіе этого въ своемъ приговорѣ надъ нимъ мы постоянно рискуемъ впасть въ ошибку и осудить его въ большей степени, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ. Мы считаемъ достойнымъ наказанія какого-нибудь негодая, но, можетъ быть, онъ всю жизнь боролся съ своею дурною природою, а если не боролся, то только потому, что не имѣлъ силъ для этого. Быть можетъ, многія изъ тѣхъ лицъ, которыя намъ представляются лучшими его, обзаны своимъ большимъ совершенствомъ не столько себѣ самимъ, сколько своимъ предкамъ и благопріятнымъ условіямъ воспитанія и жизни. Поэтому въ своемъ желаніи страданія злыхъ мы можемъ оказаться несправедливыми.

Въ основѣ этого возраженія лежитъ вѣрная мысль. Именно вслѣдствіе такой невозможности точно опредѣлить степень виновности человѣка считается общепризнаннымъ моральнымъ требованіемъ въ частной жизни и личныхъ отношеніяхъ возможно снисходительнѣе относиться къ нашимъ ближнимъ, проявлять возможно большую осторожность въ осужденіи кого-либо. Этимъ соображеніемъ въ значительной степени руководствуется и современное уголовное законодательство культурныхъ народовъ. Его отношеніе къ преступникамъ проникнуто гуманностью и снисходительностью. Собственно говоря, ни одно

преступленіе не карается въ настоящее время въ той степени, въ какой бы оно заслуживало, еслибы преступленіе всецѣло обуславливалось волей человѣка. Такія преступленія какъ на примѣръ, убійство, соединенное съ истязаніями, сожженіе нѣсколькихъ человѣкъ, злостный взрывъ рудниковъ, гдѣ были люди, и т. п., не имѣють равнаго себѣ воздаянія. Многія законодательства отмѣнили смертную казнь за убійство. Увѣчья, легкія раны, оскорбленія чести караются лишь кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но было бы не логично изъ факта ограниченности человѣческой свободы дѣлать выводъ о необходимости полной безнаказанности преступниковъ. Даже Соловьевъ, критикуя теорію уголовно-антропологической школы, сознается, что „въ отличіе отъ несчастныхъ случаевъ и отъ психофизическихъ болѣзней, настоящее, *вмѣняемое* преступленіе есть результатъ внутренняго духовнаго процесса, въ которомъ всегда есть хотя одинъ моментъ дѣйствительнаго рѣшенія, т. е., сознательнаго отрѣшенія отъ нравственной нормы, сознательнаго отверженія добрыхъ духовныхъ вліяній и сознательной отдачи себя злымъ влеченіямъ. Только въ этомъ можетъ состоять опредѣленное различіе между преступленіемъ и невропсихозомъ, различіе, которое нехотя допускають и болѣе благоразумные послѣдователи криминальной антропологіи“ (т. VII стр. 580). Наслѣдственность и всѣ внѣшніе факторы вліяють болѣе неотразимо на настроеніе, чѣмъ на внѣшнюю дѣятельность. Послѣдняя, конечно, опредѣляется первымъ, но не безусловно. Какъ бы ни была испорчена природа человѣка, онъ всегда можетъ высится надъ ней и воздержаться отъ извѣстнаго дурнаго дѣйствія даже при наличности влеченія къ нему. Самое настроеніе можетъ быть измѣнено усиліями воли чрезъ систематическое воздержаніе отъ извѣстныхъ внѣшнихъ его проявленій и чрезъ искусственный подборъ представленій. Для испорченнаго человѣка (допустимъ даже, что эта испорченность пріобрѣтена подъ внѣшними, неотразимо дѣйствующими вліяніями), конечно, труднѣе воздержаться отъ того или другаго злого дѣйствія, но не невозможно. Совершенно вѣрно, что преступникъ, быть можетъ, и не совершилъ бы преступленія,

если бы получилъ иное воспитаніе и имѣлъ иныхъ предковъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы, при данномъ состояніи своей природы, онъ необходимо долженъ былъ совершить его. Равнымъ образомъ и человѣкъ, отъ природы моральный и получившій прекрасное воспитаніе, быть можетъ, оказался бы преступникомъ, если бы находился на мѣстѣ перваго; но изъ этого опять не слѣдуетъ, чтобы онъ не заслуживалъ никакого одобренія. И онъ могъ поступить вопреки своей природѣ и, несмотря на ея чистоту, совершить преступленіе. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ былъ бы несравнимо болѣе виновенъ, чѣмъ дурно воспитанный и отъ природы испорченный субъектъ.

Говорятъ, что желаніе возмездья въ нравственномъ отношеніи опасно потому, что оно легко можетъ переходить въ чувства злобы и мстительности или сопровождаться ими. Требуя наказанія виновныхъ будто бы ради осуществленія справедливости, мы можемъ, даже совершенно безсознательно, руководствоваться другими болѣе низменными мотивами, наприкладъ, желаніемъ больше оттѣнить свое личное благополучіе и насладиться позоромъ и мученіемъ ближнихъ. Даже тогда, когда общественному суду подлежитъ лицо, причинившее вредъ или непріятность не намъ лично, а кому либо другому, мы желаемъ его наказанія не по принципу справедливости, а по эгоистическимъ мотивамъ. Мы мысленно ставимъ себя на мѣсто потерпѣвшихъ, представляемъ, что и съ нами могло бы случиться то же, и проникаемся негодованіемъ къ преступнику. Но изъ того, что идся возмездья, проходя сквозь призму злого человѣческаго настроенія, можетъ принимать ложный антморальный оттѣнокъ и служить предметомъ злоупотребленій, не слѣдуетъ несостоятельности самаго принципа мздовоздающей справедливости, какъ такого. Нужно только стать на ту точку зрѣнія, чтобы зло признавалось заслуживающимъ кары именно потому, что оно зло, а не потому, что оно служитъ источникомъ непріятностей для кого-либо.

Помимо удовлетворенія принципу справедливости, наказаніе виновныхъ является возстановленіемъ нарушеннаго права, какъ лица потерпѣвшаго, такъ и всего общества. По мнѣнію Соловьева, „никогда еще не бывало случая, чтобы казнь убійцы

воскрешала убитого“ (т. VII стр. 530). Но это разсужденіе приложимо только къ случаю наказанія за убійство и не имѣетъ мѣста при всѣхъ прочихъ правонарушеніяхъ. Наказаніе за оскорбленіе чести, похищеніе имущества и т. п. именно возстановляетъ права потерпѣвшихъ. Конечно, то, что было, не можетъ уже сдѣлаться не бывшимъ, но психическія послѣдствія факта могутъ быть изглажены наказаніемъ виновнаго. Вѣдь нельзя отрицать, что человѣкъ, получившій незаслуженную пощечину, менѣе страдаетъ и получаетъ удовлетвореніе, если обидчикъ будетъ наказанъ. Даже въ случаѣ убійства наказаніемъ убійцы можетъ быть удовлетворено возмущенное чувство родственниковъ убійцы и всего общественнаго союза, можетъ быть удовлетворено право общества на то, чтобы преступная воля не оставалась безнаказанной. Право потерпѣвшаго на воздаяніе обидчику и право общества на то, чтобы въ его средѣ осуществлялся принципъ справедливости, не есть пустой, бессмысленный звукъ. Иначе намъ пришлось бы отрицать всякое значеніе за такими понятіями, какъ: справедливость, національная или корпоративная честь, свобода и т. п. А между тѣмъ всѣ эти понятія всегда являлись могучими двигателями жизни.

Самъ Соловьевъ признаетъ справедливымъ опредѣленіе преступленія, „какъ частнаго посягательства на публично установленную правовую норму въ ея реальномъ бытіи, и наказанія, какъ законѣрной реакціи общественнаго дѣлага на это посягательство. Но въ этомъ отношеніи, то есть, какъ нарушенія закона, говоритъ онъ, всѣ преступленія одинаковы“, а „при одинаковой противозаконности всякаго преступленія пришлось бы требовать для всѣхъ преступленій одинаковаго наказанія“ (т. VII стр. 530). Но это разсужденіе заключало бы въ себѣ долю справедливости лишь въ томъ случаѣ, если бы само общество признавало всѣ законы равными и всякое нарушеніе права одинаково вреднымъ. На самомъ дѣлѣ этого вѣтъ. Малѣйшее преступленіе является нарушеніемъ права въ большей степени, чѣмъ большее, и въ меньшей степени возбуждаетъ общественное негодованіе. Выраженіемъ публичнаго права является множество частныхъ законовъ, изъ кото-

рыхъ одни признаются болѣе, другіе менѣе важными, а сообразно съ этимъ за нарушеніе однихъ правовое сознаніе общественнаго союза требуетъ большаго, за нарушеніе другихъ меньшаго наказанія. Изъ того, что всякое преступленіе является нарушеніемъ юридическаго закона, дѣлать выводы объ ихъ равноцѣнности и одинаковой наказуемости было бы такъ же нелогично, какъ изъ факта нарушенія всякимъ грѣхомъ нравственнаго закона считать и простыя слабости и величайшія преступленія одинаково безнравственными.

Нагляднымъ опроверженіемъ доктрины возмездья, говоритъ Соловьевъ, можетъ служить то обстоятельство, что и наибольшее приближеніе къ ея осуществленію мы находимъ въ юстиціи вародовъ полудикихъ или же въ законахъ варварскихъ временъ, гдѣ за извѣстное увѣчье виновный подвергался такому же увѣчью, гдѣ за дерзкія рѣчи отрѣзывали языкъ и т. п. Доктрина, примѣненіе которой оказывается несомнѣннымъ съ извѣстной степенью образованности, есть, конечно, доктрина безповоротно осужденная" (т. VII, стр. 533).

Но прежде всего совершенно невѣрно, что бы дикіе народы воздавали равнымъ за равное. Даже на позднѣйшихъ ступеняхъ культуры наказаніе несравнимо превосходило преступленіе. Сожженіе на кострѣ, колесованіе, закапываніе живымъ въ землю и тому подобныя виды смертной казни, соединенной съ истязаніями и мучительствомъ, у народовъ мало культурныхъ за сравнительно маловажныя преступленія составляли обычное явленіе. По словамъ самого же Соловьева, уже въ началѣ 19-го столѣтія въ Англіи подлежали смертной казни такія нарушенія закона, какъ: порубка деревьевъ, увѣчье чужого скота, воровство свыше пяти шеллинговъ, кража нисемъ, злостное банкротство, угрозы въ письмѣ (ibid. стр. 540). Въ концѣ 18-го вѣка во Франціи карались смертью: контрабанда, протестанская проповѣдь, блудъ при духовномъ родствѣ, печатаніе и сбытъ запрещенныхъ книгъ. Слѣдовательно, въ средѣ двухъ культурнѣйшихъ націй Европы въ эпоху сравнительно весьма просвѣщенную, когда и поэзія, и философія, и искусство достигли уже высокаго развитія,—наказаніе значительно превосходило преступленіе. Воздаяніе равнымъ за равное—

око за око, зубъ за зубъ—впервые явилось у евреевъ и было выраженіемъ того закона, который Самъ Божественный Основатель христіанства не упразднилъ, а только дополнилъ. Не согласно съ истинной культурой не требованіе справедливыхъ каръ за преступленія, а наслажденіе чужими страданіями и издѣвательство надъ человѣческой личностью, что имѣло и имѣетъ мѣсто у дикарей, но что давно устранено изъ законодательства культурныхъ народовъ. И если наказаніе свыше мѣры есть явленіе безнравственное и позорное, то и потакательство преступленіямъ и преступникамъ почти въ такой же степени ненормально и вредно. Оно свидѣтельствуетъ въ сущности о равнодушіи къ добру и злу, о дряблости и слабости духа, неспособнаго возвышаться до высшаго идеала справедливости. Замѣчаемая въ современной криминологіи и публицистикѣ тенденція о необходимости полного прощенія злодѣевъ свидѣтельствуетъ только о крайней расшатанности нравственнаго сознанія, на почвѣ которой только и возможно болѣе почувствовать убійцѣ, чѣмъ его жертвѣ.

Павелъ Левитовъ.

СУДЬБА ТЕОРИИ САМОРАЗВИТИЯ.

Кого не интересует судьба дарвинистической теории? Ученые всех направлений и все вообще мыслящие образованные люди с лихорадочным любопытством слѣдят за тѣмъ, какая судьба постигнетъ дарвинову гипотезу. Большинству она до сихъ поръ такъ близка, что они готовы пустить въ ходъ все средства, чтобы заставить теорію жить какъ можно дольше. Сколько переводовъ Дарвина сдѣлано хотя-бы на русскій языкъ, сколько явилось популяризаций, чтобы познакомить средняго человѣка съ работой гениальнаго англійскаго мыслителя, открывшаго законъ жизни. Все эти популяризаторы и послѣдователи Дарвина, захлебываясь отъ восторга, говорятъ не только о теоріи, но и о творцѣ ея, восхваляютъ его нравственныя достоинства, необыкновенное смиреніе, благородство его побужденій и проч. Въ самое послѣднее время среди русской печати возникъ новый журналъ („Вѣстникъ Знанія“, существующій съ 1903 года подъ редакціею Битнера), съ массою популярныхъ научныхъ трактатовъ въ качествѣ приложеній. И самый журналъ и все приложенія полны глубокаго преклоненія идеямъ Дарвина. Рѣдкая книжка обходится безъ того, чтобы небыло статьи въ защиту теоріи. Самъ издатель журнала—одинъ изъ усерднѣйшихъ поклонниковъ Дарвина и въ этомъ доходитъ до смѣшнаго. Въ отвѣтъ на письмо одного изъ своихъ читателей, вѣроятно сообщившаго издателю, что съ теоріею не соглашались многіе и между прочимъ извѣстный Вирховъ, г. Битнеръ не постѣснялся открыто заявить, что „оппозиція Вирхова теоріи до сихъ поръ лежитъ темнымъ

Правда все это дѣлается повидимому небезосновательно, по напластованіямъ земной коры и по тѣмъ органическимъ остаткамъ, которые открываются въ различныхъ пластахъ. Года два тому назадъ былъ открытъ прекрасно сохранившійся трупъ мамонта на берегахъ Лены, въ Сибири. Этотъ видъ животныхъ, по мнѣнію натуралистовъ, существовалъ очень давно, въ Ледяную эпоху, отдѣляющуюся отъ насъ цѣлымъ десяткомъ тысячъ лѣтъ. Теперь отъ этого вида сохранились жалкіе остатки въ видѣ слоновъ, населяющихъ тропическія страны. Но и мамонты, въ свою очередь, представляютъ собою видоизмѣненіе болѣе древнихъ формъ, гигантскихъ мостодонтовъ, динозавровъ и палеозавровъ. Послѣдніе тоже не могутъ быть названы первичными формами въ животномъ мірѣ. Наши породы птицъ образовались изъ формъ, лишенныхъ перьевъ, у которыхъ крыльями служила перепонка, пдущая отъ рукъ до ногъ. Предками современныхъ птичьихъ породъ были птеродактилы, противныя огромныя летучія мыши, по сравненію съ которыми наши породы летучихъ мышей представляютъ собой жалкій пережитокъ. Птичьи породы путемъ незамѣтныхъ малыхъ измѣненій образовались изъ нѣкоторыхъ породъ земноводныхъ, у которыхъ чешуя мало по малу преобразовалась въ перья. Прототипомъ первобытной формы птицъ, снабженныхъ перьями, служитъ ископаемая форма археонтериксъ. Отпечатокъ этой птицы пайденъ въ скалѣ и считается всѣми за переходную форму отъ ящерицы къ птицѣ. Считается за несомнѣнное, что предками птицы были огромныя пресмыкающіеся ящеры: ихтіозавры, плезиозавры и другія первобытныя породы земноводныхъ. Многими вѣками раньше жизнь представлялась въ видѣ червей, плававшихъ въ нѣдрахъ первобытныхъ водъ. Снабженныя сначала рѣсничками, а потомъ могучими плавательными органами червеобразныя наполняли собою древніе океаны и моря. Если уйти еще дальше въ глубину вѣковъ, то мы увидимъ жизнь въ еще болѣе упрощенной формѣ зоофитовъ (кораллы, медузы, губки), представляющихъ собою нѣчто среднее между животными и растеніями.

Предками зоофитовъ были гастрейды, бластейды, плапейды,

происшедшія отъ первобытной амебы, въ которой замѣтны протоплазма и ядро. Однако и амебы не были первыми существами на землѣ. Самыя первыя живыя существа принято называть монерами. Онѣ были такъ малы, что даже въ тысячу разъ увеличенныя едва достигали величины точки. Это были самыя простѣйшіе комочки изъ живой матеріи. Наружный видъ ихъ напоминалъ бѣлокъ яйца.

Такимъ образомъ, по мнѣнію натуралистовъ, начало всякой жизни нужно искать въ водѣ. Жизнь появилась въ темныхъ глубинахъ первобытнаго океана. Тамъ ея начало. Въ морскихъ нѣдрахъ нѣкогда, милліоны лѣтъ тому назадъ, зародилась протоплазма. Представьте себѣ безформенную студенистую массу, обладающую способностью сокращаться и расширяться подъ вліяніемъ нѣкоторой доли чувствительности. Протоплазма состоитъ изъ одного бѣлка. Въ ней нѣтъ ядра, но есть возможность его появленія. Протоплазма, представляющая собою живую (вѣрнѣе—ожившую) матерію, дала начало всему живому организованному міру. Отъ нея произошли всѣ растенія, пресмыкающіяся, рыбы, птицы, животныя, наконецъ человѣкъ. Отъ нея все разнообразіе и красота растительнаго царства, сила въ мірѣ животномъ, разумъ въ человѣкѣ.

Одни-ли геологи написали исторію земли и ея организмовъ? Нѣтъ. Естественная исторія, трактующая о происхожденіи и развитіи организмовъ, обязана своимъ существованіемъ совокупной работѣ специалистовъ всѣхъ отраслей естествознанія. Геологи, ботаники, зоологи, антропологи, палеонтологи, физиологи, наконецъ физики и химики въ послѣднее полустолѣтіе дружными усиліями разгоняли мракъ, окутывающій земную жизнь въ ту эпоху, когда не началась человѣческая исторія. Въ позднѣйшее время весьма интересныя данныя для исторіи организмовъ даны эмбриологіей. Это наука о зародышевыхъ формахъ. Путемъ многочисленныхъ наблюденій убѣдились, что зародышъ напр. человѣка, въ продолженіе своей утробной жизни въ своемъ развитіи проходитъ всѣ тѣ стадіи, которыми шло развитіе животныхъ формъ. Оплодотворенное зачаточное яйцо принимаетъ постепенно червеобразную форму, потомъ

форму рыбы (жаберныя дуги), животнаго (хвостецъ) и наконецъ человѣческую. Ту же картину повторяютъ и зародыши животнаго съ тою лишь разницею, что тамъ развитіе плода останавливается на той формѣ, которая произвела зачатокъ.

Но само собою разумѣется главную и существенную пользу для даннаго вопроса (исторіи органической жизни) должны были принести геологія съ палеонтологіей. Эти науки и только онѣ однѣ могли собрать факты неопровержимо доказывающіе, что въ древнія эпохи жизнь представлялась въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ теперь, что чѣмъ глубже въ землю проникаетъ изслѣдованіе, тѣмъ оно наталкивается на болѣе простѣйшія формы организмовъ. Только благодаря работамъ геологовъ и палеонтологовъ ученые могли сдѣлать выводъ, что вся органическая жизнь земли шла путемъ постепенныхъ переходовъ отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ. Какъ осуществили эту задачу геологи, мы увидимъ ниже, но во всякомъ случаѣ ихъ открытія дали не вполне удовлетворительные результаты. Однако ученыхъ не смутило это обстоятельство. Имъ не доставало принципа, которому должна была слѣдовать природа въ своемъ развитіи, имъ нужно было открыть законы, которые управляли смѣной жизненныхъ формъ и привели жизнь къ ея настоящему виду. Этотъ принципъ былъ найденъ Дарвиномъ и носитъ названіе естественнаго отбора. За такое открытіе Дарвинъ прославленъ громаднымъ количествомъ натуралистовъ всѣхъ странъ, какъ человѣкъ, открывшій законы, управляющіе жизнью. Его называютъ Ньютономъ біологіи. Ньютонъ открылъ законы всемірнаго тяготѣнія, а Дарвинъ законъ жизни. Въ силу этого значеніе теоріи Дарвина было громадное до самаго послѣдняго времени.

II.

При чтеніи двухъ томовъ Дарвина, гдѣ онъ излагаетъ свою теорію происхожденія жизни,—невольно въ головѣ возникаетъ вопросъ, имѣли ли право Дарвинъ дѣлать свои выводы о происхожденіи и развитіи организмовъ? Нѣтъ, не имѣли. Это потому, что онъ поставилъ дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ.

Вообразите человѣка, который, при устройствѣ зданія, началъ работу не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ, а совсѣмъ наоборотъ. Сначала сдѣлалъ крышу, потомъ стѣны, наконецъ сталъ-бы рыть землю и класть фундаментъ. Теорія Дарвина такое именно нелѣпое сооруженіе. Прежде чѣмъ создавать теорію и навязывать природѣ законы, слѣдовало накопить факты, не тѣ, которые собраны Дарвиномъ, наблюдавшимъ живую природу и главнымъ образомъ искусственную (—вспомните его, „орхидеи“ и голубиныя породы“—любимые коньки Дарвина); а тѣ, которые сокрыты въ вѣдрахъ земли. Это былъ бы прочный фундаментъ, на основаніи котораго можно было бы класть стѣны, т. е., дѣлать выводы, а потомъ увѣнчать все зданіе кровлей,—въ данномъ случаѣ обобщеніемъ или заключеніемъ о томъ, чему и какимъ законамъ слѣдуетъ природа въ своемъ развитіи, и чему обязаны нынѣшнія органическія формы самымъ своимъ существованіемъ. Дарвину слѣдовало идти отъ фактовъ положительныхъ, а не разысканныхъ нарочно, съ цѣлію увидѣть не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ подтвержденіе предвзятой мысли. Его теорія измѣнчивости видовъ и процессъ развитія должны были основываться на данныхъ геологіи и палеонтологіи. Въ противномъ случаѣ она была и остается совершенно безпочвенной.

Въ предыдущей (т. е. первой) главѣ мы набросали картину того, какимъ путемъ могло бы зародиться убѣжденіе въ измѣнчивости организмовъ, и при какихъ условіяхъ Дарвинъ могъ-бы безбоязненно выступить со своей теоріей постепеннаго развитія. Предположимъ, что изученіе земной коры и нахожденіе органическихъ остатковъ убѣдило насъ въ томъ, что пласты разной древности содержатъ въ себѣ различные остатки, что пласты болѣе древніе заключаютъ организмы простѣйшіе, а въ болѣе позднихъ пластахъ находятся позднѣйшія органическія формы. Предположимъ, что мы замѣтили такую измѣнчивость постоянно во всѣхъ пунктахъ геологическихъ изслѣдованій, и при томъ попали на промежуточныя формы, которыя наглядно показываютъ родство между всѣми организмами древними и новыми, ихъ постепенное и малозамѣтное совер-

шенствованіе. Все это безъ сомнѣнія привело-бы насъ къ мысли, что виды измѣнчивы и въ природѣ нѣтъ ничего постояннаго: формы и виды менѣе совершенные уступаютъ болѣе совершеннымъ. Обобщая всѣ эти факты, мы должны были-бы сказать: да,—правда,—въ органической жизни нѣтъ ничего постояннаго: виды измѣняются, формы совершенствуются. Все это обязываетъ насъ признать, что въ природѣ дѣйствуетъ законъ, по которому менѣе совершенное уступаетъ мѣсто болѣе совершенному. Послѣднее, т. е., болѣе совершенное вступаетъ въ борьбу съ менѣе совершеннымъ, вытѣсняетъ его и становится на его мѣсто. Итакъ, борьба за существованіе и естественный отборъ, вотъ тѣ два главныхъ закона, которымъ подпнуется вся органическая природа въ развитіи и совершенствованіи своихъ формъ.

Такое обобщеніе было-бы правильно и логично. Противъ выводовъ, построенныхъ на фактахъ, ничего нельзя было-бы возразить. Факты говорятъ то и то, слѣдовательно выводъ долженъ быть такой, а не иной. Кто бы сталъ сомнѣваться, въ правдивости подобныхъ умозаключеній?

Между тѣмъ Дарвинъ такъ не дѣлаетъ. Открытіе закона жизни имъ сдѣлано другимъ болѣе легкимъ способомъ, и то, что должно быть въ началѣ книги, у него помѣщено въ концѣ. Дѣло въ слѣдующемъ.

Дарвинъ имѣлъ дѣло съ живою природою. Подмѣченная предшественниками Дарвина измѣнчивость и непостоянство органическихъ формъ, растеній и животныхъ, для него явилась фактомъ, доказать который ничего не стоило. Стоило взять разныя породы голубей для скрещиванія, чтобы получить новый видъ. Или стоило подвергнуть перекрестному опыленію цвѣтокъ какого-нибудь растенія, чтобы получить цвѣтъ новой формы, окраски, запаха. Изъ такихъ искусственныхъ опытовъ Дарвинъ дѣлаетъ выводъ такого рода: то, что дѣлается быстро руками человѣческими, то природа дѣлаетъ чрезвычайно медленно. Органическая природа шла въ своемъ развитіи чрезвычайно медленно: милліоны лѣтъ прошло до того времени, пока не получились нынѣшнія формы и виды.

Итакъ, для Дарвина сдѣлалась несомнѣнною измѣнчивость организмовъ. Но этотъ фактъ требуетъ объясненія. Наблюденія надъ тою-же живою природою показали, что въ органическомъ мѣрѣ происходитъ постоянная борьба, при чемъ все болѣе крѣпкое, сильное и болѣе приспособленное беретъ верхъ. Наоборотъ все слабое и менѣе приспособленное осуждено на медленнее вымираніе. Такимъ образомъ найденъ и законъ, благодаря которому происходитъ измѣнчивость органическихъ формъ, ихъ прогрессивное развитіе и совершенствованіе. Повидимому все такъ ясно, просто и похоже на правду. Живая природа сама открываетъ намъ глаза на свою исторію.

Но здѣсь-то и неправда. Исторія организмовъ должна быть продиктована не живою природою, а мертвою. Измѣнчивость видовъ должна быть доказана не на искусственныхъ примѣрахъ, а на фактахъ палеонтологіи. Она должна быть доказана костями, скелетами, окаменѣлостями и вообще всякими ископаемыми органическими остатками, и меньше всего искусственнымъ скрещиваніемъ, или перекрестнымъ опыленіемъ, половымъ подборомъ и другими дарвинистическими средствами. Если-бы Дарвинъ основалъ свою теорію на этихъ неоспоримыхъ фактахъ, онъ не имѣлъ-бы противниковъ и ни съ какой стороны не слышалъ-бы возраженій.

Вмѣсто того Дарвинъ дѣлаетъ слѣдующее. Какъ-бы предчувствуя, что вся его теорія можетъ разлетѣться, въ прахъ отъ одного прикосновенія палеонтологическихъ открытій, Дарвинъ въ концѣ своихъ разсужденій ставитъ вопросъ: подтверждается-ли его теорія геологическими изслѣдованіями, находятя-ли среди ископаемыхъ промежуточныя формы, безъ которыхъ органическая жизнь не представляетъ изъ себя непрерывную цѣпь отъ низшихъ организмовъ къ высшимъ. Отвѣтъ получился отрицательный.

Палеонтологія не имѣетъ никакой возможности связать существующія формы съ прежними путемъ постепенныхъ нечувствительныхъ переходовъ. Такимъ образомъ, возстановить фактически непрерывную цѣпь органическихъ существъ и тѣмъ подтвердить теорію развитія палеонтологія отказалась. Но это

не смутило Дарвина. Въмѣсто того, чтобы признать наличность вопіющаго противорѣчія своей теоріи съ дѣйствительностью, Дарвинъ сталъ обвинять геологію въ несовершенствѣ ея изслѣдованій, неполнотѣ фактовъ, однимъ словомъ сталъ оспаривать права геологіи на окончательное рѣшеніе вопроса. Онъ сталъ доказывать, что геологія не только теперь, но даже и въ будущемъ не можетъ произнести окончательное сужденіе надъ его теоріей.

Собственно говоря, для насъ достаточно одного этого заявленія Дарвина. Въмѣсто того, чтобы призвать въ свидѣтели извѣстнаго факта очевидцевъ, а если ихъ не оказывается на лицо, постараться найти ихъ,—намъ говорятъ, что свидѣтели очевидцы исчезли; но если бы даже они и нашлись, то все равно ничего не могутъ сказать противъ теоріи. Это очень похоже на то, когда человекъ, желая вывернуться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, начинаетъ отвергать очевидность. Въдѣ геологія, какъ-бы она ни была несовершенна, одна только и можетъ фактически подтвердить теорію развитія. Говоря по правдѣ, ни зоологія, ни ботаника и никакая другая изъ естественныхъ наукъ не имѣетъ столько правъ на приговоръ надъ теорією Дарвина, какъ геологія съ палеонтологіей. Между тѣмъ намъ говорятъ, что она-то и не имѣетъ этого права. Какъ смотрѣть на такой пріемъ? Не служить-ли онъ доказательствомъ того, что теорія Дарвина о развитіи фактически не подтверждена и даже не можетъ быть подтверждена. Во всякомъ случаѣ, ни въ какомъ другомъ пунктѣ слабость теоріи не проявила себя такъ ярко, какъ въ этомъ.

III.

Намъ нѣтъ дѣла до того, какими мотивами Дарвинъ оправдывалъ беспомощность геологіи въ сужденіи о достоинствѣ теоріи развитія. Достаточно указать на то, что всѣ искренніе поклонники Дарвина были очень смущены этимъ обстоятельствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не печальное ли зрѣлище смотрѣть, какъ ученый своимъ приговоромъ надъ геологіей и палеонтологіей пи-

шетъ смертный приговоръ своей теоріи? Развѣ не смѣшно видѣть, какъ ученый развѣнчиваетъ самого себя, къ какимъ прибѣгаетъ уверткамъ, чтобы доказать некомпетентность свидѣтелей—очевидцевъ ¹⁾. :

Поэтому, хотя ученики сначала и соглашались съ учителемъ, что геологія не можетъ дать фактическаго подтвержденія теоріи, однако въ глубинѣ души не переставали надѣяться, что рано или поздно, вопреки словамъ Дарвина, геологическія открытія подтвердятъ ученіе о развитіи. И какъ только дѣлались подобныя открытія, хотя-бы даже самыя незначительныя, дарвинисты громко заявляли объ этомъ *urbi et orbi*. Прошло только двадцать лѣтъ послѣ провозглашенія теоріи, какъ дарвинистъ Гукелій заявилъ, что „положеніе дѣла, послѣ того какъ слѣданы геологическія открытія, стало таково, что если-бы ученія объ образованіи органическихъ формъ не существовало, то палеонтологи должны были-бы его сочинить,—такъ неотразимо оно представляется нашему уму при изученіи ископаемыхъ остатковъ, открытыхъ въ періодъ времени послѣ 1859 года“ ²⁾.

Читателю этой тирады можетъ прійти въ голову, что были сдѣланы какія-то поражающія открытія. Между тѣмъ дѣло идегъ объ открытіи знаменитаго археоптерикса въ Баваріи и птицъ, снабженныхъ зубами, въ мѣловой формаціи Америки. По зубамъ, костямъ на пальцахъ и хвостовымъ позвонкамъ

1) Чтобы не быть голословными уважемъ на слѣдующее. «Предположимъ, говорятъ Дарвинъ, что геологія современемъ изслѣдуетъ всѣ органическіе остатки, какіе найдутся въ нѣдрахъ земли, и все-таки не найдетъ ископаемыхъ переходныхъ формъ. Но это будетъ-ли равносильно тому, что такихъ переходныхъ формъ никогда и не было»... Но всего наивнѣе тѣ разсужденія, гдѣ Дарвинъ въ интересахъ теоріи то утверждаетъ, что положеніе пластовъ и образованіе формаций шло неправильнымъ путемъ, то говоритъ, что время, въ которое отложился извѣстный пластъ, было недостаточно для образованія вида. Вообще какъ только Дарвинъ чувствуетъ какое-либо затрудненіе, сейчасъ прибѣгаетъ къ предположеніямъ, которыхъ можно привести, сколько угодно. См. Тимирязева «Краткій очеркъ теоріи Дарвина» стр. 130—140. По сборн. проф. Фаусена.

2) Эти слова были сказаны въ 1880 году, т. е. спустя 21 годъ послѣ провозглашенія Дарвиномъ своей теоріи. Съ тѣхъ поръ прошло еще 20 слишкомъ лѣтъ, и о новыхъ несомнѣнныхъ открытіяхъ въ пользу теоріи что-то не слышно.

этихъ ископаемыхъ натуралисты дарвинистическаго лагеря пришли къ заключенію, что эти птицы стоятъ близко къ пресмыкающимся и тѣмъ самымъ подтверждаютъ существованіе перехода отъ птицы къ пресмыкающимся. Это самый крупнѣйшій фактъ изъ всѣхъ остальныхъ позднѣйшихъ открытій. Указываютъ еще на то, что ученому Маршу въ третичныхъ отложеніяхъ западной Америки удалось прослѣдить ближайшихъ предковъ лошади, а Годри разыскалъ общаго предка собаки и медвѣдя.

Достаточно-ли такихъ фактовъ для торжества теоріи развитія, можно думать, какъ кому угодно. Но мы беремъ смѣлость думать, что отъ этихъ фактовъ до полнаго торжества теоріи дистанція большая. И заявлять, что подобныя палеонтологическія открытія заставили-бы сочинить теорію развитія, если бы ея не было, можетъ только безпримѣрно хвастливое увлеченіе дарвинизмомъ. Едва ли самъ Дарвинъ признавалъ за этими открытіями такое значеніе, какое приписываютъ имъ усердные ученики. Въ самомъ дѣлѣ, что доказываетъ открытіе хотя-бы археоптерикса? Только то, что въ древности существовали особыя формы птицъ, какихъ теперь нѣтъ. Онѣ вымерли. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ птицы имѣли форму археоптерикса. Тогда могли быть совсѣмъ другія условія для жизни птицъ, другой родъ пищи, которою они питались, другія деревья, на которыхъ птицы сидѣли и пр. А теперь эти породы вымерли, потому что теперь нѣтъ нужды ни въ зубахъ, ни въ длинныхъ пальцахъ. Прежде эти органы были птицѣ необходимы, а теперь нѣтъ; прежде былъ одинъ родъ пищи, а теперь другой. И больше ничего. Слѣдуетъ-ли отсюда, что древняя форма пернатыхъ, снабженныхъ зубами, стояла близко къ пресмыкающимся? И почему именно къ пресмыкающимся, а не къ животнымъ? Наличие зубовъ можетъ свидѣтельствовать только о родѣ пищи, а ни какъ не о близости одной органической формы къ другой. Тоже слѣдуетъ сказать о формѣ пальцевъ и позвонкахъ. То и другое, особенно пальцы, могло быть присуще птицамъ, жившимъ при извѣстныхъ вѣдншихъ условіяхъ. Теперь этихъ условій не стало, поэтому нѣтъ и птицъ указанной формы.

Но допустимъ, что зубы, пальцы и длинный хвостовой позвонокъ служатъ признакомъ родства между древними птицами и пресмыкающимися. Съ другой стороны нужно признать, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ археоптериксъ слишкомъ далеко ушолъ отъ своей родоначальной формы. Родство между нимъ и пресмыкающимися продолжаетъ оставаться столь отдаленнымъ, что мы должны предположить еще массу промежуточныхъ звеньевъ между этими двумя видами. Поэтому натуралистамъ дарвинистическаго лагеря торжествовать побѣду теоріи съ открытіемъ археоптерикса викакъ нельзя. Это открытіе вовсе не измѣняетъ того факта, что переходныхъ формъ отъ одного вида къ другому геологія до сихъ поръ не дала.

Шумъ, поднятый въ ученomъ мiрѣ по поводу открытія археоптерикса, и нескрываемая радость отъ этой находки со стороны дарвинистовъ заставили забыть о томъ, что подобныя археоптериксу переходныя формы отъ одного вида къ другому, —если считать ихъ такими,—существуютъ и теперь. Чтобы открыть ихъ, не надо никакихъ работъ геологовъ и усилій палеонтологовъ. Не такъ давно ученый мiръ былъ обрадованъ слѣдующимъ открытіемъ. Въ родословномъ деревѣ человѣка, составленномъ въ духѣ Дарвинова эволюціовизма, была необходима связующая переходная форма отъ рыбы къ земноводному. Такую форму не пришлось и откапывать. Она нашлась въ живомъ видѣ сначала въ Африкѣ, потомъ въ Южной Америкѣ, а самое послѣднее время—въ Австраліи. Это *ceratodus*—животное, обладающее жабрами на шеѣ для дыханія въ водѣ, какъ у рыбъ, и легкими для дыханія на воздухѣ. Въ устройствѣ тѣла этой группы животныхъ (правильнѣе рыбъ, такъ какъ два экземпляра ихъ плаваютъ въ водѣ, въ акваріумѣ Лондонскаго зоологическаго сада) перемѣшиваются черты рыбъ съ чертами, по которымъ ихъ нужно отнести къ земнымъ, болѣе развитымъ позвоночнымъ животнымъ ¹⁾.

Мы нарочно указываемъ на этотъ случай, чтобы доказать, что находка археоптерикса, мертваго представителя когда-то

¹⁾ *Бельше*. „Новыя данныя о родословномъ деревѣ человѣка“. Вѣстникъ Знанія. 1904 г. № 4.

бывшей переходной группы, не можетъ считаться безусловнымъ геологическимъ доказательствомъ теоріи развитія. Геологія тутъ не открыла ничего новаго. Въ лицѣ вида *seratodus* мы имѣемъ живой примѣръ существованія органическихъ формъ, которыя, повидимому, слѣдуетъ считать переходными. Но какъ открытіе *seratodus*'а въ сущности не сказало намъ ничего новаго, потому что экземпляры двоякодышащихъ (жабрами и легкими) были извѣстны раньше и теперь существуютъ въ большомъ числѣ, напр. саламандры, тритоны, крокодилы, летучія рыбы и проч., такъ и открытіе археоптерикса. Дарвинисты обрадовались тому, что открыта древняя порода крылатыхъ, теперь вымершая. Они полагаютъ, что она есть переходная форма отъ пресмыкающихся къ птицамъ. Но какъ-же они объяснятъ вамъ, во первыхъ, то, что переходныя формы, гораздо болѣе древнія (судя по генеалогіи) отъ рыбы къ пресмыкающемуся (напр. *seratodus*) доселѣ существуютъ, а позднѣйшія отъ пресмыкающихся къ птицѣ уже исчезли; во вторыхъ, если зубастыя птицы когда-то существовали (прототицъ которыхъ—археоптериксъ) и теперь вымерли, то почему же летучая мышь,—прямой потомокъ птеродактилей,—предковъ археоптерикса, до сихъ поръ существуетъ? И почему же летучую мышь не считать связующимъ звеномъ между пресмыкающимся и птицею?

IV.

Итакъ, мы положительно утверждаемъ, что теорія развитія, не основанная на данныхъ геологіи, остается безпочвенною. О ней можно спорить сколько угодно. Она порождаетъ тысячу недоумѣній. Уже это одно обстоятельство способно поселить сомнѣніе въ томъ, что теорія Дарвина можетъ удовлетворительно объяснить жизненный процессъ. Слѣдя за развитіемъ организмовъ и читая ихъ исторію, какъ она представлена у Дарвина, умъ невольно наталкивается на множество противорѣчій, загадокъ, вопросовъ, сомнѣній. Накаплиются все новые факты, которыхъ теорія объяснить не можетъ. Неудивительно, если

теоріи Дарвина предъявляются со всѣхъ сторонъ все новыя и новыя возраженія. Среди натуралистовъ встрѣчаются лица, считающія теорію отжившей свое время. Многіе изъ всей теоріи вѣрятъ лишь тому, что она установила фактъ измѣнчивости органовъ и ихъ прогрессивнаго развитія,—фактъ, считающійся въ біологіи незыблемымъ. Но самый процессъ развитія органическихъ формъ стали объяснять совершенно иначе. Впрочемъ, объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь перейдемъ къ тѣмъ возраженіямъ, которыя въ позднѣйшее время предъявляютъ дарвинистической теоріи ¹⁾. Они заключаются въ слѣдующемъ.

Извѣство, что Дарвиномъ изъ живой природы устранены всѣ трансцендентныя дѣятели. Его теорія есть теорія саморазвитія. Дарвинъ рѣшилъ загадку жизни въ томъ смыслѣ, что природа есть нѣчто саморазвивающееся, самодвижущееся, ни отъ кого не зависящее и въ поступательномъ стремленіи само себя опредѣляющее. Такимъ представленіемъ Дарвинъ устранилъ всякое постороннее вліаніе на развитіе организмовъ. Не отвергая въ принципѣ существованія Бога, какъ Творца природы, Дарвинъ ревниво устранилъ Его отъ процесса жизни въ природѣ. Онъ оставилъ природу самой себѣ, лишилъ ее цѣлесообразности и цѣлестремительности, т. е., тѣхъ необходимыхъ регуляторовъ, которые направляютъ жизнь по пути прогресса, а не застоя, и безъ которыхъ жизненный процессъ самъ по себѣ остается лишеннымъ всякаго смысла. Поэтому все, что говоритъ за нѣкоторую разумность и цѣлесообразность въ общемъ ходѣ жизни и въ развитіи организмовъ, Дарвинъ пытается объяснить по своему. По его мнѣнію, такими положеніями какъ измѣнчивость, борьба за существованіе, естественный и половой отборъ онъ можетъ объяснить очень опредѣленно и просто происхожденіе цѣлесообразныхъ приспособленій.

Послѣдователи теоріи думали, что своими объясненіями они

¹⁾ Г. Вольфъ. „Къ критикѣ дарвинизма“. Журналъ «Библиотека самообразованія». Мартъ, стр. 146—184. Подъ ред. проф. Фаусека.

нашли разгадку жизненнаго процесса, который сдѣлался совершенно понятнымъ. Всѣмъ такъ интересно показалось устраненіе телеологія, т. е. утвержденіе, что природа живетъ и развивается безъ всякихъ предуставленныхъ намѣреній и напередъ положенныхъ цѣлей; многіе даже и не замѣтили противорѣчія въ такомъ устраненіи. Вопросъ вѣдь не въ томъ, можетъ-ли теорія объяснить существованіе цѣлесообразныхъ приспособленій въ организмахъ вообще, а въ томъ, объясняетъ-ли она уже существующія совершенно опредѣленные приспособленія. Если теорія справедлива, она должна давать универсальное объясненіе всѣхъ фактовъ. Поэтому всякое необъяснимое съ точки зрѣнія отбора цѣлесообразное строеніе лишаетъ значенія всю теорію. Если она объясняетъ не все, она ничего не объясняетъ.

Что существуютъ нѣкоторыя явленія, которыхъ теорія Дарвина объяснить не въ состояніи, это не подлежитъ сомнѣнію. Прежде всего теорія естественнаго отбора не объясняетъ появленія симметричныхъ образованій въ живыхъ организмахъ, напр. глазъ, ушей, или, такъ называемыхъ, гомодивамныхъ, какъ—ножки и крылья насекомыхъ, ребра животныхъ, позвонки и пр. Противорѣчіе и путаница дарвинистическихъ объясненій въ развитіи этихъ органовъ заключается въ слѣдующемъ. Теорія предполагаетъ, что всѣ сложные органы произошли путемъ безконечно малыхъ приращеній, но съ полнымъ отсутствіемъ правильности въ этихъ приращеніяхъ. Въ противномъ случаѣ (при допущеніи правильности и симметріи въ приращеніяхъ) получилась-бы нежелательная цѣлесообразность въ процессѣ развитія. Измѣнчивость и всякія приращенія, согласно теоріи, происходятъ вообще совершенно случайно, и мы должны безусловно принять эту случайность, если хотимъ держаться прямолинейнаго дарвинистическаго взгляда на жизнь.

Итакъ, предположимъ, что у какого нибудь животнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ глазъ, появилось, благодаря случайной измѣнчивости, маленькое пигментное пятнышко. По теоріи отбора это пятнышко, путемъ безконечно малыхъ измѣненій и приращеній, со временемъ развилось и увеличилось до размѣровъ.

глаза. Все это могло быть, и дарвинова случайность могла оставаться госпожей положенія, если-бы животныя обладали однимъ только глазомъ. Но къ несчастью для теоріи каждое позвоночное имѣетъ не одинъ, а два глаза, во всемъ до мельчайшихъ подробностей другъ другу подобныхъ. Какъ-же объяснить происхожденіе другого глаза?

Происхожденіе обоихъ во всемъ соотвѣтственныхъ глазъ, мы можемъ допустить лишь въ томъ случаѣ, когда оба глаза развивались совершенно одинаковымъ образомъ, т. е., получали абсолютно одинаковыя приращенія. Каждое малѣйшее измѣненіе, появлявшееся въ одномъ глазѣ должно было появляться и въ другомъ съ абсолютною правильностью. Какимъ-же образомъ теорія Дарвина,—отвергающая всякую закономерность и цѣлесообразность и допускающая возникновеніе правильнаго только изъ неправильнаго и совершенно случайнаго,—можетъ объяснить происхожденіе одинаковыхъ глазъ животнаго? Вѣдь правильность въ ихъ развитіи противорѣчитъ положеніямъ теоріи.

Точно также теорією Дарвина никакъ не могутъ быть объяснены и всѣ другія одинаковыя образованія въ живомъ организмѣ, напр. два коренныхъ зуба съ каждой стороны. Можно ли допустить, чтобы два зуба развивались совершенно случайно и въ то же время совершенно правильно? Одинъ зубъ путемъ случайныхъ приращеній еще могъ образоваться въ превосходное жевательное приспособленіе, но чтобы и рядомъ стоящій зубъ постоянно и одновременно подвергался одинаковымъ измѣненіямъ, это уже необъяснимо съ точки зрѣнія дарвинистической теоріи и показываетъ, что измѣнчивость органическихъ формъ подчинена какому-то закону. Объяснить послѣдній составляетъ задачу всѣхъ мыслящихъ біологовъ. Но Дарвинъ его не объяснилъ тѣмъ, что отвергъ цѣлесообразность и допустилъ возможность случайныхъ, счастливыхъ варіацій. Всѣ эти допущенія ни болѣе ни менѣ какъ красивыя слова, затемняющія, а не разрѣшающія жизненную проблему.

Къ тѣмъ органическимъ явленіямъ, въ которыхъ видно закономерное измѣненіе формы, относится также и всѣ тѣ сим-

метрическія образованія, которыя въ каждомъ организмѣ встрѣчаются сотнями и тысячами. Таковы напр. чешуя рыбы, перья птицъ, волосы на животныхъ. Объ ихъ образованіи слѣдуетъ сказать тоже, что раньше сказано о глазахъ и зубахъ. Возьмемъ напр. перо. По дарвинистическому убѣжденію оно должно было образоваться изъ чешуи пресмыкающагося. Сколько милліоновъ измѣненій должно было произойти, пока одна изъ чешуекъ пресмыкающагося случайно обратилась въ птичье легкое перышко, особенно въ такое красивое и сложное, какъ перо павлина. Но допустимъ, что все это было возможно съ помощью случайныхъ варіацій. Когда рѣчь идетъ объ одномъ перѣ, Дарвиново объясненіе еще приложимо. Но совершенно необъяснимымъ остается фактъ, что, благодаря случаю, всѣ чешуйки пресмыкающагося одновременно и правильно подвергались однимъ и тѣмъ-же измѣненіямъ, пока не обратились напр. въ великолѣпныя хвостовыя перья павлина.

Въ своихъ недоумѣніяхъ, по поводу объясненій Дарвина, мы можемъ идти дальше и спросить, какимъ образомъ единичныя и отдѣльныя клѣтки организма могли образовать кишечникъ, мускулы, нервную систему. Вопреки всякой случайности всѣ они должны были измѣняться одинаковымъ образомъ и получать одинаковыя приращенія.

Но теорія Дарвина, лишившая организмы законмѣрности и цѣлесообразности, допускаетъ еще большую несообразность. Въ противность своему основному принципу она допускаетъ, что къ каждому единичному измѣненію въ одномъ образованіи должно было непременно присоединиться измѣненіе въ другомъ совсѣмъ несоотвѣтственномъ первому образованіи. Для примѣра возьмемъ отношеніе между мышцами и нервами. Здѣсь мы должны допустить, что не только одна клѣтка путемъ безчисленныхъ измѣненій превратилась въ мышечную, но что въ тоже время и другая клѣтка преобразовалась въ нервную, и что связь между образованіемъ той и другой была съ самаго начала. Въ противномъ случаѣ оба образованія не могли-бы быть полезными организму, и не получилось-бы той выгоды, которая даетъ начало отбору и ведетъ къ развитію организма.

И такая гармоническая комбинація образованій должна была происходить не одинъ разъ, а много тысячъ разъ въ одномъ и томъ-же организмѣ, потому что въ устройствѣ послѣдняго замѣчается полное соотвѣтствіе всѣхъ частей цѣлаго. Точно такимъ же закономернымъ порядкомъ долженъ былъ образоваться каждый органъ и его центръ напр. ухо и слуховой центръ, глазъ и зрительный центръ и т. д.

V.

Существуетъ цѣлый классъ явленій, которыя противорѣчатъ теоріи естественнаго отбора потому, что подъ вліяніемъ принципа отбора должны были-бы развиваться иначе, чѣмъ это происходитъ въ дѣйствительности. Разумѣемъ явленія регрессивнаго развитія. Извѣстенъ напр. случай, когда глазной органъ атрофируется вслѣдствіе постояннаго пребыванія въ темнотѣ. Глаза крота ничего не видятъ, хотя глазныя впадины заполнены глазнымъ яблокомъ и все вообще говоритъ за то, что этотъ видъ подземныхъ грызуновъ когда-то обладалъ совершенно развитымъ зрѣніемъ. Какъ объяснить атрофію такого важнаго, въ высокой степени развитого органа? Хотя Дарвинъ и пытался доказать въ данномъ случаѣ участіе естественнаго отбора, но вѣдь отборъ служитъ для дальнѣйшаго развитія и совершенствованія органа. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ онъ долженъ вліять задерживающимъ образомъ на развитіе органа. Такимъ образомъ этотъ процессъ (атрофіи или регресса) совершенно противоположенъ тому, который долженъ былъ-бы наступить по теоріи отбора, и слѣдовательно мы должны заключить, что во всѣхъ случаяхъ регрессивнаго развитія отборъ совершенно не участвуетъ.

Точно также непонятны и необъяснимы съ точки зрѣнія отбора и всѣ другіе случаи, въ которыхъ замѣчается регрессъ. Остается напр. совершенно необъяснимымъ, что у кастрированнаго оленя не развиваются рога, что скопцы не имѣютъ ни бороды, ни усовъ, обладаютъ высокимъ совершенно женскимъ голосомъ, что нѣкоторыя насѣкомыя послѣ оплодотворенія теряютъ крылья. Хотя соотношеніе и связь между по-

половою дѣятельностью и указанными вторичными половыми признаками неоспорима, такъ что отборъ имѣетъ существенное вліяніе на образованіе вторичныхъ половыхъ признаковъ (напр. оленьихъ роговъ), однако теорія отбора оставляетъ безъ объясненія тотъ самый фактъ, что искусственное удаленіе главнаго органа ведетъ за собою остановку въ развитіи второстепенныхъ частей, т. е., одно измѣненіе одновременно влечетъ за собою и другое.

Слабою стороною теоріи нужно признать и то обстоятельство, что Дарвинъ не ясно указалъ отношеніе полового отбора къ естественному. По закону естественнаго отбора выживаютъ лишь тѣ особи, которыя являются побѣдителями въ борьбѣ за существованіе, слѣдовательно болѣе крѣпкія, храбрыя и сильныя. Они размножаются болѣе, чѣмъ слабыя. Но въ половомъ подборѣ происходитъ не такъ. Тамъ размножаются и сильныя и слабыя одинаково. Чтобы сильныя размножались въ большей степени, необходимо, чтобы самцовъ было больше, чѣмъ самокъ. Между тѣмъ о многихъ видахъ животныхъ этого сказать нельзя. Въ большинствѣ случаевъ количество особей обоего пола находится въ равновѣсіи. При этомъ естественно является недоумѣніе и другого рода. Если количество самцовъ далеко не всегда превышаетъ количество самокъ, то остается безъ объясненія появленіе вторичныхъ половыхъ признаковъ или украшеній. Въ попыткахъ объяснить это Дарвинъ дѣлаетъ очевидную натяжку. Онъ допускаетъ, что скрещиваются больше всего самые сильныя и самые красивыя. Но, во первыхъ, сила и красота у одного и того-же самца не всегда совпадаютъ, во вторыхъ, самая красота понятіе очень субъективное. Что красиво и заманчиво одному, то не составляетъ прелести для другаго. Въ этомъ пунктѣ очень ярко выступаетъ вся искусственность въ учевіи о половомъ подборѣ.

При допущеніи полового подбора самое главное положеніе оказывается ложнымъ. Если самцы птицъ и млекопитающихъ отличаются отъ самокъ бросающимся въ глаза украшеніемъ, то самое это украшеніе самцы пріобрѣли потому, что самки всегда дарили своею благосклонностью самцовъ, имѣющихъ

лучшія и большія украшенія. Подобное объясненіе вторичныхъ половыхъ признаковъ правдоподобнымъ оказалось только на словахъ. А на дѣлѣ никто еще не наблюдалъ, чтобы самки животныхъ когда нибудь дѣлали выборъ при допущеніи къ себѣ самцовъ. Вѣроятно, ихъ удовлетворяетъ каждый нормальный самецъ раньше другихъ явившійся. Если же появляется нѣсколько самцовъ, то между ними происходитъ борьба, въ которой побѣдителемъ не всегда является самый красивый. Больше того. Въ борьбѣ за обладаніе самкой разныя причудливыя украшенія какъ-то: вѣтвистые рога, кольца вокругъ шеи, болтающіеся гребни и т. п. могутъ служить скорѣе помѣхой, чѣмъ помощью. Итакъ, въ половой борьбѣ могутъ сохраняться только болѣе сильныя, но ни въ какомъ случаѣ не болѣе красивыя особи.

Да и самая эта половая борьба—явленіе слишкомъ преувеличенное, и вовсе не такъ распространена въ животномъ мірѣ, какъ полагаютъ. Число особей обоеихъ половъ, вообще говоря, одинаковое. Пары сводить случай: встрѣтились самецъ и самка, они и сходятся. Поэтому слѣдуетъ думать, что второстепенные половые признаки зависятъ не отъ половой борьбы. Даже пѣніе птицъ, которое со времени Дарвина привыкли считать, какъ выраженіе любовнаго состязанія, не имѣетъ всецѣло такого значенія. Не такъ давно извѣстный наблюдатель жизни птицъ Фрицъ Браунъ указалъ на то, что пѣніе различныхъ самцовъ никогда не побуждаетъ птицу-самку дарить свою любовь одному самцу. Пѣніе является скорѣе боевымъ крикомъ съ цѣлю застрашать противника, отчасти выраженіемъ того захватывающаго чувства жизни, которое одушевляетъ птицу во время спариванія. Какъ извѣстно, птицы поютъ тогда, когда періодъ спариванія уже кончился, пока не оперились птенцы и не оставили гнѣзда. Уже поэтому можно судить, что пѣніе не носитъ характера только состязанія. Такимъ образомъ, въ дарвинистической теоріи прежде всего невѣрно то предположеніе, что самки посредствомъ выбора самыхъ сильныхъ и красивыхъ произвели естественный отборъ. Ничего такого нѣтъ и никто этого явленія не наблю-

даль. Въ ученіи о половомъ подборѣ прочно установлено лишь то, что вторичные половые признаки (напр. пѣніе) служатъ къ половому возбужденію самки. Происхожденіе-же ихъ окутано мракомъ. Во всякомъ случаѣ они не зависятъ отъ полового отбора ¹⁾).

VI.

Въ самое послѣднее время дарвинизму предъявляютъ такъ много возраженій, что очень трудно въ нихъ и разобраться. Теорія терпитъ удары съ разныхъ сторонъ. Нѣкоторые изъ нихъ направлены въ самое сердце дарвинистической системы, другіе поражаютъ отдѣльныя болѣе слабыя части ея. Тѣ и другіе вмѣстѣ взятые вселяютъ убѣжденіе, что дарвинизмъ отжилъ свое время.

Изъ отдѣльныхъ возраженій къ приведеннымъ въ предшествующихъ главахъ мы присоединимъ еще два наиболѣе удачныхъ. Разбирая возраженія противъ своей теоріи Дарвинъ говоритъ: „если-бы нашелся такой сложный органъ, совершенствованіе котораго не могло-бы быть объяснено многочисленными, слѣдующими одно за другимъ незначительными измѣненіями, моя теорія безусловно должна была-бы рухнуть“.

На такое открытое признаніе самаго слабаго мѣста теоріи въ настоящее время даютъ отвѣтъ, что такіе примѣры существуютъ. Водяное растеніе валлиснерія (*Vallisneria Spirulis*) для облегченія процесса оплодотворенія обладаетъ удивительнымъ приспособленіемъ. Мужской цвѣточекъ названнаго растенія для оплодотворенія женскаго отрывается и поднимается на поверхность воды, гдѣ плаваетъ женскій. Вопросъ въ томъ, какъ возникло такое приспособленіе,—внезапно или путемъ незначительныхъ, постепенныхъ измѣненій. Послѣдняго быть не могло, потому что промежуточные стадіи въ развитіи такихъ приспособленій и постепенное ихъ образованіе не приносило-бы организму никакой пользы. Между тѣмъ, согласно теоріи, всѣ приспособленія могли произойти въ организмѣ

¹⁾ Гуртъ Гротевизъ. „Дарвинистическіе мненія“. „Вѣстникъ Знанія“ № 4. 1904 г., стр. 65—67.

лишь медленно и постепенно. Является очевиднымъ, что приспособленія для отрыванія и всплыванія въ мужскомъ цвѣтѣ *Vallisneria* должны были существовать съ самаго начала вполне готовыми. Ихъ образованіе не шло путемъ незначительныхъ измѣненій.

Приводятъ и другой примѣръ подобнаго-же рода. Въ человеческомъ глазѣ существуетъ особаго устройства блонный мускулъ (*musculus trochlearis*), отъ котораго зависятъ своеобразныя движенія глазного яблока. Это приспособленіе тоже должно было возникнуть сразу. Самъ по себѣ мускулъ могъ существовать и раньше и не обнаруживалъ ни малѣйшаго приближенія къ такому выгодному для организма измѣненію. Поэтому не могъ происходить и процессъ отбора. Выгодный-же способъ дѣйствія появился сразу, какъ только появилось вышеуказанное устройство мускула ¹⁾.

Слабое мѣсто теоріи замѣчено и въ другомъ пунктѣ, куда въ послѣднее время не замедлили направить критическій ударъ. По смыслу теоріи естественнаго отбора, удерживаются и размножаются только тѣ органическія формы, которыя измѣнились цѣлесообразно къ даннымъ условіямъ среды. Напр. быстро бѣгающіе волки легче догоняютъ добычу—оленья,—слѣдовательно они и будутъ вытѣснять медленно бѣгающихъ.

Но такой дарвинистическій выводъ сдѣланъ изъ произвольнаго предположенія, будто при различныхъ опасностяхъ только выгодныя особенности въ организмѣ имѣютъ значеніе для отбора. Одно случайное измѣненіе въ организаціи никогда бы не спасло животное отъ голодной смерти. Самую существенную выгоду въ опасностяхъ даетъ преимущество положенія. Во время желѣзнодорожной катастрофы цѣлыми остаются не тѣ, у кого крѣпкій организмъ, а тѣ, кто случайно занимаетъ болѣе удачное мѣсто; во время войны пули не шадятъ тѣхъ кто сильнѣе, а тѣхъ кто занимаетъ самое защищенное мѣсто. Точно также въ данномъ случаѣ. Не тѣ волки настигаютъ добычу, которые быстрѣе бѣгаютъ, а тѣ которые стоятъ

1) Вольфъ. „Къ критикѣ дарвинизма“. Тамъ-же стр. 167.

къ ней ближе, или находятся въ скрытомъ мѣстѣ. Преимущество организаціи здѣсь играетъ очень малую роль. Тѣмъ болѣе, что, согласно теоріи, эти преимущества нужно представлять себѣ въ безконечно маломъ видѣ, тогда какъ внѣшнія преимущества положенія могутъ быть очень значительными. Особи, пользующіяся преимуществомъ положенія, будутъ всегда находиться въ значительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, организація которыхъ болѣе совершенна. Слѣдовательно дѣйствию отбора будутъ подчиняться первыя, а не вторыя. Отборъ наилучшаго происходитъ далеко не всегда и тѣ преимущества, которыя, передаются по наслѣдству, далеко не одни играютъ роль въ процессѣ отбора. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ: теорія отбора наиболее совершенныхъ мало вѣроятна¹⁾.

Смотритель Новоторжскаго духовнаго училища

Священникъ Іаковъ Галаховъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Вольфъ. „Къ критикѣ дарвинизма“. Тамъ-же стр. 169—172.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Іюня № 11. 1905 года.

Содержаніе I. Епархіальныя извѣщенія.—Заявленіе Варшавскаго генералъ-губернатора.—Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго жезскаго училища.—Инструкція Харьковскому Епархіальному Миссіонеру.—Инструкція помощнику миссіонера Харьковской епархіи.—Актъ Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества.

I.

Епархіальныя извѣщенія.

1. О лѣтнемъ приѣмѣ просителей Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій *лѣтомъ* принимаетъ просителей въ городскомъ (въ Харьковѣ) архіерейскомъ домѣ *по средамъ* въ 11 часовъ дня.

2. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи Андрей *Лыскій* опредѣленъ 28 мая н. г. на священническое мѣсто при Троицкой церкви, сл. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи Александръ *Анисимовъ* опредѣленъ 2 іюня н. г. на священническое мѣсто при церкви с. Курильни, Изюмскаго уѣзда.

в) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи Антоній *Поповъ* опредѣленъ 6 іюня н. г. на священническое мѣсто при церкви с. Райгородка, Изюмскаго уѣзда.

г) Діаконъ-псаломщикъ Трехсвятительской церкви, сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, Іоанизъ *Ходаковскій* опредѣленъ 25 мая н. г. на діаконское мѣсто при церкви с. Люботина, Валковскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Николаевской церкви, сл. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда Евгений *Флоринскій* опредѣленъ 2 іюня н. г. на діаконское мѣсто при церкви с. Аннишы, того же уѣзда.

е) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи Сергій *Москаленко* опредѣленъ 27 мая н. г. н. д. псаломщика при Николаевской ц. г. Ахтырки.

ж) Крестьянинъ Василій *Харченко* опредѣленъ 27 мая н. д. псаломщика при церкви с. Кургана, Лебединскаго уѣзда.

з) Безмѣстный діаконъ Константианъ *Ковалевъ* опредѣленъ 3 іюня н. д. псаломщика при церкви с. Ново-Александровки, Старобѣльскаго уѣзда.

і) Сынъ діакона Алексѣй *Федоровъ* опредѣленъ н. д. псаломщика 30 мая при церкви села Березоваго, Харьковскаго уѣзда.

я) Безмѣстный псаломщикъ Сильвестръ *Антоновъ* допущенъ 1 іюня къ исполненію должности псаломщика при церкви села Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда.

в) Бывшій воспитанникъ 2 класса дух. училища Антоній *Петровский* опредѣленъ 5 іюня н. г. н. д. псаломщика при церкви с. Бѣлки, Ахтырскаго уѣзда.

л) Мѣщанинъ Лука *Рябчуненко* опредѣленъ 5 іюня н. д. псаломщика къ вновь устроенной церкви въ с. Нижней-Богдановкѣ, Старобѣльск. уѣзда.

3. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ Архангело-Михаиловской церкви, слоб. Лимана, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ *Торанскій* опредѣленъ 28 мая священникомъ къ церкви слоб. Бригадировки, Зміевскаго уѣзда.

б) Священникъ церкви сл. Поповки, Богодуховскаго уѣзда Никололай *Пантелеимоновъ* перемѣщенъ 4 іюня на священническое мѣсто при церкви сл. Крыгской, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Священникъ церкви сл. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда, Сергій *Павловскій* перемѣщенъ 4 іюня н. года на священническое мѣсто при Архангело-Михаиловской церкви, сл. Лимана, Зміевскаго уѣзда.

г) Священникъ церкви с. Старо-Ивановки, Ахтырскаго уѣзда, Леонидъ *Лихницкій* перемѣщенъ 3 іюня на 2-е священническое мѣсто при Покровской церкви, города Богодухова.

д) Псаломщикъ Покровской Кладбищенской церкви гор. Изюма, Хрисанфъ *Котляревскій* перемѣщенъ 29 мая на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви, сл. Песокъ, Изюмскаго уѣзда.

е) Н. д. псаломщика церкви с. Березоваго, Харьковскаго уѣзда, Константинъ *Рубанисткій* перемѣщенъ н. д. псаломщика къ Петро-Павловской церкви, гор. Ахтырки 2 іюня.

4. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ церкви сл. Крыгской, Старобѣльскаго уѣзда, Димитрій *Пантелеимоновъ*, уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 4 іюня с. г.

б) Священникъ церкви села Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда, Самуилъ *Федоровъ*, уволенъ за штатъ, согласно прошенію, 4 іюня сего года.

5. О смерти духовенства.

Діаконъ Екатериноскаго церкви, села Аннины, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Эварницкій* умеръ 28 мая сего года.

6. О пожертвованіи.

Въ теченіи мая мѣсяца 1905 года въ Харьковскую Духовную Консисторію поступило пожертвованій отъ духовенства, церквей и монастырей Харьковской епархіи: 1791 руб. 90 коп. вообще на военныя нужды, 1392 руб. въ пользу Краснаго Креста и 266 руб. 74 коп. въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ, а всего 3450 руб. 64 коп., а съ ранѣ поступившими 61375 руб. 75 коп.

7. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

- а) Къ Архангело-Михаиловской церкви, гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 27 мая старостою вр. Михаилъ *Крючко*.
- б) Къ церкви с. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ старостою 27 мая крестьянинъ Антонъ *Уткинъ*.
- в) Къ церкви с. Терешковки, Сумскаго уѣзда, 27-го мая утвержденъ старостою купецъ Александръ *Сурмучевъ*.
- г) Къ церкви с. Николаевки, Купянскаго уѣзда, 31-го мая утвержденъ старостою крестьянинъ Симеонъ *Чалый*.
- д) Къ Николаевской церкви, с. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, 30 мая утвержденъ старостою крестьянинъ Елисей *Лазаренко*.
- е) Къ церкви с. Моспановой, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 30-го мая старостою крестьянинъ Леоптій *Пивоваръ*.
- ж) Къ Покровской церкви, города Чугуева, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 31 мая старостою мѣщанинъ Никифоръ *Васильевъ*.
- з) Къ церкви с. Бобрица, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 1-го іюня старостою крестьянинъ Андрей *Заяцъ*.
- и) Къ Покровской церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 31 мая старостою крестьянинъ Михаилъ *Симьявскій*.
- к) Къ церкви с. Алексѣевки, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 27 мая старостою отставной унтеръ-офицеръ Симеонъ *Кременской*.
- л) Къ церкви с. Русской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 3-го іюня старостою крестьянинъ Оома *Гончаровъ*.
- м) Къ церкви села Шейковки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 5 іюня старостою крестьянинъ Алексѣй *Грабарь*.

8. Объявленіе.

При Старобѣльскомъ женскомъ монастырѣ, въ помощь существующему приходу, нуженъ священникъ изъ лицъ состоящихъ за штатомъ и преклоннаго возраста. Объ условіяхъ узнать у игуменіи монастыря Аполлѣнарій.

9. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Троицкой церкви, сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда, Михаилъ *Фальченко* 12 мая утвержденъ законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

б) Священникъ церкви, сл. Муратовой, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Приходьковъ* утвержденъ 28-го мая законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

в) Священникъ Николаевской церкви, города Золочева, Харьковскаго уѣзда, Григорій *Шокотовъ* утвержденъ 29 мая законоучителемъ мѣстнаго народнаго мужскаго училища.

10. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) священническія.

При Харьковской Благовѣщенской церкви.

- Харьковской Озерянской церкви.
- Харьковской Воскресенской церкви.
- Сергіевской церкви при Харьковской 2-й мужской гимназіи.
- Рождество-Богородичной церкви, с. Бондаревой, Старобѣльскаго уѣзда.
- Преображенской церкви с. Петровской, Изюмскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, сл. Калпуньки, Богодуховск. уѣзда.
- Николаевской церкви сл. Танюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Казанской церкви, с. Нижней Богдановки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Вознесенской церкви, хутора Песокъ, Купянскаго уѣзда.
- Покровской церкви, с. Малой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.
- Преображенской церкви, с. Старо-Ивановки, Ахтырскаго уѣзда.
- Троицкой церкви, с. Поповки, Богодуховскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, с. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда.
- Казаиской церкви, с. Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Успенской церкви, сл. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Троицкой церкви, сл. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда.

- Успенской церкви, гор. Зміева.
- Александро-Невской церкви, сл. Тополей, Купянскаго уѣзда.
- Петро-Павловской церкви, с. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда.
- Иверско-Богородичной церкви, с. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда.

в) Псаломщицкія:

- При Харьковской Институтской Маріи Магдалины. церкви.
 — Харьковской Воскресенской церкви.
 — Харьковской Преображенской церкви.
 — Харьковской Благовѣщенской церкви.
 — Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣбновен. церкви.
 — Харьковской Рождество-Богородичной церкви.
 — Архан.-Миханлов. церкви, о. Казачьей Лопани, Харьковскаго уѣзда.
 — Іоанно-Предтечевской церкви, села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.
 — Сергіевской церкви, при Харьковской 2-й гимназіи.
 — Осіе-Андреевской церкви, при Харьковскомъ реальномъ училищѣ.
 — Николаевской церкви, города Старобѣльска.
 — Николаевской церкви, сл. Липоць, Харьковскаго уѣзда.
 — Петро-Павловской церкви, с. Лимана, Изюмскаго уѣзда.
 — Покровской церкви, сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви, с. Червленнаго, Лебединскаго уѣзда.
 — Вознесенской церкви, хут. Песокъ, Купянскаго уѣзда.
 — Трехсвятительской церкви, с. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.
 — Покровской кладбищенской церкви, города Изюма.
 — Казанской церкви, с. Басовки, Сумскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви, с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда.

Заявленіе Варшавскаго генералъ-губернатора.

21 мая, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ помѣщено слѣдующее: „Государь Императоръ, указомъ 17-го апрѣля сего года, даровалъ своимъ вѣрноподаннымъ свободу вѣроисповѣданія и въ неизреченной Своей милости освободилъ отъ преслѣдованія и невыгодныхъ послѣдствій лицъ, отпавшихъ отъ православной вѣры въ какое-либо другое христіанское исповѣданіе. Въ этомъ же указѣ Государь выразилъ увѣренность, что даруемая льгота внесетъ миръ и любовь во взаимныя отношенія православныхъ и неправославныхъ. Между тѣмъ, съ горестнымъ чувствомъ приходится замѣчать, какъ нѣкоторыми людьми, или по заблужденію или вслѣдствіе злой воли, великая Царская милость толкуется совершенно превратно. Иные, сами отпадая отъ православія, пытаются и другихъ православныхъ склонить къ отпаденію въ римско-католическую вѣру, обращаясь съ этой цѣлью къ подговорамъ, насмѣшкамъ, угрозамъ и насиліямъ. Нынѣ Его Императорское Величество

соизволилъ обратить вниманіе на подобныя столь же присворбныя, сколь и преступныя дѣйствія, протявныя какъ Государеву указу 17-го апрѣля, такъ и дѣйствующимъ законамъ. Напоминаю, что по закону, сохраняющему полную силу и въ настоящее время, лишь одна господствующая православная церковь пользуется правомъ свободно распространять свое вѣроученіе. Лицамъ же прочихъ исповѣданій воспрещается склонять къ переходу кого-бы то ни было въ ихъ религію. Виновные въ соображеніи въ православіи, а также въ порицаніи православной вѣры и въ кощунствѣ надъ ней, подлежатъ суду по общимъ уголовнымъ законамъ. Да не смущается русскій православный людъ разными неслѣпыми слухами, распространяемыми теперь въ народѣ, и да вѣдаетъ онъ, что православные монастыри, церкви и святыя иконы Царь православный и впредь никому не отдастъ“.

Варшавскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Максимовичъ. Варшава, 20-го мая 1905 года.

Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Въ первомъ полугодіи 1905—1906 учебнаго года будутъ принимаемы въ число студентовъ на всѣ факультеты онаго Университета, кромѣ богословскаго, воспитанники духовныхъ семинарій, окончившіе курсъ по первому разряду, по выдержаніи ими, предварительнаго, «повѣрочнаго» испытанія въ объемѣ гимназическаго курса по слѣдующимъ предметамъ:

- 1) По русскому и латинскому языкамъ, для поступленія на юридическій и медицинскій факультеты.
- 2) По русскому и латинскому языкамъ и математикѣ—для поступленія на физико-математическій факультетъ.
- 3) По русскому и обоимъ древнимъ языкамъ—для поступленія на всторико-филологическій факультетъ.

Повѣрочныя испытанія для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, а равно дополнительное испытаніе изъ исторіи церкви для воспитанниковъ Александровскаго лиція въ первомъ полугодіи 1905—1906 учебнаго года будутъ производиться въ Университетѣ съ 15 до 20 августа.

Сроки для записыванія на лекціи и взноса платы за слушаніе лекцій въ пользу Университета и преподавателей назначены на 17, 18 и 19 августа, а лекціи начнутся 20 числа того же мѣсяца.

Студенты немедленно по принятіи ихъ въ Университетъ, обязаны обзавестись установленною для всѣхъ русскихъ университетовъ форменною одеждою.

Плата въ пользу университета и плата гонорарная не должны быть высылаемы во почтѣ, а вносятся студентами лично кассачею университета.

Пріемъ совершается на всѣ пять факультетовъ: 1. богословскій; 2. юридическій; 3. физико-математическій (отдѣленія: а) математическое, б) химическое, в) естественно-историческое, г) агрономическое), 4. историко-филологическій (отдѣленія: а) классической филологіи, б) славяно-русской филологіи, в) историческое, г) романо-германской филологіи), и 5. медицинскій.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ училища назначена на 24 и 25 августа н. г., а пріемные экзамены для поступленія въ подготовительный, третій, четвертый, пятый и шестой классы училища назначены на 26-е августа; причемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвѣцѣ, которыя не явятся въ означенные дни къ экзамену или къ переэкзаменовкѣ, не будутъ впоследствии допущены къ экзамену вовсе, а къ переэкзаменовкѣ безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявля своевременно.

И Н О Т Р У К Ц І Я

Харьковскому Епархіальному Миссіонеру.

Утвержденная Ею Высокопреосвященствомъ 12 апрѣля 1905 года.

§ 1. Харьковскій Епархіальный Миссіонеръ въ своей дѣятельности долженъ руководствоваться утвержденными, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 25 мая 1888 года за № 1116, Правилами объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ. «Церковн. Вѣдом. 1888 г. № 28».

§ 2. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ на основаніи Правилъ Святѣйшаго Синода, въ прохожденіи своей должности со-

ство въ непосредственномъ распоряженіи мѣстнаго Епархіальнаго Преосвященнаго и дѣйствуетъ по ближайшему его указанію, обращая преимущественно вниманіе на мѣстности, особенно зараженныя сектантствомъ, а равно и на тѣ заблужденія, которыя въ данное время наиболѣе распространяются къ соблазну православныхъ. „Правила п. 4“.

§ 3. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ, на основаніи Правилъ Святѣйшаго Синода, объѣзжаетъ, по ближайшему усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго зараженныя сектантствомъ мѣстности для собесѣдованій съ заблуждающимися и обстоятельно доносятъ Епархіальному Преосвященному о своихъ дѣйствіяхъ во время такихъ собесѣдованій, а также вообще о послѣдствіяхъ своихъ миссіонерскихъ занятій и о своихъ наблюденіяхъ надъ теченіемъ миссіонерскаго дѣла въ приходахъ и надъ состояніемъ въ нихъ сектантства. По истеченіи года, Епархіальный миссіонеръ составляетъ отчетъ о своей дѣятельности и о состояніи сектантства за истекшій годъ и представляетъ оный отчетъ на благоусмотрѣніе Епархіальнаго Преосвященнаго. „Правила пун. 5“.

§ 4. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ, по самому характеру своей должности, состоитъ непремѣннымъ членомъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ и Совѣта Епархіальнаго Братства Озерянской Божіей Матери.

§ 5. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ, по личному указанію Епархіальнаго Архипастыря и по порученіямъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, утвержденнымъ Епархіальнымъ Архипастыремъ, ближайшимъ образомъ руководить миссіонерскою дѣятельностью приходскихъ священниковъ и спеціально-миссіонерскихъ учрежденій (какъ-то: комитетовъ, кружковъ и т. п.) и лицъ (какъ то: помощниковъ епархіальнаго миссіонера, уѣздныхъ и окружныхъ миссіонеровъ и т. п.), насаждаемыхъ въ епархіи Совѣтомъ по миссіонерскимъ дѣламъ или Епархіальнымъ Братствомъ Озерянской Божіей Матери и его Отдѣленіями. „Правила п. 6“.

§ 6. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ по вопросамъ, касающимся упомянутыхъ въ § 5 спеціально-миссіонерскихъ учрежденій и лицъ, входитъ со своими докладами въ подлежащія учрежденія, т. е. въ Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ или въ Совѣтъ Епархіальнаго Братства Озерянской Божіей Матери.

§ 7. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ, состоя въ непосредственномъ распоряженіи Епархіальнаго Преосвященнаго и дѣйствуя подъ ближайшимъ его руководствомъ (§ 2), исполняетъ порученія.

Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, утвержденныя Епархіальнымъ Преосвященнымъ Правила для дѣятельности Харьковскаго Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ § 6.

§ 8. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ, при исполненіи своихъ обязанностей въ епархіи, долженъ руководствоваться и всѣми другими пунктами утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ Правиль, опредѣляющими: а) взаимныя отношенія миссіонеровъ и приходскихъ священниковъ (п.п. 9 и 10), б) веденіе бесѣдъ съ заблудшими (п.п. 11 и 12), в) отношеніе къ заблудшимъ (п. 13), г) мѣста для бесѣдъ (п. 14), д) предметы бесѣдъ (п. 15), е) порядокъ бесѣдъ (п. 16) и ж) способы приглашенія заблудшихъ на бесѣды (п. 17).

§ 9. Харьковскій Епархіальный миссіонеръ начинаетъ свой миссіонерскій годъ съ 1 января и на время лѣтней страды прекращаетъ систематическія публичныя бесѣды съ сектантами по епархіи, какъ это рекомендовано на 3 Всероссійскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ въ Казани. (См. Дѣянія 3-го Всеросс. Мис. Съѣзда. Изд. В. М. Скворцова 1898 г. стр. 224).

И Н С Т Р У К Ц І Я

помощнику миссіонера Харьковской епархіи.

§ 1. Помощникъ миссіонера, находясь въ непосредственномъ распоряженіи Харьковскаго епархіального миссіонера, дѣйствуетъ подъ постояннымъ руководствомъ и наблюденіемъ послѣдняго.

§ 2. Миссіонерскія поѣздки въ зараженные сектантствомъ пункты епархіи помощникъ миссіонера совершаетъ по указанію Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ и епархіального миссіонера.

§ 3. При посѣщеніи зараженныхъ сектантствомъ приходовъ епархіи, помощникъ миссіонера обязанъ прежде всего явиться къ приходскому священнику, съ вѣдома и подъ наблюденіемъ котораго онъ и дѣйствуетъ въ его приходѣ.

Примѣчаніе. Помощникъ миссіонера долженъ оказывать мѣстному священнику почтительность и полное уваженіе, какъ настоятелю церкви и пастырю прихода, всемѣрно избѣгать въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ и мѣстными прихожанами всего, что можетъ породить недоразумѣнія и ровнять его пастырскій авторитетъ и отнюдь не присвоить себѣ правъ контроля надъ дѣятельностію приходскихъ священниковъ.

§ 4. Помощникъ миссіонера ведетъ въ зараженныхъ сектантствомъ приходахъ епархіи публичныя и частныя бесѣды съ сектантами; увѣщеваетъ колеблющихся; обучаетъ дѣлу миссіи ревнителей православія; распространяетъ въ народѣ брошюры и листки миссіонерскаго содержанія и подробно знакомится съ состояніемъ сектантства въ каждомъ посѣщенномъ приходѣ.

Примѣчаніе. Публичныя бесѣды съ сектантами въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ помощникъ миссіонера ведетъ съ особаго каждый разъ указанія епархіальнаго миссіонера.

§ 5. Дѣятельность помощника миссіонера въ каждомъ приходѣ епархіи съ надлежащею точностью и подробностью записывается приходскимъ священникомъ въ имѣющуюся у помощника миссіонера книгу „дневникъ“. Въ этой же книгѣ приходскій священникъ точно обозначаетъ время прибытія и выѣзда изъ прехода помощника миссіонера.

§ 6. Въ гор. Харьковѣ помощникъ миссіонера дѣйствуетъ подъ личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ епархіальнаго миссіонера, который самъ вноситъ дѣятельность помощника въ „дневникъ“ послѣдняго.

§ 7. Упомянутая въ §§ 5 и 6 книга „дневникъ“ выдается помощнику миссіонера отъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ. Онъ же выдаетъ помощнику миссіонера и пропускной видъ для безпрепятственнаго посѣщенія помощникомъ миссіонера приходовъ Епархіи.

§ 8. О дѣятельности помощника миссіонера Харьковскій епархіальный миссіонеръ ежемѣсячно докладываетъ Харьковскому Епархіальному Совѣту по миссіонерскимъ дѣламъ, съ представленіемъ „дневника“.

§ 9. Ежегодно помощникъ миссіонера, по усмотрѣнію Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, пользуется однимъ изъ лѣтнихъ мѣсяцовъ для отдыха.

§ 10. Содержаніе и прогонные помощникъ миссіонера получаетъ отъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ ежемѣсячно 20-го числа.

§ 11. Годичный отчетъ о дѣятельности помощника миссіонера составляется для Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ секретаремъ онаго, на основаніи ежемѣсячныхъ донесеній епархіальнаго миссіонера (§ 8).

§ 12. Книга „дневникъ помощника миссіонера“, по окончаніи

записей въ оной, сдается епархіальнымъ миссіонеромъ въ архивъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.

§ 13. Помощнику миссіонера предоставляется право пользоваться бібліотекою Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ безмездно.

§ 13. Назначеніе и увольненіе помощника епархіальнаго миссіонера производится Харьковскимъ Епархіальнымъ Архіереемъ, по представленіи Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ или безъ онаго.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ *Священникъ Іоаннъ Гораинъ.*

А К Т Ъ

Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества.

1904 года іюля мѣсяца 3-го дня избранные въ годичномъ Собраніи Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества уполномоченные повѣрили отчетъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1903 годъ съ приходо-расходною книгою, билетами и другими оправдательными документами и нашли: 1) всѣ суммы, показанныя въ отчетѣ соотвѣтствуютъ записи по приходо-расходной книгѣ, процентнымъ бумагамъ, наличности и журналу входящихъ и исходящихъ бумагъ Комитета. Приходо-расходная книга велась исправно, суммы по приходу и расходу вносились въ нее своевременно, статья расхода очищены росписками получателей или же оправдываются увѣдомленіями подлежащихъ учрежденій, мѣсячные итоги и транспорты имѣются въ книгѣ и подписаны членами, казначеемъ и дѣлопроизводителемъ Комитета; отъ предыдущаго года оставалось а) неприкосновеннаго капитала 3140 руб. б) запаснаго капитала 2510 руб. 64 коп. и в) расходной суммы 2017 руб. 63 коп., въ отчетномъ 1903 году поступило наличными 9635 руб. 27 коп. и билетами 200 руб., израсходовано 4688 руб. 32 коп. Остается къ 1904 году 9475 руб. 22 коп., наличными и билетами 3340 руб.

2) При провѣркѣ усмотрѣно, что наличныя деньги хранятся на сбереженіи въ Гусударственномъ банкѣ по книжкѣ сберегательной кассы № 47086 и по расчетной книжкѣ по безсрочному вкладу за № 16157, а процентныя бумаги: именныя въ биле-

тахъ Харьковскаго Городскаго Купеческаго банка и Государственной комиссіи погашенія долговъ в 600 руб. въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты на рукахъ у о. казначей. Уполномоченные отъ общаго собранія для провѣрки отчета находятъ желательнымъ процентныя бумага вносить на храненіе въ Государственный банкъ.

Свящ. Николай Любарскій.

Свящ. Леонидъ Твердохлбовъ.

Свящ. Петръ Оминъ.

II.

Содержаніе. II. За вѣру Царя и отечество. Священника *Николая Загоровскаго*.—Къ современнымъ толкамъ о равноправности женщинъ съ мужчинами. *Протоіеря Николая Федоровскаго*.—Алексій, Епископъ Сумскій, Опытъ православнаго противощундтскаго Катихизиса. *К.*—Письма о церковномъ пѣніи. *Н. К.*—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Отрадное явленіе.—На помощь плѣннымъ.—Разныя извѣстія и замѣтки. За что Россія воюеть съ Японіей!?—Объявленія.

„ЗА ВѢРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО“.

(Мысли пастыря церкви по поводу войны и пагубныхъ толковъ въ нѣкоторой части русскаго народа).

„Итакъ станьте, препоясавши чресла ваши истинною и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ; а паче всего возьмите щитъ вѣры, который возможете уясить все раскаланныя стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть Слово Божіе“.
(Ефес. 6, 14—17).

Этотъ боговдохновенный завѣтъ св. апостола Павла особенно благовременно намъ—пастырямъ церкви съ усугубленнымъ усердіемъ и любовію непрестанно поминать и возгрѣвать въ сердцахъ своихъ въ нынѣшнее время кровопролитной войны нашего дорогаго Отечества съ коварной и языческой Японіей,—въ нынѣшніе тяжкіе дни великихъ внутреннихъ бѣдствій и горькихъ испытаній, постигающихъ православный русскій народъ!

Нынѣшнія военныя событія на Дальнемъ Востокѣ захватили вниманіе всего нашего русскаго общества не только образо-

ваннаго, но даже и малограмотныхъ деревенскихъ жителей; напряженное вниманіе всѣхъ и всецѣло приковано къ интересамъ и заботамъ военнаго времени; ни на чемъ другомъ не хочется серіозно останавливаться, сосредоточиваться... Тамъ, на далекой окраинѣ христіанское русское воинство и его вожди проливаютъ кровь свою за вѣру, Царя и отечество; тамъ, въ рядахъ нашихъ воиновъ сражаются противъ враждебныхъ японцевъ, сыновья, братья, мужья и отцы нашихъ семействъ... Тамъ—цвѣтъ русскаго народа, тамъ—дѣло славы и чести нашего Отечества; потому-то такъ трепетно всѣ и настроены относительно событій кровопролитной войны, потому-то о ней всѣ думы и чаянія положительно во всѣхъ слояхъ общества отъ дворца до хижины простолюдина, о ней всякаго рода мнѣнія, толки, сужденія, предположенія!... Бѣда лишь въ томъ, что при такомъ пылкомъ и напряженномъ настроеніи народныхъ мыслей и чувствъ, „враги отечества и смутьяны“ не дремлютъ пользоваться тяжелыми обстоятельствами военнаго времени и сѣютъ среди массы народной духовную смуту, распространяютъ разнаго рода лже-толки и вредныя мысли, чтобы подорвать въ народѣ вѣру въ Бога и надежду на Его всецѣльную помощь, поколебать святые чувства патриотизма и повергнуть народъ въ малодушіе и уныніе... И какихъ только нѣтъ толковъ?! Одни напрямѣръ „живые проповѣдники“ говорятъ, что война совсѣмъ запрещена Христомъ Спасителемъ, ибо Онъ сказалъ: „взявшіе мечъ, мечемъ и погибнуть“; что въ настоящей войнѣ, мы русскіе люди неправы, стали „на невѣрный путь“ и ведемъ войну „изъ-за далекаго клочка чужой земли“¹⁾, что мы совершенно напрасно несемъ столько жертвъ, проливаемъ столько крови и проч. Другіе идутъ дальше. Намѣтивъ себѣ преступныя цѣли повести русскій народъ „не по толстовскому пути пассивнаго противленія существующему церковному и государственному строю, а по пути противленія и ослушанія“, эти, путемъ подпольнаго распространенія особенно среди сектантовъ листовъ заграничнаго изданія, проектируютъ и приглашаютъ „устроить на землѣ такой порядокъ, когда всѣ имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ, фабрики, заводы, шахты,

1) См. журналъ „Мяс. Обоз.“ 1904 г., № 6, стр. 758.

рудники, розсыпи и нефтяные фонтаны, магазины и склады купцовъ, денежные капиталы банкировъ и ростовщиковъ, желѣзныя дороги, корабли и пароходы разныхъ компаній,—вообще все, изъ чего теперь извлекаютъ доходъ промышленники и предприниматели,—будетъ отобрано и изъято изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и будетъ передано въ руки всего рабочаго народа во всемъ государствѣ¹⁾). Въ результатъ отъ этой лже-проповѣди неразумныхъ учителей,—людей безъ вѣры въ Бога, безъ любви къ Церкви, Царю и Отечеству,—уже по мѣстамъ возникаютъ такія скорбныя явленія, какъ вспыхнувшія въ послѣднее время стачки рабочихъ и уличные беспорядки по столичнымъ и губерскимъ городамъ... И грустно, и больно становится за Русь Святую, тоскливо сжимается сердце за русскій народъ, дѣлающійся жертвою тѣхъ безбожныхъ: „лжеучителей и развратителей“, „которые, какъ говоритъ слово Божіе, *идутъ вслѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны, и не страшатся злословить высшихъ*“ (2 Петра 2, 10); которые не щадятъ „стада Христова“ даже въ это скорбное для каждого гражданина и христіанина время военной страды!... Замѣтно какъ подъ давленіемъ этой нависшей мрачной тучи бѣдствій, сразу обрушившихся на дорогую отчизну, народъ томится духомъ, впадаетъ въ безотчетное уныніе и въ то же время ищетъ и ждетъ себѣ слова утѣшенія, ободренія, успокоенія... И намъ кажется, что это благодатное слово утѣшенія и успокоенія должны и нравственно обязаны принести русскому народу мы—пастыри Церкви Христовой!...

Настоящіе дни, тяжелаго испытанія, ниспосланнаго дорогому нашему Отечеству Провидѣніемъ, время особенно благоприятное для того, чтобы всѣ пастыри „препоясались“ и возвысили голосъ свой въ церковныхъ проповѣдяхъ къ пасомымъ въ разъясненіе всѣхъ тѣхъ недоразумѣній, ложныхъ толковъ и анархическихъ мыслей, которыя по мѣстамъ злонамѣренно распространяются; на насъ пастыряхъ церкви лежитъ священная обязанность предъ Богомъ и Отечествомъ „мечемъ слова

¹⁾ См. журналъ „Мис. Обзор.“ за 1904 г., № 6, стр. 766.

Божія“ приободрить духъ народа, подкрѣпить его вѣру и упованіе на помощь Божію, а такъ же бодро и дѣятельно охранять въ настоящіе дни неврѣлюю молодежь и массу народную отъ тлетворныхъ вѣяній и вліяній со стороны внутреннихъ домашнихъ враговъ Церкви и Отечества и поддерживать словомъ и дѣломъ истинно патріотическое настроеніе своихъ паствъ! По завѣту св. апостола (Ефес. 6, 14—17), намъ надо въ настоящіе дни стоять „съ препоясанными чреслами“, „щитомъ вѣры“ и „мечемъ духовнымъ—Словомъ Божіимъ“ и бдительно надзирать за своими „духовными чадами“, „чтобы кто-нибудь не прельстилъ ихъ вкрадчивыми словами“, „чтобы кто не увлекъ философією и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человеческому, по стихіямъ міра, а не по Христу (Колос. 2, 4 и 8 ст.)!...

О чемъ же преимущественно надлежитъ намъ пастырямъ церкви усиленно и непрестанно, „во время и не во время“, проповѣдывать пасомымъ въ нынѣшнее военное время?...

У насъ пастырей церкви должна быть своя духовная точка зрѣнія на войну и на соучастіе въ ней, а потому въ своихъ проповѣдяхъ пасомымъ мы должны прежде всего и чаще всего напоминать и внушать тѣ слова, которыя мірскими людьми или открыто пренебрегаются или забываются и замалчиваются изъ „ложнаго стыда“... „Христосъ моя сила, Богъ и Господь“,— вотъ эти святыя слова, которыя до сихъ поръ боголѣпно воспѣвала и воспѣваетъ честная русская церковь и подъ священное знамя которыхъ мы, пастыри ея, должны теперь особенно усиленно призывать весь русскій народъ, чтобы онъ „превратился въ одинъ духъ, одно сердце, одну стѣну противъ враговъ, одно молитвенное кадило за Православнаго и Самодержавнаго Царя и его воиновъ, отстаивающихъ честь, славу и самое бытіе дорогой отчизны нашей“!... Вѣры, вѣры, побольше вѣры и надежды на Господа Бога—именно это и должны проповѣдывать народу служители алтаря Христова въ настоящее время... „У насъ вѣра православная,—говорилъ великій угодникъ Божій Преподобный Серафимъ Саровскій,—церковь неимѣющая никакихъ пороковъ... Сихъ ради добродѣтелей Россія будетъ славна, и врагамъ страшна и непреборима, иму-

шая вѣру и благочестіе въ щитъ и въ броню—правду... Сихъ врата ада не одолѣють“,—вотъ мысли, которыя мы пастыри должны развивать въ настоящіе дни въ своихъ проповѣдяхъ... Насъ же русскихъ людей тяжело караетъ Господь за то, что многіе и многіе совсѣмъ забываютъ воспитавшую ихъ Св. Матерь-Церковь и отрекаются отъ нея, оставляютъ св. вѣру православную и мѣняютъ на „иное благовѣствованіе“,—ту вѣру, за которую цѣлѣе вѣка народъ русскій съ безграничнымъ самоотверженіемъ проливалъ потоки своей крови, защищалъ ее, дороже жизни любилъ и цѣнилъ ее и берегъ какъ „безцѣнную жемчужину“ и только съ нею вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ прежде бывшихъ войнъ и трудныхъ обстоятельствъ жизни!...

Такимъ образомъ, неоцѣненное благо русскому народу принесли бы въ настоящіе дни пастыри церкви, если бы „создавъ удобство момента для дѣла Божія, приложили возможно больше усердія и труда путемъ проповѣдей *уяснить русскимъ людямъ великое благо значенія идеи правословія и церковныхъ преданій, какъ прочнѣйшаго основанія ихъ политической самостоятельности и какъ крѣпчайшаго цемента связующаго ихъ государственный организмъ*“... „Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“!... (1 Іоан. 5, 4).

Второе,—о чемъ пастырямъ церкви въ настоящіе дни надлежитъ съ такой же усиленной энергіей говорить въ своихъ проповѣдяхъ,—*это идея патриотизма и ея великая сила и спасительное значеніе для русскаго народа.*

Съ душевною скорбію приходится читать теперь сообщенія, что „около ста студентовъ и курсистокъ подписали адресъ Микадо съ пожеланіемъ побѣды ему надъ Россіей“¹⁾, что нашелся даже одинъ недостойный священнослужитель—Гапонъ, который, забывъ святость сана, своей лжепроповѣдью увлекъ многотысячныя толпы рабочаго народа на предъявленіе незаконныхъ требованій Царю и Его Правительству, оторвавъ ихъ отъ мирнаго и честнаго труда... И это въ тѣ дни, когда всѣ на Руси соединяются въ общей заботѣ и молитвѣ „объ

¹⁾ См. журналъ «Мис. Обзоръ» за 1904 г., № 6, стр. 762.

избавленіи отъ дней печали“!... Очевидно, это люди—безъ чести и совѣсти, безъ любви и преданности къ Государю и Отечеству, благами коихъ они неблагодарно пользовались; это не сыны Россіи, а пасынки ея и о нихъ мы должны лишь сказать: „Господи! отпусти имъ, ибо они сами не знаютъ что дѣлаютъ“!... Поэтому, на насъ пастыряхъ церкви долгъ: при произнесеніи своихъ поученій народу въ воскресные и праздничные дни, за каждой службой Божіей, чаще останавливать и углублять мысль и чувства своихъ пасомыхъ „на идеѣ законности и святости патріотизма, на неразрывности его съ христіанской религіей и на отношеніи Православія къ Самодержавію“, въ коемъ залогъ благоденствія и счастья Россіи! Необходимо разъяснить это не только на основаніи историческихъ свидѣтельствъ Родины, но главнымъ образомъ на основаніи яснаго и непреложнаго ученія о семъ слова Божія, въ коемъ выражена воля Божія о насъ грѣшныхъ... И какой богатый матеріалъ здѣсь для добраго и усерднаго проповѣдника слова Божія! Какія прекрасныя мысли можетъ развить здѣсь каждый пастырь, какія дивныя струны народнаго сердца можетъ тронуть онъ своею проповѣдью и на какой чудный гимнъ настроить возвышенныя и святыя чувства патріотизма добрыхъ русскихъ людей!...

Царь Православный и Самодержавный, горячая любовь къ Нему и глубокая сыновняя преданность, усердныя молитвы за Него, скорбящаго сердцемъ Своимъ за любимую Имъ Русь Святую и любимыхъ русскихъ людей въ эти скорбные дни,— это священныя обязанности всѣхъ христіанъ, по ученію слова Божія: *„Итакъ прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ челоѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу“* (1 Тимоо. 2, 1—3); *„Будьте покорны всякому челоѣческому началству для Господа: Царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Ибо такова есть воля Божія... Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите“*!...

(1 Петра, 2, 13—17). А любовь къ Отечеству, къ землѣ Свято-Русской, каждая пядь которой едва-ли не омыта слезами молитвъ и кровію боголюбивыхъ предковъ нашихъ? Любовь къ соотечественникамъ и братіямъ ее населяющимъ? Это ли не долгъ всѣхъ православныхъ сыновъ Россіи?! Значеніе патриотизма съ христіанской точки зрѣнія хорошо намѣчено въ одной проповѣди профессоромъ богословія, протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ. „Чувство патриотизма, говоритъ онъ, не можетъ не благословлять Церковь Христова. Спаситель нашъ не проповѣдывалъ вражды ни къ Риму, ни къ Аѳинамъ; но Его чистому сердцу былъ особенно близокъ св. Іерусалимъ. За недѣлю до крестной смерти, во время торжественнаго входа въ столицу Іудеи, взирая на св. градъ и предвидя его скорую гибель, подготовленную неразумными передовыми людьми—книжниками и фарисеями, Господь нашъ Іисусъ Христосъ *„заплакалъ о немъ и сказалъ: о, если бы ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему“*!... А какъ любилъ Онъ Свою родную Галилею, ея Тиверіадское озеро, ея высокія горы и прелестныя долины, ея столичный городъ—Капернаумъ, который у евангелистовъ прямо называется Его городомъ... Православные русскіе люди! Идите во слѣдъ Спасителя... Идите твердо и мужественно по этому завѣтному пути... Не падайте духомъ... Вспомните, какъ, напр., ап. Павелъ любилъ свой несчастный народъ—всегда крайне враждебно относившихся къ нему іудеевъ. *„Истинно говорю во Христа, не лгу, свидѣтельствуемъ мнѣ совѣсть моя въ Духъ Святомъ, — пишетъ онъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ, — что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть израильтянъ“*. Какая безпредѣльная истиннохристіанская любовь къ своимъ соотечественникамъ, какое глубокое и чистое чувство патриотизма. Апостолъ готовъ пожертвовать даже вѣчнымъ спасеніемъ, своимъ блаженствомъ, если бы того могло потребовать спасеніе и блаженство его народа. Можно-ли представить себѣ болѣе тяжелую жертву?... Не забывайте же этого дивнаго примѣра въ дѣлѣ служенія родинѣ“...

Отцы духовные, пастыри церкви! возвысьте же вы, какъ служители алтаря Божія и истинные патріоты, голосъ свой въ церковныхъ проповѣдяхъ за идеи православія и патріотизма, облеките ихъ въ формы достойныя ихъ величайшаго значенія для русскаго народа, для русскаго государства, представьте ихъ дорогими и ничѣмъ другими незамѣнимыми для русскаго сердца, привлечите къ нимъ полное вниманіе общества! Заговорите нынѣ въ проповѣдяхъ о томъ, „чѣмъ народъ живетъ въ данное время“, въ чемъ его думы и чаянія; скажите „что служить къ миру“ дорогого отечества нашего, въ чемъ заключается его спасеніе; призовите всѣхъ русскихъ людей объединиться на защиту Вѣры, Царя и Отечества!... Проповѣдуйте объ этомъ въ храмахъ и школахъ, на фабрикахъ и заводахъ, въ народныхъ домахъ и ремесленныхъ мастерскихъ, и вѣрится, что на сердечный, воодушевленный пастырскій призывъ по всей Руси необъятной могучимъ эхомъ разнесется многомиліонный откликъ русскаго народа: „Великій Государы! Кровь наша и достояніе наше, всѣ силы наши—все Твое. Располагай нами по премудрости Твоей, какъ укажетъ Тебѣ сердце Твое, помазанникъ Божій! Вѣрь, что преданный Тебѣ народъ русскій только ждетъ Твоихъ державныхъ вѣлній—„*Яко съ нами Богъ*“!...

Священникъ Николай Загоровскій.

Къ современнымъ толкамъ о равноправности женщинъ съ мужчинами.

Съ увѣренностью можно утверждать, что городскіе толки объ эмалсипаціи женщинъ, о равноправности женщинъ съ мужчинами и пр. не имѣютъ вліянія на сельскихъ женщинъ. Онѣ продолжаютъ еще жить по историческимъ, бытовымъ и христіанскимъ преданіямъ. Тѣмъ не менѣе толки эти начинаютъ проникать и въ среду сельскихъ женщинъ, особенно тѣхъ, которыя долго живутъ въ нашихъ большихъ городахъ или работаютъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ наше время по-этому и сельскій пастырь долженъ прислушиваться къ этимъ

толкамъ и предохраняетъ своихъ прихожанъ отъ увлеченія ими. Опъ долженъ стоять на стражѣ бытоваго уклада, согласнаго съ духомъ христіанства.

Есть глубокое различіе между мужчиною и женщиною. Не говоря уже о физическомъ различіи половъ, современная „психологія“ утверждаетъ, что „женщины развиваются раньше мужчинъ“, и что вообще „у женщинъ болѣе развито сердце, или чувство, а у мужчинъ разсудочная дѣятельность“, хотя, конечно, никто не станетъ утверждать, будто каждая женщина чувствительнѣе всѣхъ и каждаго изъ мужчинъ; или—каждый мужчина въ умственномъ отношеніи развитѣе всѣхъ и каждой изъ женщинъ. Но также никто не станетъ оспаривать и научнаго опредѣленія, что „у женщинъ дѣйствительно болѣе развито сердце, или чувство“, и что поэтому женщина въ области сострадательности, заботливости и благожелательности возвышается надъ мужчиною. Доказательства сказанному на лице: это наши сестры милосердія на „Дальнемъ Востокѣ“. Невольно умиляешься предъ сострадательностію, заботливостію и попечительностію этихъ женщинъ, проявляющихъ эти качества души даже въ минуты величайшей военной опасности!..

Очевидно, что мужчина и женщина, сотворенные по образу и подобію Божію и раздѣленные на полы по тѣлу, по духовной природѣ своей имѣютъ раздѣльную черту, отличающую ихъ другъ отъ друга. Поэтому то опытъ и наблюденіе изучающихъ природу души человѣческой,—души мужчины и женщины, привелъ ихъ къ убѣжденію и научному утвержденію того, какъ мы сказали, психологическаго закона, что—„у женщинъ болѣе развито сердце и чувство, а у мужчины разсудочная дѣятельность“.

Но это различіе нисколько не разрушаетъ единства человѣческой природы. Напротивъ, только оно ведетъ къ гармоническому ея сліянію и объединенію. Поэтому это различіе не уничтожаетъ въ человѣческихъ правахъ женскій полъ предъ мужскимъ. Ученіе христіанское, какъ никакое другое, уяснило человѣчеству въ этомъ отношеніи законъ равноправности и единства мужчины и женщины непреложными словами Небеснаго Учителя и общаго Наставника нашего, Господа Иисуса

Христа, нѣкогда сказавшаго Своимъ слушателямъ, а въ лицѣ ихъ и всему роду человѣческому, о томъ, что, несмотря на сказанное нами физическое и душевное отличіе половъ мужскаго и женскаго, въ брачномъ сопряженіи, они *ктому нѣсть два, но плоть едина* (Мат. 19, 5).

О какой же равноправности женщинъ съ мужчинами говорятъ теперь и въ нашемъ христіанскомъ государствѣ? Наши передовыя женщины хотятъ пользоваться одинаковыми съ мужчинами правами не только общественными, но и политическими. Но справедливо ли это? Двери научнаго образованія, для желающихъ учиться женщинъ не закрыты у насъ: пусть учатся и женщины, сколько хотятъ. Любознательности женскаго пола какъ и мужскаго, готовы у насъ удовлетворять не только многіе храмы науки, но и институты художествъ и искусствъ, и даже медицины, которая можетъ быть названа, сколько наукой, столько же и искусствомъ въ эмпирическомъ ея значеніи. Никто не говоритъ противъ образованія женщины, соотвѣтственномъ съ ея природой и предназначеніемъ. Но, съ другой стороны, — стремиться къ образованію женщинъ безразлично одинаковому съ мужчиной, игнорировать, раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной, указываемаго самой природой ихъ, — не справедливо, безцѣльно и противно женской природѣ. Скажемъ яснѣе: видѣть женщину въ военномъ званіи, или депутатшей собранія, или судьейо и т. п. далеко не такъ желательно или даже вовсе нежелательно, какъ видѣть ее сестрой милосердія, заботливою матерью семейства, воспитательницей и учительницей, хотя бы то въ начальной школѣ. Я не хочу ограничивать трудъ образованной женщины только этими сферами дѣятельности; могутъ открываться или даже существовать и другія сферы дѣятельности, соотвѣтствующія женской природѣ и общепользныя. Но не обвиняюсь скажу, что представлять себѣ женщину по общественной дѣятельности полноправною съ мужчиною, — это значитъ возлагать на нее непосильный трудъ, а притомъ во вредъ не только личный для нея, но и для самаго общества, которое, какъ всѣмъ извѣстно, организуется изъ единичныхъ семействъ; это значитъ безъ нужды выводить ее на арену общественной и политиче-

ской жизни во вредъ семейному очагу, разрывать на два круга ея дѣятельность, съ опасностію лишить ее возможности успѣшно и благотворно удовлетворить своему призванію.

Пусть что ни говорятъ о безразличіи общественной дѣятельности женщины на одинакихъ правахъ съ мужчиной наши новые эмансипаторы женщинъ, но въ основѣ ихъ рѣчей лежатъ одни лишь явныя софизмы, разоблачаемые непосредственнымъ анализомъ житейскаго и естественнаго порядка вещей. Женщина военная, женщина судья, адвокатъ, депутатъ и пр. вынуждена будетъ на долго оставлять семейный очагъ; а вѣдь женщина—сердце семьи!.. Какъ женщина, она безусловно подвергается тѣмъ болѣзнямъ, какія составляютъ удѣлъ ея пола и, такимъ образомъ, часто должна будетъ отвлекаться отъ взятой на себя общественной дѣятельности. Ей трудно будетъ работать и невозможно угодить двумъ господамъ,—двумъ требованіямъ дѣятельности: общественной или политической—и семейной. А между тѣмъ ей дарованы, или ею приобрѣтены права, съ которыми соединены извѣстныя обязанности. Они требуютъ отъ нея добросовѣстнаго служенія. Вѣдь не должно быть правъ безъ добросовѣстнаго исполненія обязанностей.

Счастливы были бы тѣ общества, благополучны были бы тѣ государства, гдѣ женщины прежде всего разумно и цѣлесообразно исполняли бы свои первѣйшія, самую природою назначенныя, обязанности—супружескія и материнскія; а затѣмъ уже—и общественныя, соотвѣтствующія тому, или иному роду научной, или какой либо другой, излюбленной ими спеціальности. Но намъ скажутъ: „старая, отжившая проповѣдь до—Петровскихъ временъ съ женскими заключеніями и теремами“!.. На это мы, въ свою очередь, отвѣтимъ, что это неправда! Мы стоимъ за женское образованіе; мы говоримъ о женщинѣ научно образованной; но такая женщина прежде всего должна быть руководительницей семьи, должна быть богата сколько знаніями, столько же и долгомъ честнаго и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей: къ мужу, дѣтямъ и близко ее окружающимъ. Мамки, няни, гувернеры съ гувернантками—не удовлетворительные руководители дѣтей, искренно

любимыхъ матерію: это доказаль уже фонъ-Визинъ въ своемъ „Митрофанушкѣ“, это безусловно доказываетъ сама наша жизнь, которая опытно показываетъ,—какъ много въ наше время дѣла у женщинъ въ одномъ лишь очень сложномъ дѣлѣ воспитанія дѣтей, такомъ великомъ дѣлѣ, которое по своимъ результатамъ часто важнѣе мужской дѣятельности. Все это еще въ большей степени приложимо къ сельской женщинѣ. Во всякомъ случаѣ никто не станетъ отрицать той аксіомы, что въ семьѣ заключается узелъ и основаніе общества, и слѣдовательно,—узелъ упадка, или благосостоянія государства. Равно никто изъ серьезно разсуждающихъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что отъ разумной и развитой жены могутъ передаваться мужу: вразумленіе, утѣшеніе, успокоеніе, доброе настроеніе, столь благотворно вліяющія на ходъ всѣхъ дѣлъ, соприкосновенныхъ съ кругомъ мужниной дѣятельности.

Заклучимъ наши сужденія слѣдующими словами одного публициста: „Достоевскій 35 лѣтъ назадъ говорилъ женщинѣ, что никогда призваніе женщинъ воспитывать честныхъ гражданъ не было такъ свято и такъ нужно въ Россіи, (какъ въ его время); но оказывается, что онъ ошибался, ибо теперь нужда Россіи въ выполненіи женщиною ея воспитательнаго призванія несравненно больше, чѣмъ тогда, когда говорилъ о ней Достоевскій, ибо тогда семья въ Россіи свое воспитательное дѣло еще исполняла, и русская женщина имѣла вліяніе на государство, какъ мать и воспитательница семьи. Но въ настоящее время всевозможныхъ забастовокъ самая гибельная для Россіи забастовка—это забастовка женщины, какъ матери семьи, и разрушеніе семьи вслѣдствіе этого съ каждымъ днемъ даетъ себя чувствовать, какъ бѣдствіе въ русской жизни, все сильнѣе“. („Гражданинъ“. 1905 г. № 9). Мы вполне раздѣляемъ эти сужденія; и хотѣли бы обратить на нихъ вниманіе нашихъ сельскихъ сопастырей, пока еще не поздно.

Протоіерей Николай Федоровскій.

Слоб. Ульяновка.

Алексій, Епископъ Сумскій.

Опытъ православнаго противощундистскаго Катихизиса. Харьковъ
1905 г. XIII + 214, 8.^о

Обращаемъ вниманіе всѣхъ интересующихся дѣломъ противосектантской миссіи на недавно вышедшій изъ печати катихизисъ бывшаго противосектантскаго миссіонера, нынѣ епископа Сумскаго Алексія. Литературные труды Преосвященнаго Алексія извѣстны въ нашей духовной печати и пользуются заслуженнымъ вниманіемъ и одобреніемъ. И новоизданный трудъ его тоже извѣстенъ въ нашей печати; но въ новомъ изданіи своемъ Преосвященный сдѣлалъ необходимыя добавленія (см. гл. V) и пополненія (см. гл. VI) къ нему.

Новоизданный катихизисъ раздѣляется на VI главъ. Въ общемъ содержаніе каждой главы можетъ быть изложено въ слѣдующемъ видѣ: въ I гл. доказывается, что штундисты не составляютъ истинно-православной Церкви Христовой: они отдѣлились отъ этой Церкви незаконно, обвиняя ее въ уклоненіи отъ истиннаго ученія Иисуса Христа, особенно въ лицѣ пастырей и ссылаясь въ свое оправданіе на трудность выполнить ея установленія. Но Церковь не можетъ заблуждаться, ибо Господь обѣщалъ пребывать съ нею до скончанія вѣка и соприсутствіе ей Св. Духа. Грѣхи отдѣльныхъ членовъ не нарушаютъ ея святости, трудность выполненія ея предписаній свидѣтельствуетъ только объ ея истинности. Истинность православной Церкви доказывается какъ составомъ ея членовъ (мудрецы, святые мужи и проч.), такъ и древностію, а лживость штундизма—какъ содержаніемъ самаго ученія, такъ живностію самихъ проповѣдниковъ ученія и ихъ послѣдователей и средствами, какія употребляются ими для пропаганды своего ученія. Признавая за источникъ вѣры одно только Св. Писаніе, штундисты не имѣютъ поэтому истинной вѣры; они руководствуются неведѣніями слова Божія, а соображеніями ограниченнаго, неустойчиваго, склоннаго къ заблужденіямъ человѣческаго разума. На основаніи одного только Св. Писанія сектанты не могутъ доказать ни каноническаго достоинства извѣстныхъ книгъ, ни правильности разныхъ переводовъ Св.

Писанія (сравнивается Лондонская Библия съ текстомъ Библии Синодальн. изд.), ни правильности принятаго или изъясненія его (сектанты самыхъ разнообразныхъ направленій приводятъ въ свое оправданіе одни и тѣ же мѣста, толкуя ихъ неодинаково до противоположности).

Во 2-й главѣ идетъ рѣчь о томъ, что Библия не можетъ быть признапа единственнымъ источникомъ ученія вообще и что необходимо Св. Преданіе. Библия, толкуемая частными лицами, является источникомъ заблужденій, ересей и расколовъ (приводятся примѣры). На основаніи одной только Библии нельзя опредѣлить ни состава ея, ни достоинства отдѣльныхъ книгъ. До Моисея не было священныхъ книгъ; но и послѣ Моисея въ словѣ Божіемъ признается необходимымъ обращаться за разрѣшеніемъ недоумѣній къ священнику, левиту и судѣ (Втор. 17, 8—12; 2 Пар. 19, 8—11; Малах. 2, 7). Иисусъ Христосъ самъ ничего не писалъ и никому не давалъ повелѣнія писать св. книгъ, а повелѣлъ вѣрующимъ слушаться во всемъ апостоловъ и ихъ преемниковъ и повиноваться Церкви (Лук. 10, 11, Мтѣ. 18, 17). До изобрѣтенія книгопечатанія (въ XV в.) Библий рукописныхъ было мало, а ученіе Христа распространялось по всему міру. Сами штундисты не слѣдуютъ въ своемъ ученіи прямымъ и яснымъ свидѣтельствамъ Библии (напр., не повинуются пастырямъ, не признаютъ Св. Преданія, отвергаютъ пресуществленіе въ Евхаристіи). Разумъ не можетъ быть признанъ руководительнымъ началомъ въ дѣлѣ пониманія Св. Писанія вслѣдствіе его ограниченности, склонности къ заблужденіямъ съ одной стороны, и глубины и таинственности Св. Писанія—съ другой. Тѣ, которые руководятся будто бы велѣніями Св. Духа, не могутъ ничѣмъ доказать этого, и исторія человѣческихъ заблужденій въ области христіанской религіи служатъ лучшимъ тому доказательствомъ; поэтому, для руководства и правильнаго разумѣнія Св. Писанія, для правильнаго совершенія таинствъ и для соблюденія свящ. обрядовъ въ чистотѣ первоначальнаго ихъ установленія, необходимо Св. Преданіе. Необходимость его видна и изъ Св. Писанія и чувствуется сами-

ми сектантами (напр. по вопросу о празднованіи воскреснаго дня).

3-я самая обширная глава (73—139 стр.) трактуетъ о Церкви Христовой. Здѣсь доказывается, что штундисты не составляютъ истинной Церкви Христовой. Они ничѣмъ не могутъ доказать, что ихъ общество ведетъ свое начало отъ временъ Христа и апостоловъ, и что эта связь непрерывно, преемственно существовала у нихъ и существуетъ. Общество ихъ образовалось въ 60 гг. 19 ст. и имѣетъ связь съ ученіемъ Лютера 16 вѣка. Церковь истинная не могла быть возстановлена только съ 16 ст., ибо Господь обѣтовалъ ей neodолѣнность до скончанія вѣка; не могла она быть невидимою, какъ утверждаютъ часто сектанты, ибо Господь далъ Церкви видимое устройство для спасенія грѣшниковъ. Истинная Церковь Христова есть единая, святая, соборная и апостольская. Общество штундистовъ не обладаетъ этими свойствами. Къ нему не приложимо понятіе единства, потому что оно не усматривается ни въ ихъ вѣроученіи и правоученіи, ни въ богослуженіи. Не можетъ ихъ общество быть названо и святымъ, потому что не имѣетъ освященныхъ отъ Господа пастырей и учителей и благодатныхъ средствъ освященія—таинствъ; нѣтъ въ ихъ обществѣ и дара чудотвореній, коимъ прославлена истинная Церковь Христова. Общество штундистовъ не можетъ претендовать на наименованіе себя Церковію соборною, потому что не имѣетъ внутренняго единства, существуетъ съ недавняго времени и ограничивается *народомъ*; не есть и апостольское общество, потому что не содержитъ ученія и преемства даровъ Св. Духа чрезъ священное рукоположеніе. Церковь же непогрѣшима въ своемъ ученіи, что доказывается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ изъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Заветовъ. Допустить противное—значитъ противорѣчить истинному понятію о Богѣ и Его отношеніи къ людямъ.

Высшею формою церковнаго управленія и суда служатъ вселенскіе соборы, обладающіе непогрѣшимостію и имѣющіе для себя основаніе въ примѣрѣ и практикѣ самихъ апостоловъ.

Въ IV гл. рѣшается вопросъ о сущности иконопочитанія и отличіи его отъ идолопоклонства на основаніи слова Божія,

доказывается, что оно не противно Слову Божію, нигдѣ не осуждается имъ, напротивъ предполагается. Попутно рѣшаются и разныя другія возраженія штурдистовъ относительно иконопочитанія (напр., православные будто бы называютъ иконы богами, неразумно украшаютъ ихъ золотомъ и серебромъ, считаютъ вѣкоторыя ихъ нѣхъ чудотворными и проч.).

V глава посвящена вопросу о существѣ таинства Евхаристіи. Въ ней въ вопросо-отвѣтной формѣ излагаются обѣтованія Христа объ установленіи таинства Евхаристіи и самое установленіе, доказывается дѣйствительность присутствія въ ней Тѣла и Крови Христовыхъ, опровергаются возраженія сектантовъ по этому вопросу и наконецъ, излагается ученіе православной Церкви объ Евхаристіи, какъ жертвѣ.

Въ VI гл. говорится, что такое ересь, каковы источникъ всѣхъ религіозныхъ заблужденій, каковы свойства еретиковъ; всѣ эти свойства усматриваются въ обществѣ штурдистовъ.

Изъ сказаннаго видно, что противощтурдистскій катихизисъ Преосвященнаго Алексія рѣшаетъ весьма многіе вопросы противосектантской полемики и апологетики и православія, и при томъ рѣшаетъ самыя основныя, важныя и къ тому же трудныя вопросы. Если противосектантскій катихизисъ г. Боголюбова (кстати сказать, не чуждый крупныхъ ошибокъ и натяжекъ) назначается для начальныхъ школъ приходовъ, зараженныхъ сектанствомъ, то противощтурдистскій катихизисъ еп. Алексія, нужно полагать, имѣетъ въ виду болѣе широкій кругъ читателей;—пастырей Церкви и мірянъ, заинтересованныхъ дѣломъ противощтурдистской миссіи: отсюда и разница между этими двумя катихизисами какъ въ постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ, такъ и объемѣ. Катихизисъ г. Боголюбова, исчерпывая болѣе или менѣе все православно-христіанское вѣро-и-нравоченіе въ виду дѣлаемыхъ сектантами возраженій, отличается элементарностію мысли и краткостію изложенія (59 стр.), катихизисъ сп. Алексія затрогиваемые вопросы рассматриваетъ обстоятельно, всесторонне, съ научно-богословской и философской точекъ зрѣнія, а потому, при сравнительной неполнотѣ, довольно значительнаго объема (214 стр.). Высокопоставленный авторъ утверждаетъ истину православія и опровергаетъ

заблужденія сектантовъ не только путемъ анализа многихъ текстовъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Заветовъ, но и соображеніями разума. Онъ показываетъ несостоятельность основныхъ началъ сектантскихъ лжеумствованій, лишаящихъ по сему все ихъ общество единства и устойчивости въ области вѣро-и-правоученія и богослуженія. Поэтому въ противоступидскомъ катихизисѣ получили широкое примѣненіе два логическихъ приема доказательствъ: *ad hominem* и *ad absurdum*. Послѣдній приемъ особенно умѣстенъ въ полемикѣ съ штундистами, потому что путемъ прямой нити умозаключеній воочию показываетъ нелѣпость сужденій сектантовъ и предлагаемыхъ ими вопросовъ. Доказательства историческія, хотя не всегда принимаются сектантами вслѣдствіе ихъ невѣжества и исключительнаго уваженія къ Св. Писанію, все же этого нельзя сказать относительно всѣхъ: особенно въ послѣднее время штундисты стараются поставить въ затрудненіе православныхъ вѣ- которыми вопросами историческаго свойства. При томъ при бесѣдахъ нужно имѣть въ виду не однихъ сектантовъ, но и православныхъ.

Тонъ сужденій автора катихизиса отличается полнымъ спокойствіемъ и объективностію.

Катихизическая форма изложенія мыслей несомнѣнно избрана въ цѣляхъ сообщить живость изложенію и облегчить читателя въ усвоеніи трудныхъ богословскихъ предметовъ и тонкихъ отгѣнковъ и изгибовъ мысли въ полемикѣ.

Бумага и печать прекрасны. Вообще книга издана изящно. Можно только пожелать, чтобы во второмъ изданіи тексты Св. Писанія были непечатаны не сплошнымъ шрифтомъ, а курсивомъ. Цѣна книги, къ сожалѣнію, не обозначена.

Въ виду современности и интереса, разсматриваемыхъ въ катихизисѣ епископа Алексія вопросовъ, — богатства содержанія, богословско-философской эрудиціи, при простотѣ изложенія, книгу эту нужно признать весьма полезнымъ пособіемъ для всѣхъ лицъ, причастныхъ и интересующихся дѣломъ противоступидистской миссіи.

ПИСЬМА О ЦЕРКОВНОМЪ ПѢНІИ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

„Мы приписали мысли значеніе, котораго она далеко не имѣетъ для нашей внутренней жизни, и все подчинили культу разума, который въ дѣйствительности играетъ и можетъ играть только второстепенную роль... Главный элементъ въ человѣкѣ не разумъ, а чувство въ его двойственной роли—эмоція и ошущенія“.

I. Спенсеръ. Факты и замѣтки.

Все возрастающій интересъ къ религіознымъ вопросамъ и всякаго рода религіозныя исканія являются весьма замѣтной особенностью жизни современнаго общества и русскаго, и западно-европейскаго. Отчаявшись найти счастье и покой съ помощью *только* разума и науки, человѣчество снова жаждетъ вѣры. На мѣсто разсудка оно не прочь поставить сердце и чувство съ ихъ стремленіемъ раздвинуть тѣсныя границы положительнаго, установленнаго разумомъ. Душа современнаго человѣка утомлена землей и всѣмъ земнымъ и жадно ищетъ пріюта, гдѣ бы удовлетворены были ея исконныя порывы къ небесному... Церковь православная—надежная пристань въ этихъ исканіяхъ для многихъ и многихъ милліоновъ душъ человѣческихъ. Всѣмъ своимъ содержаніемъ и строемъ она обращается прежде всего именно къ чувству и сердцу. Въ средствахъ воздѣйствія на то и другое у нея нѣтъ недостатка. И одно изъ самыхъ могущественныхъ,—церковное пѣніе. Хорошо убѣдительное, простое, задушевное слово, раскрывающее и поясняющее тайны вѣры, но пѣніе проще, доступнѣе и глубже разъясняетъ сердцу ту *суть*, передъ которой часто такъ безсильно слово.

Наше родное церковное пѣніе—великое сокровище. Копилось и собиралось оно многовѣковой работой длиннаго ряда поколѣній. Переживало всякіе перевороты, истытывало самыя разнообразныя вліянія. Одни изъ нихъ на время затемняли суть

его, скрывая ее подъ новыми наслоеніями. Другія приносили новыя и чуждыя формы, которыми оно, перерабатывая ихъ, широко пользовалось для лучшаго, ярчайшаго проявленія той-же сути своей ¹⁾. Какъ бы то ни было—наше церковное пѣніе и до нынѣ „живетъ и дѣйствуетъ“, и до нынѣ оно источникъ утѣшенія.

Мнѣ кажется очень своевременнымъ говорить о немъ теперь. Теперь поощадаютъ къ тому и другія обстоятельства.

Много усилій прилагается нынѣ, чтобы церковное пѣніе заняло подобающее ему положеніе и въ храмѣ, и въ школѣ, и даже дома. А результаты этихъ усилій, сравнительно, невелики. Причинъ тому много. И главная—это крайняя запутанность во взглядахъ на церковное пѣніе и въ ближайшихъ требованіяхъ къ нему предъявляемыхъ. Слишкомъ много въ нихъ личнаго усмотрѣнія, личныхъ склонностей и симпатій, и мало твердо обоснованнаго и провѣреннаго. Оттого—такъ неясно опредѣленныя ближайшія цѣли, оттого столько противорѣчиваго и ошибочнаго въ выборѣ средствъ для ихъ достиженія.

Въ предлагаемыхъ вниманію читателя замѣткахъ я хотѣлъ-бы посылно разобратъ въ положеніи дѣла и вызвать на то же другихъ. Отнюдь не претендую на непрерываемость моихъ выводовъ и, даже, остерегусь дѣлать ихъ. Повторяю, моя единственная цѣль—поставивъ „во главу угла“ нѣкоторыя твердо обоснованныя положенія, разоборться, насколько это мнѣ доступно, въ разнаго рода недоумѣніяхъ...

Замѣткамъ своимъ я придаю форму „Писемъ о церковномъ пѣніи“. Такая форма избавляетъ меня отъ отвѣтственности за недостаточную исчерпаность той или иной стороны вопроса. То, что въ церковномъ пѣніи обратило мое вниманіе, или на что обратить его текущая жизнь,—то и составитъ предметъ моихъ писемъ.

¹⁾ Я надѣюсь въ одной изъ своихъ замѣтокъ возобновить въ памяти читателя пути, которыми церковное пѣніе шло въ своемъ развитіи.

ПИСЬМО I.

О „простомъ“ пѣніи.

Проклятъ (человѣкъ), творящій дѣло Господне съ небреженіемъ.

(*Иеремія, и. 48, ст. 10*).

Вся благообразно и по чину да бываютъ.

(*1 Коринѳ., 14, 40*).

Подобаетъ бо пѣти благочинно и согласно вознзати Владыцѣ всѣхъ и Господу славу, яко едними усты отъ сердець своихъ. Преслушающіи же сія вѣчной муцѣ повинни суть, яко не повинуются святыхъ отецъ предавіямъ и правиламъ.

(*Титикоу, и. 28*).

Таковы рѣшительныя и грозныя предупрежденія Церкви всѣмъ, кто небрежетъ о дѣлѣ Божьемъ. И нельзя считать ихъ излишне суровыми и строгими, ибо важно и нужно то дѣло, о которомъ они говорятъ. Всякому изъ насъ, хотъ по воспоминаніямъ дѣтства, знакомо свѣтлое, мирное чувство, которое выносить человѣкъ изъ храма. Да иначе быть не можетъ. Все въ храмѣ, все, что доступно глазу, уху, сердцу, мысли— все говоритъ о тѣхъ простыхъ—и высокихъ, и нужныхъ міру истинахъ, которыя заповѣданы намъ Христомъ, и безъ которыхъ совмѣстная, общественная жизнь невозможна. Въ храмѣ растетъ и зрѣетъ то христіанское чувство, которое повелѣваетъ въ каждомъ видѣть брата, ближняго. Въ храмѣ пойдетъ вмученный живнью, отчужденностью, своекорыстіемъ людскими, ибо въ храмѣ слышитъ онъ голосъ: „*Приидите ко Мнѣ вси труждающіися, обремененніи, и Азъ упокою вы*“. Въ храмѣ пойдетъ лишенный привѣта, ласки и сердечнаго участія, чтобы прильнуть къ Вѣчной Любви и Правдѣ, какъ обиженный ребенокъ идетъ къ матери, чтобы выплакать на груди ея свое большое дѣтское горе. Кто не видалъ, какъ въ темныхъ углахъ церкви, закрывая лицо руками, содрагаются и бьются въ сдерживаемыхъ рыданьяхъ обиженные живнью? Съ какой тоской и

надеждой поднимаются глаза, полные скорби и горя, къ лику Того. Кто всѣхъ любить, всѣхъ утѣшить? Въ малой мѣрѣ, и не всегда, быть можетъ, но у всякаго есть эта иногда смутная, иногда совершенно сознательная потребность, хоть на время отдохнуть отъ суеты и несовершенствъ жизни, тамъ гдѣ царство идеала, царство Божіе...

Устроители Церкви отлично повимали, какъ велика и важна ея роль. Оттого такъ заботливо и предусматривали они все, что до „чина и благообразія“ ея касается. Оттого такъ рѣшительны и грозны ихъ предупрежденія всѣмъ, кто волей или неволей, признаніемъ или небреженіемъ нарушаетъ эти „чинъ и благообразность“, и—нарушая—лишаетъ богослуженіе его благодатнаго воздѣйствія.

Въ храмахъ мѣсто только истовому церковному чтенію и пѣнію, и о нихъ только и буду я говорить.

Чтеніе!... Сколько глубокаго возвышеннаго чувства, трогательной красоты и силы въ томъ, что читается въ храмѣ. А что мы зачастую видимъ? На евангеліи, посланіяхъ апостольскихъ, вдохновенныхъ пѣсняхъ псалтири и т. д. чтецы лишь пробуютъ и развиваютъ свой голоса. Не забота о вразумительности и ясности читаемаго, не забота о томъ, чтобы оно было понято и прочувствовано слушателемъ, а желанье кончить по-выше и погромче, желанье и все чтеніе сдѣлать только подготовкой, подходомъ къ послѣдней высокой и громкой нотѣ. Это стремленіе—страсть по мѣстамъ у насъ въ высокой степени распространено. Даже тамъ, гдѣ очень заботятся объ уставности и точности богослуженія, даже и тамъ эта несчастная страсть находитъ себѣ нерѣдко мѣсто. Въ одномъ храмѣ, пользующемся всероссійской извѣстностью, есть обычай: на пасхальной литургіи евангеліе читать на разныхъ языкахъ въ алтарѣ, и кромѣ, того—четырма діаконами, которые, становятся по четыремъ концамъ храма, сообразно странамъ свѣта. Евангеліе это, какъ извѣстно, дѣлится на три части, и каждая читается всѣми по очереди. Чтеніе у діаконѣвъ обращается въ какое-то состязаніе. И возвышенныя, полныя трепетной тайны слова апостола любви и богослова пропадаютъ въ безднахъ и мукахъ „гортаннаго крика“...

Этотъ печальный и грубый пережитокъ сдѣлалъ возможнымъ, напр., такое явленіе. Въ томъ же храмѣ всегда бываетъ очень много молящихся. Часто даже въ обычный воскресный день туда пускаютъ по очереди. Но туда вы почти всегда можете проникнуть—только ужъ послѣ чтенія апостола и евангелія. Ибо многіе, насладившись шумомъ и крикомъ при чтеніи ихъ,—въ дальнѣйшемъ не находятъ для себя ничего поучительнаго и выходятъ изъ храма. О чтеніи подобномъ говорилось не разъ... И мы не будемъ распространяться о немъ.

Переходя къ пѣнію, находимъ то же небреженіе. О собственно музыкальной сторонѣ исполненія я надѣюсь говорить дальше. Здѣсь посмотримъ, что представляетъ изъ себя церковное пѣніе со стороны выразительности, ясности и вразумительности.

Тексты пѣснопѣній, или по крайней мѣрѣ очень многіе изъ нихъ, несмотря на зачастую неудачный переводъ ихъ съ греческаго или еще менѣе удачное подражаніе ему—полны глубокаго содержанія и высокихъ поэтическихъ достоинствъ. А кто можетъ сказать, что онъ, слушая пѣніе тропаря или стихиры, всегда понимаетъ текстъ и проникается имъ? Кого въ „концертѣ“, херувимской или какомъ-либо другомъ „партесномъ“ пѣснопѣніи внѣшняя сторона исполненія не отвлекала отъ текста, не затемняла его смысла? Какъ создалось такое положеніе дѣла, при которомъ вмѣсто *пѣнія*—*молитвы* мы видимъ упражненія въ пѣвческомъ искусствѣ? При которомъ клиросъ храма обратился въ какую-то сомнительнаго достоинства концертную эстраду, съ которой рѣдко хорошо и почти всегда болѣе или менѣе неумѣло раздается то, что—по какому-то недоразумѣнію—мы продолжаемъ называть церковнымъ пѣніемъ? Пусть читатель задумается надъ этими вопросами—они стоятъ того! И пусть дальнѣйшее изложеніе хоть немного поможетъ ему разобраться въ нихъ.

Все церковное пѣніе наши пѣвцы раздѣляютъ на два вида—пѣніе простое (обычное) и партесное.

Простое, обычное—это то самое пѣніе, которое для большинства хоровъ и отдѣльныхъ пѣвцовъ—досадная необходимость и которое исполняется—въ огромномъ большинствѣ слу-

чаевъ—кое-какъ, на-скоро. Ибо уставъ требуетъ, чтобы было пропѣто то-то и то-то, а „партесныхъ“ сочиненій на большинство этихъ текстовъ нѣтъ. И вотъ скороговоркой, читкомъ, съ обрывками мелодій поются ектенія, стихиры, тропари, прокимны и т. д. Не до текста, не до смысла тутъ, лишь бы какъ-нибудь поскорѣе добраться до—партесовъ.

Читается ектенія. Каждое прошеніе ея—мольба безпомощнаго, страдающаго человѣчества къ Подателю всего. А клиръ, представляющій собой это человѣчество, равнодушно и томительно однообразно отвѣчаетъ: „Господи помилуй“. Но въ этомъ: „Господи помилуй“ нѣтъ соотвѣтствія съ просимымъ у Господа благомъ. Оно монотонно и однообразно и часто не выражаетъ молитвеннаго настроенія молящихся.

А было время, когда обычное пѣніе пользовалось большимъ вниманіемъ. Это и понятно. На самомъ дѣлѣ, что—въ главномъ—отличаетъ обычное пѣніе отъ партеснаго? Не думаю, что слишкомъ ошибусь, если позволю себѣ указать это отличие вотъ въ чемъ: Партесное пѣніе—результатъ индивидуальнаго пониманія того или иного текста, результатъ личнаго, субъективнаго переживанія того или иного момента богослуженія. Обычное-же пѣніе, пѣніе на распѣвы создавалось не единицами, а рядомъ поколѣвій, безсознательно работавшихъ надъ нимъ не одно столѣтіе. Обычное пѣніе—результатъ народнаго творчества. Каждая единица, каждое поколѣніе вносили въ него и въ немъ осуществляли долю своихъ требованій, частицу своего пониманія; и въ то же время—корректировали ошибки и заблужденія своихъ предшественниковъ. Оттого обычное пѣніе въ высокой степени объективно. Не поработавшая личнаго пониманія и чувства, не исключая возможности частичнаго проявленія того и другого, оно подчиняетъ ихъ общему пониманію и настроенію, давая для выраженія ихъ высоко-развитыя и удивительно гибкія формы.

Нынѣшній обычный распѣвъ, не представляетъ собою однороднаго цѣлаго. Въ первые полтора—два вѣка существованія Русской Церкви (XI—XII в.в.) въ ней полновластно царилъ знаменный распѣвъ.

Съ перенесеніемъ (въ XII вѣкѣ) центра государственной и

церковной жизни съ юга на сѣверъ, изъ кievской въ суздальскую Русь, знаменный роспѣвъ развѣтвился: на югѣ онъ остался подъ именемъ *кievскаго*, на сѣверѣ сохранилъ свое старое названіе. Оставляя неприкосновенными свои первоосновы и первоначальный характеръ, каждый изъ этихъ роспѣвовъ развивался въ дальнѣйшемъ самостоятельно, пріобрѣтая подъ давленіемъ обстоятельствъ и обстановки кое-какія мѣстныя, совершенно второстепенныя особенности.

Чуть-ли не съ первыхъ шаговъ самостоятельной жизни того и другого въ нихъ замѣчается стремленіе къ сокращенію, ибо протяженныя и высокоразвитыя мелодія, какъ нельзя болѣе соответствовавшія праздничному, торжественному богослуженію, дѣлали слишкомъ продолжительнымъ богослуженіе будничное, обычное.

Появились т. наз. *милые*, *сокращенные* роспѣвы. Въ нихъ сохранились наиболѣе характерныя мелодическія части роспѣвовъ *большихъ* (первоначальныхъ), а все второстепенное было опущено и замѣнено речитативомъ ¹⁾. Разумѣется, эта работа, какъ уже говорилось выше, производилась не однимъ лицомъ, даже не однимъ поколѣніемъ.

Съ XVI вѣка въ клиросную практику сперва юго-западной Руси, а черезъ нее и въ Московскую, вошли напѣвы иноземныя: греческій, болгарскій, сербскій. Въ разныхъ мѣстностяхъ Руси, изъ-за бездорожья и отдаленности ихъ другъ отъ друга связанныхъ между собою очень слабо, всѣ эти роспѣвы развивались почти независимо одинъ отъ другого, принимая *въ частностяхъ* своеобразный мѣстный оттѣнокъ. Появились *мѣстные* роспѣвы. Къ XVIII в. русская Церковь обладала огромнымъ количествомъ обычныхъ будничныхъ роспѣвовъ въ самыхъ разнообразныхъ редакціяхъ.

Но дальнѣйшее развитіе и здоровый ростъ ихъ были ослаблены появившимся съ XVII в. партеснымъ пѣніемъ. О послѣднемъ я надѣюсь говорить въ слѣдующемъ письмѣ. Пока вернемся къ обычному пѣнію.

¹⁾ Речитативъ—пѣніе на одной нотѣ, читкомъ.

Вся масса роспѣвовъ была строго подчинена закону осмогласія и сохранила присущія ей особенности—строгую объективность содержанія и ясность формы. Вездѣ на первомъ планѣ стоятъ текстъ, забота о ясности и выразительности его. Нѣтъ излишнихъ повтореній словъ, растягиванія отдѣльныхъ слоговъ, нѣтъ невѣрной, искажающей и затемняющей смыслъ расстановки грамматическихъ и логическихъ удареній. Въ большихъ роспѣвахъ задача полнаго слиянія текста съ напѣвомъ рѣшена блестяще; въ большинствѣ пѣснопѣній это слияніе достигаетъ изумительнаго совершенства ¹⁾).

Въ малыхъ роспѣвахъ много мѣста отведено регитативу, и, слѣд., забота о ясномъ выраженіи текста переходитъ къ пѣвцу. Кромѣ того, при примѣненіи этихъ роспѣвовъ неизбежна нѣкоторая механизация ихъ. Такъ, одинъ и тотъ-же текстъ поется на всѣ гласы (напр.: Господи возвахъ, запѣвы, преблагословенна еси Богородице Дѣво и т. п.); или на одинъ гласъ поется множество разнообразныхъ по формѣ и размѣру текстовъ (стихиры, тропари). Все это требуетъ нѣкотораго приспособленія напѣва къ тексту, нѣкоторыхъ измѣненій напѣва, но—повторяемъ—*не въ главныхъ, характерныхъ частяхъ* его: все ограничивается сокращеніемъ или расширеніемъ второстепенныхъ частей.

Здѣсь, въ этомъ дѣлѣ слиянія текста съ напѣвомъ, пѣвцу предоставляется самая широкая свобода, самая полная возможность личнаго творчества, лишь бы *суть* напѣва осталась неизмѣнной. Понятно, что сколько-нибудь сносные результаты могутъ получиться только тогда, когда пѣвецъ совершенно твердо и подробно, до мелочей—знаетъ напѣвъ; когда онъ—пѣвецъ—дастъ себѣ трудъ тщательно подумать и надъ текстомъ и надъ тѣмъ, какъ слить текстъ и напѣвъ въ одноцѣлое.

Ни того, ни другого нельзя—къ глубокому прискорбію—отмѣтить на нашихъ клиросахъ. То пренебрежительное отношеніе къ *простому* пѣнію, о которомъ говорилось выше, ведетъ за собою недостаточное знаніе его. Напѣвъ усваивается кое-

¹⁾ Укажу на догматики, ирмосы воскресны, стихиры Пасхи—знам. роси.

какъ, паскоро. Встрѣтится при исполненіи какое-либо затрудненіе—его обходятъ очень просто: прямо пропускаютъ трудное мѣсто и замѣняютъ его собственнымъ измышленіемъ. Некогда хору разучивать. И отдѣльные пѣвцы, псаломщики, дѣлаютъ тоже самое. Забыль пѣвецъ мелодію какой-нибудь строки—не затрудняясь ставить на ея мѣсто первое, что привела услужливая память:—другую строку изъ другого голоса, партію другого голоса изъ хорового изложенія какого-нибудь напѣва; а часто и просто плоды собственнаго вдохновенія, мгновенной импровизаціи.

Не разъ высказывались пожеланія, чтобы текстъ пѣснопѣвній предстоящаго богослуженія предварительно просматривался пѣвцомъ или бѣяцами. Увы! Тщетны и до сихъ поръ эти пожеланія и даже—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—предписанія. И до сихъ поръ не рѣдкость видѣть такую картину. Праздникъ. Пропѣли Господи возвахъ, заиѣвъ. На клиросѣ появляется книга (Октоихъ, Минея, Тріодь), съ шумомъ толпится къ ней хоръ, невѣдѣные изгнаны и... начинается коллективная импровизація, для которой даны двѣ темы: нетвердо усвоенный напѣвъ и мало извѣстный, чуть-ли не въ первый разъ появляющійся предъ глазами пѣвцовъ текстъ.. Комментаріи излишни. Всякому приходилось слышать это терзаніе текста и напѣва.

Не лучше обстоитъ дѣло и тогда, когда поетъ одинъ псаломщикъ. Вѣдь не секретъ, что не только псаломщики, но иногда и священники ¹⁾ сплошь и рядомъ не могутъ похвастаться умѣньемъ правильно и внятно читать славянскій текстъ. Частенько буквально бредутъ въ немъ, особенно если текстъ мало знакомъ.

А тутъ предстоитъ трудная и умная задача—слить текстъ съ напѣвомъ, когда и то и другое недостаточно знакомо. И здѣсь выручаетъ импровизація... съ одинокимъ успѣхомъ.

Можно-ли говорить о *вразумительномъ* пѣніи, можно-ли тре-

¹⁾ См. напр., „Замѣтки сельскаго священника“ въ № 50 Церковнаго Вѣстника за 1904 г.

бовать, „чтобы пѣніе возбуждало, а не подавляло молитвеннаго настроенія, дѣлая (пѣніе) доступнымъ если не по смыслу, то по интонаціи голоса, по тому чувству, съ которымъ оно совершается ¹⁾? Развѣ можетъ быть смыслъ или какіе-нибудь намеки на чувство въ томъ сумбурѣ, спотыканіяхъ, проглатываніяхъ, растягиваніяхъ, которые подъ видомъ *простого* пѣнія такъ, увы, нерѣдко несутся съ клироса... И значительная часть богослуженія, много говорящая, многое разъясняющая, пропадаетъ для молящагося, возбуждая досадное недоумѣніе: „когда же это кончится“...

А народъ любитъ свое простое пѣніе за его истовость, ясность. Сердцемъ чувствуетъ и прозрѣваетъ онъ въ немъ тѣ сокровища, то богатство содержанія, которыя копились вѣками, поколѣніями пѣвцовъ, изливавшихъ, душу въ *пльни*—*молитвь*. Народъ жаждетъ приобщиться этому сокровищу, жаждетъ вновь испытать тѣ чувства и настроенія, что создавали его. А народу подносится оно—изуродованное—въ бессмысленно монотонномъ, лишенномъ и тѣни жизни, чувства исполненіи.

Я въ общихъ чертахъ коснулся существующихъ у насъ по мѣстамъ недостатковъ при богослуженіи. Но, вѣдь, пѣніе очень важная составная часть богослуженія. „Осмысленное, прочувствованное чтеніе (и пѣніе—прибавимъ отъ себя) клириковъ древней церкви у насъ смѣнилось невнятнымъ, „попомарскимъ“ чтеніемъ (и пѣніемъ), которое невразумительно самому внимательному слушателю, въ особенности же простому народу, не всегда понимающему и ясно произносимую славянскую рѣчь... Въмѣсто того, чтобы будить въ душѣ порывы горячаго религіознаго одушевленія, богослуженіе наводитъ утомленіе и скуку. Такой характеръ богослуженія болѣе чѣмъ что-либо иное гонитъ народъ въ сектантство... Простые начетчики сумѣли сложить цѣлый рядъ религіозныхъ пѣсней, общее исполненіе которыхъ присутствующими возбуждаетъ глубокое молитвенное настроеніе. Не будемъ говорить про внутреннюю сторону, про соотвѣтствіе молитвъ и пѣснопѣній евангельской истинѣ, но съ внѣшней стороны и по состоянію глубоко напряженнаго

¹⁾ Изъ рѣчей Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.

религіознаго чувства эти сектантскія молитвы и рѣчи, при всей ихъ внутренней уродливости, не замѣчаемой народомъ, въ глазахъ его ближе подходятъ къ богослуженію апостольскаго вѣка съ его пророчествами и молитвенными импровизаціями, чѣмъ наши церковныя службы. Грустно подумать объ этомъ". (Церк. Вѣсти., № 50. Сектантство и богослуженіе).

Н. К.

Г. Харьковъ.

Архіерейскія богослуженія.

24-го мая, въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ, въ 9 часовъ утра, соборнымъ духовенствомъ была совершена заупокойная литургія и послѣ нея Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Сумскимъ, отслужена панихида по православнымъ воинамъ, въ морѣ на брани животь свой положившимъ. На богослуженіи въ соборѣ присутствовали: Харьковскій губернаторъ, генераль-майоръ К. С. Старынкевичъ, прокуроръ Харьковской судебной палаты С. С. Хрулевъ, чины военнаго и гражданскаго вѣдомства и молящіеся.

Въ среду, 25 мая, въ высокотожественный день рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны, въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ, въ 9 ч. утра, Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Сумскимъ, въ служеніи соборнаго духовенства, была совершена божественная литургія, а послѣ нея отслуженъ благодарственный Господу Богу молебенъ. На богослуженіи присутствовали: начальникъ 51 пѣх. дивизіи генераль-лейтенантъ Н. И. Печавъ, вице-губернаторъ В. А. Оленецъ, генералитетъ, чины гражданскаго и военнаго вѣдомства, представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и много молящихся. Въ 11 час. утра на Соборную площадь прибыла войска для парада. Всѣ прибывшія войска по-

строились въ линію, фронтомъ къ Собору и ожидали парада. По окончаніи богослуженія, на Соборной площади состоялся парадъ. Парадомъ командовалъ подполковникъ 201 пѣх. Лебедянского полка Добровольскій. Принималъ парадъ генераль-лейтенантъ Нечаевъ. Выйдя изъ собора и принявъ отъ командующаго парадомъ почетный рапортъ, генераль Нечаевъ обошелъ ряды войскъ, поздоровался съ ними, поздравилъ ихъ съ высокаторжественнымъ праздникомъ и провозгласилъ здравицу Ея Императорскому Величеству Государыни Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ и всему Царствующему Дому. На слова генерала раздалось громовое „ура“. Оркестръ музыки исполнилъ въ это время народный гимнъ: „Боже, Царя храни!“ Послѣ этого войска были пропущены церемониальнымъ маршемъ, а затѣмъ разошлись по квартирамъ. Парадъ окончился въ 12 час. дня. Городъ съ ранняго утра былъ украшенъ флагами, а вечеромъ иллюминаванъ.

27-го мая, Харьковское епархіальное женское училище праздновало свой годовичный актъ по случаю выпуска окончившихъ курсъ воспитанницъ. Въ 9 ч. утра председателемъ совѣта прот. Т. И. Буткевичемъ, въ сослуженіи инспектора училища о. Іоанна Котова и законоучителей училища, совершена была литургія, во время которой пѣлъ хоръ воспитанницъ подъ управленіемъ о. Іоанна Петровскаго. Въ концѣ литургіи инспекторъ училища обратился къ воспитанницамъ съ напутственнымъ словомъ, въ которомъ, сравнивъ учебное время съ утромъ ихъ жизни, предложилъ имъ нѣсколько глубоко продуманныхъ наставленій для ихъ дальнѣйшей жизни. Въ 12 ч. прибылъ въ училище Преосвященный Алексій, Епископъ Сумскій, и въ сопровожденіи встрѣтившихъ его членовъ совѣта и начальницы училища Е. Н. Гейцыгъ прошелъ въ храмъ для совершенія благодарственного Господу Богу молебствія. На молебнѣ присутствовали: члены совѣта училища, почетная попечительница Д. Д. Оболенская, корпорація учащихъ и воспитывающихъ, воспитанницы и родители послѣднихъ. Послѣ молебна Преосвященный вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими направился въ актовъ залъ, гдѣ сначала былъ прочитанъ краткій отчетъ о состояніи училища. Изъ отчета видно, что воспитанницъ въ 1904—1905 уч. году было 665, въ томъ числѣ окончившихъ курсъ 69; изъ нихъ награжденныхъ 15. Сверхъ того, отъ имени попечительницы Д. Д. Оболенской были награждены нотными изданіями 8 и руководѣльными принадлежностями 2 вос-

пятанницы и 1 получила принадлежности иконописнаго мастерства. Послѣ раздачи наградъ и аттестатовъ объ окончаніи курса съ правами на званіе домашнихъ учительницъ, Преосвященный Алексій обратился къ воспитанницамъ съ прощальною рѣчью, въ которой далъ имъ наставленія о храненіи въ жизни душевной чистоты и непорочности.

Въ заключеніе предсѣдателемъ о. Т. И. Буткевичемъ была прочитана телеграмма Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, слѣдующаго содержанія: „Привѣтствую воспитанницъ съ окончаніемъ ученія, благословляю ихъ, желаю въ жизни всего лучшаго, прошу ихъ никогда не забывать тѣхъ религіозно-правственныхъ правилъ, которыя онѣ получили въ училищѣ, и руководствоваться ими въ жизни“. Эта телеграмма была получена на имя начальницы въ отвѣтъ на телеграмму воспитанницъ къ Высокопреосвященному Арсенію, который по болѣзни не могъ самъ присутствовать на училищномъ торжествѣ.

Иѣніемъ народнаго гимна закончился училищный актъ.

5-го іюня, въ день Пятидесятницы, Высокопреосвященный Арсеній Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ первый разъ послѣ своего выздоровленія, совершилъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, въ 10 часовъ утра. Во все время своего недомоганія, Владыка не прекращалъ занятій текущими епархіальными дѣлами.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Отрадное явленіе.

Въ «Моск. Вѣд.» напечатано слѣдующее извѣстіе: Холмъ, Люблинской губ., 16 мая.

Среди всеобщей разногласицы и сумбура жизни Русскаго народа—отраднымъ, свѣтлымъ лучомъ является слѣдующее небольшое, но характерное событіе въ этомъ закудаломъ городкѣ.

По Люблинскому шоссе, на этихъ дняхъ, вступила въ городъ Холмъ толпа крестьянъ и направилась къ собору. Это шли православные крестьяне изъ сосѣднихъ деревень: Серебрищи, Воло-

щинской в Каменн (отъ Холма 15—18 верстѣ) къ своему архивастырю, Преосвященному Епископу Люблинскому Евлогію, чтобы помолиться—вмѣстѣ съ нимъ—предѣ чудотворною иконой Божіей Матери о дарованіи побѣды Россіи и ниспосланіи ей мара. Толпа двигалась медленно и чинно—съ непокрытыми головами в флагахъ въ рукахъ. Два старика вперед несли портретъ Государя Императора. Пѣли «Боже, Царя храни»!..

Около собора крестьяне приостановились, в ѣкъ нимъ вышелъ Епископъ Евлогій. Выборные, получивъ святительское благословеніе, обратились къ архивастырю съ такою, приблизительно, рѣчью: «Мы пришли, Ваше Преосвященство, помолиться передѣ чудотворною иконой Божіей Матери—о дарованіи побѣды надѣ врагами дорогой нашей родины и выразить вамъ тѣ чувства любви и беззавѣтной преданности Царю и Отечеству, какими полны сердца всѣхъ мѣстныхъ православныхъ крестьянъ. Мы презираемъ крамольниковъ, которые сѣютъ смуту на Руси въ нынѣшнее трудное время и готовы всѣмъ пожертвовать, все отдать обожаемому Царю-Батюшкѣ—для одолѣнія враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ».

Послѣ торжественнаго молебна—съ провозглашеніемъ многолѣтніи—Преосвященный Евлогій обратился къ находившимся въ храмѣ съ назидательнымъ словомъ. Около полудня толпа стала выходить изъ собора и тѣмъ же порядкомъ, какъ пришла, отправилась домой..

Въ добрый часъ!

Православный.

На помощь плѣннымъ.

Тяжка жизнь человѣка въ неволѣ, тяжка жизнь воина безоружно и безцельно попавшаго во власть ценріятеля. Но это гнетущее существованіе 65,000 русскихъ плѣнныхъ въ Японіи еще болѣе омрачается постоянною мыслью: „Насъ забыли на родинѣ“.

Преосвященный Николай японскій, не покинувшій своей японской паствы во время войны, въ настоящее время явился ангеломъ-утѣшителемъ и нашихъ плѣнныхъ, съ которыми японскія власти хотя не позволяютъ ему видѣться, но допускаютъ письменныя сношенія. Нужды нашихъ плѣнныхъ, половина которыхъ состоитъ изъ раненныхъ и изувѣченныхъ, очень разнообразны и по большей части трудно удовлетворимы отсюда; но Преосвященный Николай указываетъ и на такія потребности, удовлетвореніе коихъ, при добромъ чувствѣ, вполне намъ доступно. Величайшею отрадой въ этомъ положеніи для плѣнныхъ является молитва и

работа. Въ томъ и другомъ отношеніи мы могли бы имъ помочь. На первомъ планѣ стоятъ присылка книгъ. Книжки нужны самыхъ разнообразныхъ родовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ офицеры устрояли для солдатъ школы. Между солдатами немало безграмотныхъ. Грамотнымъ же нужны пособія для дальнѣйшаго образованія. Это работа осмысленная, при которой и учителя, и ученики не даромъ теряютъ время плѣна. Для самихъ же офицеровъ нужны, сверхъ того, книги серьезныя.

Епископъ Николай, поэтому, проситъ присылать всякія книги: буквари, грамматики, арифметики и вообще учебники по всѣмъ предметамъ. Весьма нужны также молитвенники. Для многихъ, готовыхъ собирать и посылать книги, не ясно, какъ это сдѣлать? Епископъ Николай пишетъ, что все, посылаемое по почтѣ, прямо на его имя: Японія, Токио, Русская Миссія, епископу Николаю (Japan, Tokio, bishop Nicolai)—передается ему безъ затрудненія. Такъ какъ пересылка книгъ на Дальній Востокъ дорога и превышаетъ иногда стоимость самихъ книгъ, то лучше всего пользоваться услугами петербургскаго Бюро Военно-плѣнныхъ, которое отправляетъ посылки плѣннымъ даромъ. Въ Москвѣ такія посылки можно сдавать въ Кремль, въ комитетъ Великой Княгини Елизаветы Θεодоровны. Лица, живущія въ провинціи, могутъ просить мѣстный Красный Крестъ переслать ихъ посылку въ Петербургское Бюро Военно-плѣнныхъ. Сверхъ указаннаго, епископъ Николай проситъ присылать богослужебныя ноты—непремѣнно простого обиходнаго пѣнія. Особенно проситъ онъ четырехголосное пѣніе Вахметева. Многочисленные хоры нашихъ плѣнныхъ въ ихъ часовняхъ, храмахъ и при домашнихъ богослуженіяхъ, имѣютъ настоятельную нужду въ нотахъ. Голосовъ у нихъ всегда оказывается много, а нотъ нѣтъ.

Многіе плѣнные потеряли свои кресты, во время боевъ, во время скитаній по госпиталямъ. Другіе просятъ у епископа крестиковъ въ видѣ благословенія. Такой крестикъ (серебряный, на шелковомъ шнуркѣ) стоитъ въ Японіи 15 копѣекъ. Пресвященному Николаю невозможно отказывать плѣннымъ въ удовлетвореніи этой просьбы, а въ то же время онъ совѣмъ не имѣетъ средствъ покрыть такой расходъ. И вотъ онъ пишетъ, что въ надеждѣ на соотечественниковъ рѣшился заказать въ долгъ изготовленіе этихъ крестиковъ, и теперь нужно намъ постараться, чтобы его надежда на помощь изъ Россіи не осталась обманутою. Вотъ на этотъ предметъ нельзя не просить пожертвованій. Это

расходъ, который было бы приличнѣе всего покрыть русскими частными пожертвованіями. Нашимъ собратьямъ, по возвращеніи въ плѣна, эти крестьяки, полученные въ тяжкое время жизни на далекой чужбинѣ, остались бы вдвойнѣ дорогимъ воспоминаніемъ о епископѣ Николаѣ и заботливости о нихъ на родинѣ.

Пересылка денегъ епископу Николаю производится прямо, черезъ какою нибудь банкъ, имѣющей операціи на Дальнемъ Востоцѣ, по адресу Токио: Русская Миссія, епископу Николаю (Japan, Tokio, bishop Nicolai).

За что Россія воюетъ съ Японіей!?

Въ № 91 „Слав. Вѣк.“, одинъ крестьянинъ такъ разсуждаетъ о современной войнѣ: Много объ этомъ говорили, говорятъ и какъ будто не договариваютъ. То Россіи нуженъ былъ Портъ-Артуръ какъ выходъ въ теплое море и она сама коварно вызвала на себя Японію; то Англія науськала Японію на Россію, чтобы обезсилить обѣихъ; то Германія толкнула Россію въ Портъ-Артуръ, а потомъ натравила на нее Японію.. И разъ началась война, то ужъ тутъ, мошь, дѣло самолюбія, а потому Россія, во имя своихъ-де болѣе важныхъ интересовъ, должна, во что-бы то ни стало, заключить поскорѣе миръ и т. д. и т. д.

Все это не... то.

Что Англіи и Германіи ослабленіе Россіи и Японіи выгодно, что Россія своей войной служить и торговымъ и колониальнымъ интересамъ Германіи и что та и другая потрудились разжечь пожаръ — все это очевидно. Но государственные люди обѣихъ этихъ державъ, какъ хорошіе практичные политики, хорошо понимая обстоятельное положеніе сторонъ, только ловко воспользовались обстоятельствами и ускорили событіе. Портъ-Артуръ какъ незамерзающій выходъ въ море не важенъ, правда, для насъ въ настоящее время, потому — что мы не доросли еще до нужды въ немъ, по крайней мѣрѣ — на столько, чтобы изъ-за него воевать. И Россія заняла этотъ Портъ по болѣе важной причинѣ. Стратегическое положеніе Портъ-Артура таково, что кто имъ владѣетъ, тотъ дѣлается хозяиномъ Манчжуріи, Монголіи, Кореи, вліяетъ и на Пе-

бвнъ. Шестнадцатимилліонное населеніе Манчуріи—прекрасный воинственный матеріалъ для пѣхоты, двухмилліонное населеніе Монголіи—прекрасный матеріалъ для кавалеріи. И ты, в другая страна плотно прилагають къ Сибири вплоть до Средней Азіи. Пока въ этихъ краяхъ царилъ Китай—Россія была покойна за себя. Но Портъ-Артуръ заняли въ 1894 г. безнокойные, воинственные японцы—и покойное положеніе сразу измѣнилось въ угрожающее. Японія отлочно повимала положеніе и знала, что дѣлала. Въ 10—15 лѣтъ она сформировала-бы изъ манчуровъ и монголовъ грозную силу, и Россіи нѣсколькимъ годами позже все равно пришлось бы отбиваться отъ нея, но уже не глѣ-то въ Портъ-Артурѣ, не на поляхъ какой-то Манчуріи, а у городовъ: Иркутска, Томска, Омска, Семипалатинска, Оренбурга!..

Вотъ почему Россія вошла въ Манчурію и въ Портъ-Артуръ: не за выходомъ въ теплое море, а чтобы не дать монгольской воинственной націи утвердиться на континентѣ и заразить нашихъ сосѣдей враждой къ намъ. И теперь Россія воюетъ, слѣдовательно, не за Манчурію и Портъ-Артуръ, а въ Манчуріи и Портъ-Артурѣ за свою Сибирь, за все свое Европейское благополучіе, и воюетъ только съ японцами. А не займи она въ свое время Портъ-Артура, ей пришлось бы воевать и съ японцами и съ китайцами, и съ манчурами, и съ монголами! Россія, для своей безопасности должна въ тѣхъ краяхъ закрѣпить свое положеніе и превратить монголовъ в манчуровъ въ друзей, а не враговъ,—въ силу защищающую, а не нападающую, иначе... уходи обратно, за Уралъ—въ Московскую Русь!..

Вотъ какова задача у Россіи, вотъ за что она воюетъ! Враги это видѣли и зажгли пожаръ раньше, чѣмъ были благодушной нашей бюрократіей припасены пожарныя трубы, и русскому народу приходится каяться въ чужихъ грѣхахъ...

На страницахъ „Славянскаго Вѣка“ раздавались упреки Россіи за то, что она для чуждаго Дальняго Востока забыла родной Востокъ Близній! Изъ сказаннаго выше вытекаетъ, что это упрекъ не заслуженный! Дальній Востокъ—это жизненное дѣло Россіи! Близній Востокъ жизненное дѣло и Россіи и славянства. Что загорѣлось первымъ, то и надо тушить, а загорѣлось бы и то и другое—пришлось бы тушить все.

И великое счастье Россіи, что не разомъ загорѣлось, да и загорѣлось на Дальнемъ, а не на Близнемъ. Здѣсь, на Близнемъ, пожаръ былъ-бы хотя и подъ бокомъ, удобнѣе для тушенія, за то

несомнѣнно сльиѣе и опасяѣе по послѣдствіямъ, въ случаѣ неудачи. Теперь-же, кажется, мы встрепенулись и подтягиваемся.

Славяне! бросьте упрекать Россію; помолитесь за русскій народъ, за земскія надежды единенія его съ русскимъ престоломъ и всѣми вами, и за то, чтобы ему было дано быть хозяиномъ своего дома—и тогда, повѣрьте, онъ будетъ каждый день осматривать свой мечъ-кладенецъ и пороховницу, и сдѣлается вѣрнымъ, бодрствующимъ часовымъ отъ многочисленныхъ враговъ его и всего славянства.

Д. Ковригинъ (крестьянинъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ

Русское Дѣло

Намъ возвращено право безцензурнаго издательства. Спѣшимъ развернуть наше старое знамя, возстановить нашу старую каеедру.

Въ переживаемые тяжелые дни военныхъ неудачъ и нравственныхъ испытаній, броженія умовъ и всеобщей растерянности величайшая задача публициста: помочь разобраться въ хаосѣ общественной мысли и чувства, сказать трезвое и спокойное слово среди политическаго угара, попытаться согрѣть озлобленныя сердца, поднять уявшій духъ и освѣтить путь къ разумному и достойному нашей великой Родины выходу.

„Русское Дѣло“ было и будетъ нашимъ личнымъ органомъ. У насъ нѣтъ ни партій, ни дѣянаго списка сотрудниковъ литературнаго цеха. Наши сотрудники всѣ тѣ, у кого терзается душа горемъ и болѣзнями Родины, кто умѣетъ думать и чувствовать по-русски и кому негдѣ высказать своихъ задуманныхъ мыслей, чуждыхъ и непонятныхъ нашимъ узкимъ литературнымъ кружкамъ.

Этимъ голосамъ были широко всегда открыты страницы вашихъ прежнихъ изданій, ихъ зовемъ мы и въ возобновляемое «Русское Дѣло». И первое мѣсто неделикой Молчальницѣ—Русской Деревнѣ.

„Русское Дѣло“ выходитъ съ 12 января въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, еженедѣльно, съ ежедневными въ случаяхъ надобности прибавленіями. Болѣе обширныя работы, какъ и въ „Русскомъ Трудѣ“, будутъ разсылаться особыми приложеніями. Такъ къ № 1 приложенъ былъ 26 Сочиненій Сергѣя Шаропова „Сяѣга“.

ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ ОТКРЫТА: Съ доставкой и пересылкой: За годъ 8 р., за 1/2 года 4 р., 1/4 года 2 р.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, Скатертный пер., д. Муромцева, Телефонъ № 9101. Въ С.-Петербурѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Саратовѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) и въ главн. книжн. торговляхъ друг. городовъ.

Редакторъ-издатель *Сергій Шароповъ.*

Новыя изданія Н. Н. Страхова.

(Харьковъ, Духовная Семинарія):

Руководство къ обученію грамотѣ . . . цѣна 40 к.
Грамотка—Первинка (букварь). „ 20 „

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ конхъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ различій, когорныя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Павла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣльева.—„Книга Руоу“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Диницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лишь, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: | Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
| Дѣйстви. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.